

*Виток
спирали,*
или
Круг замкнулся

Ян Ситева

*Виток
спирали,*
или
Круг замкнулся

**Ян
Ситева**

От автора

После выхода моей книги «Виток спирали, или Приоткрывая завесу “Мастера и Маргариты”» у читателей возникли вопросы, главным из которых был, как всегда в детективном жанре, вопрос о том, что будет дальше, кто из героев окажется злодеем, кто — нет. Был и еще один — когда выйдет в свет продолжение романа?

Теперь эта книга в ваших руках.

Вновь мы с вами отправимся бродить по лабиринтам странных событий и загадочных пророчеств, связанных со сложными и трудно постижимыми историческими процессами. Мне хотелось понять и соединить прошлое, настоящее и будущее.

Глава 1

Сквозь сон далекий звонок донесся до Максима. Он вернулся домой утром, двенадцатичасовой перелет с экзотического острова Хайнань оказался довольно трудным. С трудом, делая над собой усилие, он поднял голову. Взгляд направился в сторону прикроватной тумбы, где рядом с часами трезвонил мобильный телефон. Часы показывали половину четвертого дня. Сквозь туман в голове Максим попытался посчитать, сколько времени он спит. Немного, но, кажется, он выспался. Телефон замолк. Довольный, Максим с наслаждением потянулся, затем, присев на край кровати, взял с тумбочки мобильник. Посмотрел на непринятый вызов и, улыбаясь, нажал на зеленую кнопку телефона.

— Алёё, — протянул Максим.

— Наконец-то, — ответили в трубку, — с приездом!

— Спасибо! Как вы?

— Да мы-то нормально, ты как съездил?

— Слушай, просто прекрасно. Не помню, когда так отдыхал. А вы как съездили в горы?

— Нуу, думаю не так хорошо, как ты на море, но тоже неплохо. И близко. Кстати, сколько часов ты летел?

— Двенадцать...

— Ничего себе...

— Как ни странно, туда летел как-то легко, проспал весь полет. А обратно за все время глаз не смог сомкнуть.

— Ты когда прилетел?

— Утром.

— Надеюсь, я тебя не разбудил?

— Да нет...

— Тогда собирайся, я через час заеду, поедem отмечать Новый год.

— А Тоша?

— Он освободится к шести часам и подъедет к нам.

— Хорошо, только давай часа через полтора.

— Через полтора, так через полтора.

Максим отключил телефон и отправился в ванную комнату.

Стоя под прохладным душем, он возвращался мыслями в Китай, где провел новогодние и рождественские праздники.

Лет десять назад он познакомился с китайским бизнесменом Ли Юанем.

Они подружились, довольно удачно осуществили несколько бизнес-проектов, заработав неплохие деньги. По приглашению своего китайского друга Максим пару раз летал в Поднебесную.

После первой же поездки Максим влюбился в Китай настолько, что жаждал вновь и вновь оказаться в этой удивительной стране. Зная и чувствуя отношение Максима к Поднебесной, Ли Юань пригласил его провести свой отпуск в одном из чудеснейших мест Китая, на острове Хайнань, организовав для отдыха все мыслимое и немислимое.

Приятные воспоминания грели его душу. Даже реальность завершившегося отпуска, смена ярких красок тропического острова, теплого, а порой и жаркого побережья на холодную снежную зиму, окутавшую своим серо-белым покровом Москву, не омрачала его восторженное состояние.

Он вспоминал блюда китайской кухни, к которой относился с огромной любовью. Каждый раз он наслаждался разнообразием вкусов бесконечного количества блюд. Перед его мысленным взором прошли отель, где он жил, рестораны под открытым небом на берегу, гамаки для отдыха после дегустации блюд, укрепленные между пальмами.

Из коридора эхом донесся звонкий удар захлопнутой металлической двери. Максим прислушался. Последовавшая затем тишина на мгновение встревожила его. Он тут же выключил воду, накинул

махровый халат и вышел из ванной. Медленно, крадучись, двинулся в сторону прихожей. Из кухни доносились хруст и шелест. Максим замер, а потом маленькими шажками подошел к дверному проему. Сердце стучало, как будто пыталось вырваться из груди. Максим едва дышал. И тут словно кто-то проткнул ему грудь насквозь. Он шумно выдохнул. В кухне у стола стоял его племянник Лев, выкладывая из пакета продукты.

— Здравствуй Лева! — громким басом произнес Максим.

От неожиданности племянник дернулся и уронил пакет.

— Испугался?

— Дядь Максим, — из-за перебивающегося дыхания Лев с трудом произносил слова, — так можно и насмерть.

Они обнялись.

Перед отъездом в отпуск Максим отдал второй комплект ключей племяннику, чтобы тот присматривал за квартирой и два-три раза в неделю поливал цветы. После смерти Витольда отношения между племянником и дядей стали более теплыми и дружескими. Ни Максим, ни Лев иных родственников в Москве не имели. Не было у них и своих семей. Студент Лева подрабатывал, но ему трудно было и себя одного прокормить. Максим же не походил на типичного холостяка. Просто так сложилась его судьба. Ни с одной из знакомых женщин он не захотел создать семейный очаг.

По возрасту Лев годился Максиму в сыновья. Не подарив еще никому отцовской любви, Максим все чаще ловил себя на мысли, что к своему племяннику относится, как к родному сыну.

— Отдышись, — посоветовал дядя.

Лев сделал пару глубоких вдохов. Максим, с улыбкой наблюдая за ним, съязвил:

— Один — один.

— То есть?

— Ты тоже меня напугал. Принимаю душ и слышу, в квартиру кто-то вошел. Всякая всячина в голову полезла...

— Так вы же мне сами ключи дали...

— Я совершенно забыл, — с широкой улыбкой ответил Максим.

— А-а, тогда понятно.

Максим опустил взгляд на упавший пакет. Наклонившись и подняв сверток, Власов почувствовал аромат копченой колбасы, и у него моментально засосало под ложечкой. Он ужасно соскучился по привычной еде.

— Это что ты накупил?

— Дома шаром покати, а вы с дороги — надо же холодильник наполнить.

— А как ты узнал, что я сегодня прилетаю?

— Я думал — завтра. Поэтому так сильно испугался.

— Ты молодец. Яйца есть?

— Да, вот они.

— Отлично! Сделай, пожалуйста, яичницу, а я пока оденусь и чемодан разберу.

— Ок. Сколько яиц?

— Давай одно. И обязательно эту копченую колбасу, — Максим кивнул на поднятый с пола сверток. — Скоро подъедет Эдуард, мы договорились встретиться, ну и, естественно, поужинать.

Максим по-отцовски обнял племянника.

— Я рад тебя видеть.

Не успел Власов разобрать чемодан, как племянник позвал его к столу.

— Небольшой презент, — Максим протянул ему пакет, разрисованный в пастельных тонах.

— Примерь, не ошибся ли случайно с размером.

Лева раскрыл пакет. Взял в руки спортивную рубашку, развернул и приложил к груди.

— Спасибо, очень красивая, мой размерчик. Давайте перекусим, пока не остыло, а потом я примерю.

— Спорить не буду, — улыбнулся Максим.

Они завершали трапезу, когда из коридора донесся сигнал домофона.

— Это Эдик, — сказал Власов.

— Сидите, я открою.

Пока старинный друг поднимался на лифте, Максим подошел к так и не разобранным чемодану. Найдя нужный пакет, пошел встречать дорогого гостя.

— Ну, здравствуй, китаец, — широко раскрыв объятия и весело улыбаясь, вошел в квартиру Эдуард.

— Привет!

Друзья обнялись. Эдуард протянул руку Льву.

— Здравствуй, Левушка!

— Здравствуйте, Эдуард Робертович!

— Это тебе, небольшой подарочек из Поднебесной, — Максим протянул Эдуарду бумажный пакет.

— А что это? — не переставая улыбаться, спросил Эдуард.

— Цай...

— Ах цай, — друг вынул из пакета коробку, обтянутую блестящим шелком.

— Здесь несколько сортов, есть и твой любимый «Черный дракон», молочный улун.

— Ай, спасибо!

— Ну что мы тут стоим, пошли в кухню. Что-нибудь перекусишь? Чай, кофе?

— Да нет, давай одевайся, поедем. Антон уже выехал с дачи, скоро будет.

— Не будешь же ты здесь стоять. Лева, займи гостя. Я пошел одеваться.

Через некоторое время Максим вошел в кухню. Эдуард о чем-то рассказывал, а Лев убирал со стола следы незатейливой трапезы.

— Я готов, — бодро сказал Максим.

Эдик, повернув голову, пристально всматривался в лицо друга.

— Лева, тебе не кажется, что твой дядя имеет совершенно неприличный для зимы тропический загар?

— Да нет, сегодня многие ходят с таким загаром.

Глава 2

Спокойная джазовая музыка не мешала Максиму делиться своими впечатлениями о Китае.

— Добрый вечер, — радостно поприветствовал компанию подошедший к столику Антон.

Максим поднялся. Друзья обнялись.

— Ну как ты, китаец? — спросил Антон, садясь на свободный стул.

— Нормально, вот делился впечатлениями, пока тебя не было, — улыбнулся Максим.

— Тош, а чего опоздал? — спросил Эдик.

— Да в последнюю минуту перед выходом сосед с больным ухом подошел, просил посмотреть.

— Правым или левым? — с иронической улыбкой осведомился Максим.

— Помнишь! — рассмеялся Антон. — Мы, кстати, эту хохму периодически используем, прикалываемся над некоторыми.

— Что-то вы загадочно говорите. Колитесь, что за хохма, почему я не знаю? — серьезно спросил Эдик.

— Витольд как-то пожаловался при мне на плохое самочувствие.

Жаловался на носоглотку. Ну, я и предложил, чтобы Антон его осмотрел.

Договорились и поехали с Витольдом в больницу.

— Надо сказать, — вставил Антон, — договорились, что приедут днем, а приехали около семи вечера. Макс весь издерганный, из-за того что заставил меня ждать, а Витольд Альбертович веселый, с пакетом в руках.

— Ну, скажем, не особо-то ты и ждал. Ты, насколько я помню, в тот день дежурил. В общем, это было в начале девяностых, Витольд месяца два-три как вернулся в Россию. Каждый день у него были встречи со старыми друзьями. Вот его очередная встреча и растянулась. Тоша

говорит, Витольд был веселый, но это мягко сказано. Из ресторана, откуда я его забирал, он взял с собой еще пару бутылок коньяка. Приехали к Антону, и вместо того чтобы обследоваться, Витольд предложил для начала выпить.

— Нормально, — улыбнулся Эдуард, — для точного диагноза без стаграмм не обойтись.

— Ты слушай, что дальше было, — Антон обратился к Максиму, — расскажи.

— Сидим в ординаторской, выпиваем, Витольд травит байки. Вдруг стук, открывается дверь. Мужчина лет тридцати заплетающимся языком спрашивает доктора. Антон ему: что случилось. Тот говорит, что ухо болит. В это время Витольд, преобразовавшись в профессора, серьезным голосом спрашивает, а какое ухо, левое или правое. Тот так же серьезно отвечает: правое ухо, доктор. Тут Витольд возьми и скажи: сегодня дежурит врач левого уха, доктор правого будет завтра, так что приходите завтра. Около минуты этот мужик, выпучив глаза, безмолвно взирал на Витольда. Потом, видимо подумав, все так же серьезно спросил, можно ли прийти завтра с утра.

— Дядя Антон, я что-то не догоняю, — недоумеваю, подал голос Лев, все это время молчаливо слушавший старших. — Что, действительно, существует специализация правого и левого уха?

Максим, Антон и Эдуард не удержались от смеха. Все трое безудержно ржали, не в силах остановиться. Лева, поняв, в какое глупое положение себя поставил, приуныл на минутку, а потом расхохотался громче всех.

— Ну что, Левушка, — сказал Эдуард, — видишь, какой у тебя был дядя Витольд.

— Да-а, — протянул Лев. — Дядь Максим, а у него же на днях день рождения?

— Да, все правильно, двадцать восьмого, послезавтра.

— А сколько ему исполнилось бы? — спросил Эдик.

— Семьдесят пять, — с грустью ответил Максим.

— Юбилей...

— Дядя Максим, а в театре ничего не планируют?

— Вроде собираются... За полтора года после смерти Витольда от них ни одного звонка. Даже в годовщину смерти, помните, когда мы ходили на кладбище, никого из театра не было. А несколько дней назад мне звонила Ольга, администратор театра, сказала, что двадцать восьмого состоится вечер памяти Рудиса. Спрашивала, куда отправить приглашенный билет. Завтра заеду в театр.

— А вот этот, директор театра... Вы же с ним были друзьями.

— Были, когда Витольд был жив. Последний раз я видел его в день похорон. У нас зашел разговор о надгробном памятнике. Он мне сказал, что театр оплатит его и сам все сделает, мне нечего волноваться. Перед отъездом в Китай я поехал на кладбище к родителям, поставил цветы и к могиле Витольда. За полтора года ничего не сделано. Я, честно говоря, немного в обиде на него.

— Дядя Максим, а давайте мы с вами сделаем. У меня есть приятель — классный архитектор.

— Обязательно сделаем.

— Как пролетело время, будто это было вчера. Помню, как испортилась погода, — вспоминал Антон, — когда мы узнали о смерти Витольда и поехали в сторону театра. Невероятная была гроза. Я такого никогда не видел. В одно мгновение наступил жуткий мрак. Как я доехал, не знаю, но от страха пару килограммов сбросил точно.

Максим вспомнил дела двухлетней давности. Почувствовал боль как от открывшейся раны, глаза стали влажными. Чтобы скрыть это, он повернулся к эстраде, где музыканты играли джаз.

— Надо на могилу сходить, — после недолгого молчания сказал Антон.

— Поедем на кладбище, положим цветы, а потом где-нибудь посидим и отметим дату.

— В котором часу, как ты думаешь? — подчеркнуто вежливо спросил Эдуард.

— Не знаю, — протянул Максим, — может быть, в час или в два...

— Давайте в два, вторник — рабочий день, у меня две операции. А в два я смогу.

— Тогда в два. Встречаемся у входа на Ваганьковское кладбище, — сказал Эдик.

— Потом вместе пообедаем и помянем Витольда, — добавил Макс.

— Ну что, мужики, — Эдик поднял рюмку, — за встречу и с Новым годом!

Они чокнулись и выпили. Все четверо молчали, занятые поглощением заказанных блюд. Заморив червячка, Эдик откинулся на спинку стула.

— Макс, не хочешь на следующей неделе со мной съездить в Сочи на Олимпиаду?

— Да я только приехал...

— Тоша не может, а мне одному не хочется.

— Возьми Леву, — предложил Максим, видя загоревшиеся глаза племянника.

— Поедем, Левушка?

— Я бы с удовольствием, но у меня начинается сессия.

— Хм, мы бы все с удовольствием, если бы не дела, — с сожалением сказал Антон. — Такая зимняя Олимпиада вряд ли когда-нибудь еще будет.

— Как не будет... — Лева недоуменно взглянул на Антона. Затем добавил: — Каждые четыре года.

— Я не в этом смысле.

— А в каком?

— Думается, это первая и единственная Олимпиада в мире, когда ее проведение связано с именем одного человека.

— Путина... — вставил Эдуард.

— Да.

— Согласен, эта Олимпиада — его детище, не будь его, не было бы этих игр в Сочи, — поддержал друга Максим. — Это будут уникальные игры.

— При таких бешеных вложениях, любое г... можно сделать конфеткой. Вопрос в том, насколько оправданы эти траты, когда в стране столько проблем, такая невиданная коррупция, никакой демократии; все, чего страна добилась в девяностые, идет псу под хвост, — Эдик сел на любимого конька. — И еще: сколько отпилили себе денег власть имущие? Не просто же так пишут, что Путин самый богатый человек на планете.

— В течение всей истории человечества было множество различных правителей. Их сила и возможности, а также уважение, которое требовали к себе эти правители, не всегда были связаны с обширностью территории государства. Большое оно или маленькое, не имело никакого значения.

— А что было главным?

— Личное богатство правителя. Далеко можно не ходить. Посмотрите на императорскую династию Романовых в России, Виндзоров в Великобритании, Габсбургов в Австрии и так далее.

— Все это было, но сейчас другие времена.

— Времена всегда одинаковы. Помните басню Крылова «Любопытный»? Побывав в Кунсткамере, главный герой с упоением рассказывает о насекомых размером «менее булавочной головки», а на вопрос о слоне отвечает: «Слона-то я и не приметил».

Так и мы, изучая «насекомых», рожденных революциями и войнами, не видим, пожалуй, главного — темных сил.

— Ты хочешь сказать, — как всегда спокойно начал Антон, — миром правят персонажи, стоящие за теми президентами и министрами, которых люди, не искушенные в политике, привыкли считать правителями?

— Нашему президенту тоже приходится вести борьбу с этими темными силами.

— Масонами, — резко сказал Эдуард.

— Мы с вами много говорили о масонах. О том, что современные масоны не чета «вольным каменщикам». Как сильные мира сего, объединившись в известные и неизвестные тайные организации, вынашивают бесчеловечные планы по удовлетворению своей алчности. Вот скажи мне, дорогой мой друг Эдуард, как бы ты себя чувствовал на деловых переговорах с каким-нибудь миллиардером, будучи не слишком состоятельным человеком?

— Извини, уровни разные, какие переговоры, что может нас связывать?

— Тем не менее, попробуй представить.

— Я понял, к чему ты клонишь, — помог другу Антон. — Ты хочешь сказать, что сытый голодного не поймет, и наоборот.

— И не только это. У богатого всегда перевес в собственную пользу, отчего он получает право учить, что и как делать. Если ты будешь делать то, что выгодно ему, он будет тебя хвалить и, возможно, даст «конфетку». Но стоит проявить характер, поставить на первое место интересы своего народа и страны, как тут же эти богатые во всеуслышание будут выражать недовольство тобой. Естественно, не сами, а при помощи подконтрольных им структур и купленных с потрохами журналистов, политиков и прочего отребья.

Если враг тебя хвалит, значит, ты что-то делаешь не так. Вспомни правление Горбачева. Запад его хвалил, возвышал, а что он сделал со страной? Без объявления войны, лишь пьянящими хвалебными речами в адрес «Горби», тайные организации развалили Советский Союз.

— Они же и привели Горбачева к власти.

— Бесспорно. Ты говоришь, девяностые, а что хорошего было при Ельцине? Преступность? Вседозволенность? Анархия?

Многомиллиардные долги? Еще немного — и развалилась бы Россия на мелкие кусочки. Что в эти годы было хорошего?

— Ну все-таки... — протянул Эдуард, не зная, что ответить.

— Никакого все-таки, — резко оборвал Максим. — Ельцина тоже Запад хвалил и при этом глумился над его пьяными выходками. Оба они делали так, как удобно было врагам России. А Путина хают. Значит, он все делает правильно. Правильно для развития страны. Правильно, чтобы Россия вновь стала державой, с которой нельзя будет не считаться.

Основным оружием тайных сил против России были деньги. Покупка людей, которые будут покорны их приказам. Не только экономически выгодный, но и довольно эффективный метод. Спрашивается, каким образом можно воевать с этими темными силами?

Максим сделал паузу. Внимательно посмотрел на каждого из сидящих за столом. Поняв, что ни у кого нет возражений или ответов на заданный вопрос, спокойно продолжил:

— Деньгами. Патриот, преданный своей стране, президент обязан иметь для борьбы сотни миллиардов, которые не должны быть связаны с бюджетом страны. Борясь с сильными мира сего, финансовыми воротилами, необходимо быть намного состоятельнее их. Вот почему я радуюсь, когда слышу, что наш президент — один из богатейших людей

планеты. И очень хотел бы, чтобы и его преемники, будущие президенты России, были самыми богатыми людьми в мире.

— Это что же получается, каждый новый президент должен в течение срока своего президентства создавать себе капитал? — саркастически заметил Эдуард. — Страна затрещит по швам.

— Нет, зачем каждому создавать свой капитал. Опять же вспомним монархические династии. Должен быть, по-видимому, некий президентский фонд, который при каждом президенте пополняется и передается следующему вместе с президентскими регалиями. Бывшие президенты также могут полноправно пользоваться финансовыми возможностями этого фонда.

— В современном мире такой фонд будет покруче ядерного чемоданчика, — как всегда спокойно подытожил Антон.

— Ты абсолютно прав! Огромнейшие деньги дают абсолютную власть, но и для абсолютной власти нужны эти огромные деньги.

— А ты знаешь, я, пожалуй, с тобой соглашусь, — заметил Эдуард.

— Ой, спасибо, — улыбнулся Максим.

— Что-то быстро ты на лопатки лег, — добавил Антон.

— А с ним же спорить невозможно, он любого заставит...

— Эдик, — на полуслове прервал его Максим, — какие ассоциации вызывает у тебя фамилия Путин?

— Ну, наверное, — Эдуард приподнял брови, — что-то связанное с промысловым рыбным ловом...

— А если бы тебе надо было образовать фамилию от слова «путь», как бы ты поступил?

Максим, улыбаясь, смотрел на задумчивые лица друзей.

— Путевой, — словно открыв Америку, воскликнул Лев.

— Ага, путевой лист, — прокомментировал Эдик. — Думаю, Путинов, Путов не подходит.

— Не мучайтесь, — прервал поиск вариантов Антон, — все равно Путин единственный нормальный вариант.

— Вот именно, Путин — от слова «путь». Кстати, летом я ездил в Суздаль на конференцию. На обратном пути задержался во Владимире, чтобы зайти в Успенский собор. Я разглядывал фрески, когда сзади мужской голос сказал: «Это Андрей Рублев». Оказалось — экскурсовод. Мы с ним долго общались, он рассказал об историческом значении Владимира, одной из ранних столиц Руси. Именно тогда от владимирских князей пошел титул «великих князей всея Руси». Я не знаю, как бы сложилась последующая история России, если бы ее столицей остался Владимир. Но в деле становления будущего могущественного государства Владимир как столица сделал немало.

— И при чем здесь Путин? — спросил Эдуард.

— При том, — рассмеялся Максим, — что имя Владимир, как вы знаете, славянского происхождения. Оно включает в себя два корня «влад», владеть или власть, и «мир» — вселенная. То есть Владимир - «владеющий миром» или «властелин мира». А кто у нас Путин?

— Владимир Владимирович, — выкрикнул сидевший все это время тихо Лева.

— Да, — Максим рассмеялся в ответ на выкрик племянника, — Владимир дважды. Вообще, мои дорогие, я твердо убежден: Путин есть Богом благословенный властитель для возрождения России.

— И давно ты пришел к этому мнению? — не успокаивался Эдик. — Ты же, помнится, раньше его тоже критиковал.

— Не возражаю, критиковал, поскольку хотел видеть изменения в лучшую сторону как можно быстрее. Но быстрые решения, как правило, не имеют необходимого базиса. С годами Путин стал нравиться мне все больше и больше. Он так спокойно добивается поставленных целей. Иногда он напоминает Перельмана, доказавшего гипотезу Пуанкаре.

Заметьте, наисложнейшую задачу решил кандидат наук. Не доктор, не академик, не целый институт, а просто математик. Просто этот математик находился в тени, но был гениальным и, похоже, Божьим избранником. Точно также Владимир Владимирович до поры до времени находился в тени.

— Макс, ты считаешь, что Путин — Богом избранный правитель России и при нем будет возрождение страны? Когда ты к этому пришел?

— Ты не поверишь. Когда скончался Витольд, и я у него дома перечитывал «Мастера и Маргариту» с его заметками на полях.

Ну, во-первых, наступившая эпоха Водолея — это эпоха России.

— Это слабый аргумент, — заметил Антон.

— А во-вторых, это предсказание ясновидящих.

— Ты имеешь в виду последнее пророчество Ванги в отношении России?

— И его в том числе.

— Слушай, неужели ты действительно считаешь, что ее слова стоит воспринимать всерьез?

— Да! Ты помнишь, что именно она говорила?

— Дословно нет, но смысл был таков, что Россия станет великой империей, — Антон взял бокал и сделал пару глотков. — Да, и еще она говорила, что возрождение будет связано с именем Владимир.

— Вот видишь, имя Владимир. Кстати, она говорила об этом еще в семьдесят девятом году прошлого столетия.

— Есть у нас и другой Владимир в политических кругах, — вступил в дискуссию Эдик, — возможно, Ванга о нем говорила.

— Вот именно, — согласился Антон, — Макс, с аргументами у тебя не очень...

— Предположим, — не смутился Максим, — а что ты скажешь на ее слова: «Слишком много принесено в жертву. Никто не сможет остановить Россию. Все сметет она со своего пути и не только

сохранится, но и станет властительницей мира. Все растает, словно лед, только одно останется нетронутым — слава Владимира, слава России. Как орел воспарит Россия над землею и осенит всю землю своими крыльями. Ее духовное первенство признают все».

— А она не сказала когда?

— Намекнула, — продолжил Максим, — такой же вопрос ей задали тридцать-сорок лет назад...

— И что она ответила? — быстро спросил Лева.

— Вы удивитесь, — Максим вновь театрально выдержал паузу, рассматривая сидящих за столом, — она тогда сказала: «Нет, не скоро. Еще Сирия не пала!»

— Что? — подался вперед Эдуард.

— Да. Сирия. Некогда одна из самых стабильных и спокойных стран мира, сегодня залита кровью гражданской войны.

— Макс, это интересно, но ты же не можешь строить свои выводы на одних предсказаниях бабы Ванги. Ты же человек науки.

— Ты прав, поэтому, когда я увидел портретное сходство Путина с ликом Христа на Туринской плащанице, да еще услышал, как ты сказал, «предсказания бабы Ванги», я решил покопаться и понять, есть ли еще что-то, подтверждающее мои предположения.

— Вот это теплее, — заерзал на стуле Антон.

Максим собрался было продолжить рассказ, но Эдуард, подняв свою рюмку, предложил:

— Давайте выпьем, а то без заправки ваши умные разговоры не сразу доходят до нужного места.

Друзья чокнулись и выпили. Приехавший на машине Лева пил только воду.

— Ну, рассказывай, чувствую, ты что-то серьезное откопал, — с нетерпением сказал Антон.

— Интересно, что о процветании России говорили многие предсказатели задолго до Ванги. Так, монах Авель, святитель Феофан Полтавский и преподобный Лаврентий Черниговский уже предсказывали возрождение и процветание России.

Американские ясновидящие Эдгар Кейси, которого называли Нострадамусом двадцатого века, Дэнтон Бринки и Джейн Диксон также предсказывали, что в двадцать первом веке у России появится возможность бурного и мощного развития. Надежды мира и его возрождение придут именно из России.

Кстати, и твой коллега, — Максим кивнул в сторону Антона, — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм...

— Объясни, это коллега или коллеги? Я не понял... — удивился количеству имен Эдик.

— Ну, ты даешь, Эд, — рассмеялся Антон. — Это один человек, более известный под именем Парацельс.

— Ага!.. Макс, тебе что, сложно было сказать одно имя вместо пяти? Это, по-твоему, проще? — шутливо возмутился Эдик. — Я тебе больше наливать не буду.

— Тогда налей мне, — Антон протянул свою рюмку. — Макс, а что, Парацельс предсказывал судьбу России?

— Видишь ли, он был не только доктором медицины, предтечей современной фармакологии, но и прекрасным астрологом, владел тайными науками.

— И что он предсказал? — спросил Эдуард, наполняя рюмку Максима.

— Что в своей истории Россия после великого множества всевозможных бедствий в начале двадцать первого века вступит в период великого расцвета, сопряженного со всевозможными благами.

Максим с улыбкой посмотрел на своих друзей. После недолгой паузы, вызванной поглощением очередного блюда, он продолжил:

— Кстати, Эдуард Робертович, вы слышали о Генделе?

— Ну разумеется, — рассмеялся Эдик. — Корифей музыкального искусства восемнадцатого века. Гендель по праву занимает место в одном ряду с Бахом.

— Я не сомневался, что сын великого композитора прекрасно знает великих композиторов. Но я имел в виду не композитора Георга Фридриха Генделя, — Власов тоже рассмеялся, — а прорицателя Макса Генделя.

— Слушай, хватит подкалывать. Все, решено, я больше тебе не наливаю.

— Не обижайся, — продолжал веселиться Власов, — больше не буду. Только налей, пожалуйста.

Эдуард налил водки в рюмки Максима, Антона и в свою.

— Ну что, обрадовал ты нас, Максим Александрович. А посему предлагаю выпить за осуществление предсказаний.

Друзья дружно чокнулись.

— И не дай Бог нам сказать некрасовскими словами: «Жаль, только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе...»

За столом вновь наступило молчание. Все с наслаждением закусывали выпитую водку. Максим откинулся на спинку стула, окинул взглядом зал, эстраду, затем повернулся к друзьям.

— А знаете, что я по чистой случайности заметил?

По своему обыкновению Максим выдержал паузу, прежде чем продолжить. Антон и Эдуард в ответ лишь пожали плечами.

— Я как-то говорил по телефону. На столике рядом лежал журнал с портретом Путина. Говорю по телефону и одновременно карандашом в руке рисую усы, бороду, брови подправляю.

— Хочешь сказать, хулиганишь, — ухмыльнулся Антон.

— Не смейся. Когда я повесил трубку и посмотрел на портрет, у меня волосы чуть дыбом не встали.

— Испугался, — подколол Эдуард.

— Не издевайся, — остался серьезным Максим, — это было один в один голографическое изображение Христа со знаменитой Туринской плащаницы.

За столиком друзей воцарилось гробовое молчание. Максим смотрел на друзей и понимал, что каждый старается представить Путина с длинными волосами, бородой и усами, мысленно накладывая их на изображение Иисуса Христа с Туринской плащаницы.

— Лева, ты себя нормально чувствуешь? — спросил Антон, пристально глядя на Леву сквозь очки.

Максим тотчас обернулся к племяннику. Лева был бледен.

— Сейчас пройдет, — задыхаясь, произнес Лев.

— Что с тобой? — расспрашивал Антон. — Желудок?

— Да. Очень неприятные ощущения, колики. У меня в последнее время такое бывает. Потом проходит.

— Так, с этим не шутят. Макс, сходите к Нонне.

— Куда?

— Эдик, ты представляешь, он не знает, к какой Нонне.

— Нехорошо, Макс, — подыграл Эдуард, — забывать своих одноклассников.

Антон достал из кармана мобильник и принялся искать чей-то номер.

— Алло, Нонночка, привет! Как ты, наша боевая подруга? — весело начал он. — Извини за поздний звонок. Спасибо! Тут у одного молодого человека возникли проблемы с желудком, можешь посмотреть?

Пожалуйста. Ай, спасибо. Заметано, завтра с утра, не евши и не пивши. Они к тебе приедут. Да нет, дядя с племянником. Почему ребенок? Нет, племянник взрослый, педиатр не нужен. Просто он приедет со своим дядей. Дядя... довольно известный человек. Нет, не скажу. Нет, все равно не скажу. Это будет для тебя сюрпризом. Спасибо, дорогая. Слушай,

совершенно нет времени. Обязательно. Есть на следующей неделе прибыть. Ага. Целую.

Антон сложил руки на небольшом, но уже обозначившемся животе, направив взгляд на Максима и Леву.

— Завтра с утра, к восьми тридцати, можете?

— Могу, — ответил Лев, бросив взгляд на сидящего рядом дядю.

— Мое присутствие обязательно?

— Так, ты сколько лет не видел Нонну?

— Много, — тяжело вздохнул Максим.

— Ты обязательно должен сходить, — вмешался Эдик. — Когда последний раз собирались всем классом, ты где был?

— Ну, — промычал Максим.

— Не ну, а отведи племянника к Нонне. Заодно увидите. Сколько лет вы с ней за одной партой сидели?

— С третьего по восьмой класс, — как примерный ученик ответил Максим.

— Она прекрасный специалист. Работает в поликлинике Академии наук. Сам понимаешь, с академиками и профессорами довольно сложно.

— Это, часом, не на Чистых прудах?..

— Да, в переулке.

Глава 3

— Дядя Максим, я при ваших друзьях не стал говорить, — начал Лев, как только они простились с Антоном и Эдуардом и сели в машину.

— Что у тебя случилось? — насторожился Максим.

— Да ничего не случилось, — чуть обиженно возразил Лев, — я хочу поставить «Мастера и Маргариту» в дядином прочтении.

— Интересно...

— Я считаю, что дядино видение и ощущение произведения обязательно должны стать известными.

Максим похолодел. В голове ретроспективной пронесли события, связанные с этой злополучной постановкой.

— Я подумал, что, если бы вы переговорили с Сергеем Сергеевичем, было бы хорошо, — продолжал племянник, — ведь без его ведома и одобрения ничего не получится.

— Я могу поговорить со Штерном, но... ты не боишься влезать в мистику этого романа? Витольду это не удалось сделать.

— Волков бояться, в лес не ходить, — улыбаясь, сказал Лева.

— Дорогой мой, были бы волки, проблем бы не было, а тут чудовища страшнее целой стаи волков.

— Что может быть страшнее?

— Что ты знаешь о масонах?

— При чем тут масоны?

Максим с сочувственной улыбкой посмотрел на племянника.

— Ты хочешь поставить роман, где одна из основных действующих сил, по описанию Михаила Афанасьевича Булгакова, — масонство. И один из главных героев — тоже масон.

— Воланд, — кивнул Лев.

— Да, именно Воланд. Сатана, дьявол и масон. Так вот, для того, чтобы поставить этот роман в соответствии с концепцией Витольда, в его прочтении, тебе необходимо серьезно изучить историю масонства, деятельность современных тайных организаций, их роль в развале Советского Союза.

— Не совсем понимаю, для чего. Ведь основной идеей постановки должно стать дядино представление о том, как четко Булгаков увидел будущее страны, написал зашифрованный роман, фабула которого совпадает с историческими событиями восьмидесятых и девяностых годов прошлого века в России.

— Правильно. Но где у тебя причинно-следственная связь? Что послужило причиной происходивших событий?

— Вы хотите сказать, не будь Воланда, не было бы и развала Союза? Но ведь развал был обусловлен рядом экономических и внутривнутриполитических проблем.

— Именно. Ты скоро станешь дипломированным режиссером, и перед тем как ты будешь что-либо ставить, тебе придется досконально изучить все, что напрямую или косвенно связано с темой фильма или спектакля. Я помню, что Витольд мог годами готовиться к постановке. Тогда не было Интернета, и он целыми днями сидел в библиотеках. Каждую его подготовку к постановке можно было сравнить с написанием докторской диссертации.

— Ну, это понятно, без глубокого анализа и вхождения в тему невозможно создать качественный продукт.

— Левушка, я бы хотел, чтобы ты создавал не просто качественные, но и глубокие по прочтению постановки. Только такие постановки могут претендовать в дальнейшем на звание классических.

Племянник нахмурился и сосредоточенно посмотрел дяде в глаза. Взгляды их встретились.

— Я бы очень хотел, чтобы ты как режиссер создавал гениальные спектакли, — улыбнулся Максим, — подобно твоему дяде-корифею, Витольду.

Хмурое лицо Левы мгновенно расслабилось. Его взгляд стал по-детски довольным, словно малыша угостили любимой конфетой.

— Ты торопишься? — спросил Максим.

— Да нет. А что?

— Я хочу дать тебе материалы, касающиеся масонов и тайных организаций. Без понимания этого, тебе не то что сложно, а скорее всего и невозможно будет поставить «Мастера». Его главный смысл можешь потерять.

— Здорово!

Машина остановилась у металлических ворот, преграждающих въезд во двор. Максим достал брелок, направил его в сторону ворот и нажал на кнопку. Ворота медленно открылись. Оставив машину в подземном гараже, они поднялись в квартиру.

После смерти брата Максим, как единственный близкий родственник, через шесть месяцев вступил в права наследования его имущества.

Долгое время он не мог определиться, что делать с квартирой, в которой Витольд собрал восхитительную коллекцию полотен известных мастеров. Да и сама квартира была лучше и современнее, чем его собственная.

Татьяна Ильинична, продолжавшая регулярно приходить и поддерживать порядок в квартире, каждый раз приговаривала, что Максиму пора сюда перебраться. Точно так же и Антон с Эдуардом, словно сговорившись, при каждом удобном случае предлагали ему сдать свою квартиру и переехать в квартиру брата.

Весной прошлого года Максим наконец решился. Самой большой проблемой при переезде оказалась огромная библиотека, собранная

отцом Максима и дополненная им самим. В кабинете Витольда практически все полки были уже заполнены книгами. Новому хозяину ничего не оставалось, как заказать идентичные шкафы и полки красного дерева и поставить их к стенке, на которой при Рудисе висело множество фотографий и пара картин.

Кабинет стал еще больше походить на библиотеку, и только эту комнату Максим чувствовал по-настоящему своей.

Современная, красивая, с подземной парковкой огромная квартира в тихом центре Москвы вначале казалась очень удобной для жилья. Но вскоре именно эта огромность стала причиной ощущения жуткого одиночества. После смерти Алены Максим потерял всякую надежду на возможность создать семью, любить и быть любимым. Всех женщин, которых он встречал и общался, Максим невольно сравнивал с Аленой. Как-то по радио он случайно услышал песню в исполнении Звездинского об откровенных чувствах мужчины и вдруг вспыхнул так, что помчался домой, чтобы найти запавшую в душу композицию в Интернете. Неоднократно ее прослушав, он распечатал слова и красным карандашом подчеркнул куплет:

Меня еще отцом никто не называл,

Как мужем до сих пор не называли.

Быть может, в одиночестве вся жизнь пройдет —

Уют семьи увижу я едва ли.

Ком подступил к горлу. Что поделаешь — детей нет и, видимо, не будет, но есть племянник, в котором он души не чаял и которому собирался отдать всю нерастраченную отцовскую любовь.

— Когда вы показали мне «Мастера и Маргариту» с заметками дяди Витольда и раскрыли смысл описанных событий, мне подумалось, что все понятно, — сказал Лева.

— Левушка, это было более года назад.

— Ну да, — согласился племянник.

— Весь прошедший год меня не оставлял образ Воланда. Мне стало интересно, почему Булгаков соединил в одном персонаже дьявола и масона и почему Воланд приехал в Россию. Я искал, искал долго...

— Нашли?

— Думаю, да.

— И почему же?

— Пойдем на кухню, что-то холодно стало. Выпьем чаю, и я тебе расскажу.

Они прошли в кухню. Лева налил воды в электрический чайник и включил. Тем временем Максим достал из шкафа чашки.

— Дядя Максим, а вы знаете, ваша дискуссия с друзьями по поводу президента меня впечатлила...

— Да-а, — с довольной улыбкой кивнул Власов.

— У нас на курсе, когда разговор заходит о президенте, да и вообще о власть имущих, всегда больше критически высказываются. А вы сегодня так все разложили по полочкам, что я подумал, что у нас какой-то очень поверхностный взгляд.

— Дорогой Лев, это нормально. Когда нет исчерпывающей информации, то, как правило, строятся догадки. Сказанное дураком распространяется умным. Причем догадки эти в основном льют воду на мельницу наших недоброжелателей.

— Вы имеете в виду масонов?

— Умница! И ряд стран, во главе которых стоят представители тайных лож, — глаза Максима заблестели. — Ты попал в яблочко.

— А почему такое отношение к России, и кажется, что это отношение постоянное?

— Хм, интересный вопрос. Лева, представь себе некую местность, куда пришли люди и каждый по своему усмотрению выбрал для себя участок

и огородил его. Рождались дети, семьи становились большими. Каждая семья стала вести хозяйство. Со временем некоторым семьям участки стали малы, и начались войны за наделы. И вот как-то один парень, что-то вроде Иванушки-дурачка, уходит из семьи и строит свой дом на окраине. Участок земли был на задворках и считался далеко не самым лучшим. А Иванушка возьми да и увеличь свой надел за счет богатых земель, расположенных за границей участка, и о которых никто не имел понятия. Семья у Ивана росла, дети были здоровыми и крепкими. Соседи стали завидовать, они никак не могли свыкнуться с мыслью, что дурак стал обладателем самого крупного хозяйства. А тот все расширял участок, и оказалось, на новых землях можно было собирать невиданные урожаи, обнаружилось множество полезных ископаемых. Соседям казалось, что этому Ивану везет незаслуженно. Со всей огромной семьей жил он сытно, ни в чем не нуждаясь. Возможно, по сравнению с соседями он трудился меньше, поскольку земля его была плодородной и давала богатые урожаи.

— Дядя Максим, вы имеете в виду Россию?

— Да, мой дорогой Лев. Испокон веков на Россию смотрели как на нечто чужеродное среди существующих государств. Сначала Ватикан, затем различные тайные организации совали ей палки в колеса. Европа, а затем и Америка старались задержать ее развитие, а Россия росла. Ядовитые стрелы, направленные на Россию, ломались об ее щиты. Ты не представляешь, как много ужасного делалось и делается против России. Кстати, как у тебя с английским?

— Хорошо!

— Как будет по-английски «раб»?

— М-м, slave...

— А славянин?

Лев задумался, взял кипящий чайник и подошел к столу.

— Slavenian?

— Нет. Slav.

— Как? — то ли не расслышал, то ли не понял Лев.

— Slav. Ты все правильно услышал.

— Интересно...

— Тебе интересно, а меня это чрезвычайно напрягает.

— Дядя Максим, а из-за чего и когда началось такое отношение к России?

— Европа всегда относились к России как к «деревенщине».

Ожесточенная неприязнь началась с появлением в Европе финансового клана Ротшильдов в середине восемнадцатого века. Амчел Ротшильд, основатель династии, создал империю, базирующуюся на золоте и ростовщичестве, более прочную, нежели империи Карла Великого, Наполеона I и Романовых. Ротшильды спонсировали тайное общество «Баварских иллюминатов». С помощью этого ордена Ротшильды получили впоследствии возможность тайными узами соединять ряд других тайных обществ Европы, проникать во все сферы государственного управления европейских стран, называться масонами, дабы реализовывать свое ненасытное корыстолюбие. Тяжелее всего Ротшильдам приходилось с Россией. Все Романовы отличались миролюбием, и это качество, а также преданная вера в Спасителя, делали их абсолютно невыносимыми для Ротшильдов, викариев Сатаны.

Уже во времена правления Екатерины II стало очевидным, что Ротшильды тратят массу усилий, чтобы свергнуть Романовых с престола. Хотя сама Екатерина II благосклонно относилась к масонам, их доминирующая роль во Французской революции пугала ее. Она закрыла перед Ротшильдами дверь.

— И ее убили?

— Нет, ее не могли убить.

— Почему?

— Да потому что ее отцом, отнюдь не дядей, как утверждают историки, склонные «замалчивать» истину, был Великий Магистр свободных масонов Германии — король Пруссии Фридрих II. Впрочем, она оказалась последней из Романовых, кто умер естественной смертью. Как выяснилось впоследствии, все императоры были убиты тайными организациями, финансируемыми Ротшильдами.

— Честно говоря, я не совсем понимаю, за что такая ненависть.

— Все Романовы были истинными христианами. Ротшильды всегда выступали на стороне Антихриста. Ты понимаешь, эти две династии никогда и ни за что не могли сосуществовать в мире. Самое главное я понял недавно. Для Ротшильдов наиболее доходным бизнесом была война, именно войны приносили им баснословные доходы. А русские императоры всегда стремились к миру. К сожалению, в истории много фальсификаций. Первым из тех, кого настигла масонская рука, был Павел. В иностранных архивах сохранились письма зарубежных послов. Они писали, что Павел стремится быть справедливым, использует любую возможность, чтобы поддерживать порядок, проявлять милосердие к подданным. Мало кто знает, что в наследство от матери, Екатерины II, Павел получил деморализованную армию, офицеры которой спокойно разгуливали по столице в длинных мантильях, муфтах, в отороченных мехом ночных рубахах. Он всерьез взялся за обучение армии, запретил носить меха на парадах, сам носил легкое пальто. Такая мера, естественно, не принесла императору популярности, однако заведенный им порядок существует в основных чертах в русской армии и по сей день.

— Странно, в курсе истории Павел описывается совсем иным.

- «Оклевети, а затем убей» — это правило лож. Планируя убийство Павла I, члены тайных обществ постаралась запятнать его репутацию. Это было сделано для того, чтобы никто не мог ему помочь и не пожелал бы сорвать покрывало с тайны его умерщвления. Убийство Павла I было совершено иностранцами Паленом, Бенигсеном, адмиралом Рибасом, доктором Роджерсоном и прочими членами ложи свободных масонов. Император представлял угрозу для антихристов, он мог одним росчерком пера положить конец расколу в церкви, объединить, по меньшей мере, две трети христиан мира и тем самым нанести смертельный удар масонскому сатанизму.

Павел I предпринял подобную попытку и был убит участниками одного из самых демонических заговоров в российской истории.

— Но, насколько я помню, одним из заговорщиков был сын Павла, будущий император Александр. Он тоже был масоном?

— Нет, масоном он не был. Здесь была разыграна довольно тонкая интрига. Александру постоянно внушали, что отец ревностно относится к его популярности и посему намерен отправить его в ссылку.

На самом деле все было ровным образом наоборот. Негодяй Пален представил императору план заговора и посоветовал ему подписать приказ об аресте Александра как основного заговорщика. Павел подписал такой приказ с единственной целью — предотвратить замышляемое сыном преступление. Затем этот приказ показали Александру и убедили дать согласие на свержение отца с престола, обещая при этом, что ни один волос не упадет с головы императора. Ну а после этого, как ты знаешь, они задушили Павла.

— Потрясающая несправедливость.

— Несомненно. Кстати, когда Наполеон получил известие о смерти Павла, он пришел в ярость, говоря, что необходимо прояснить тайну

этой трагической гибели и рассказать, какие политические силы были заинтересованы в этом несчастье.

— Ничего себе... Ведь считается, что Наполеон тоже был масоном.

— Да, и именно Ротшильды через масонские ложи возвели его на трон. Наполеон был избран исполнителями сатанинской воли на роль «палача христиан» и низвергателя мировой христианской религии во главе со святым отцом. Так же как Сатана хотел унижить Христа на горе Искушения, восемнадцать веков спустя Наполеон пытался унижить наместника Петра и заставить его опуститься до роли религиозного полицейского. Вполне в духе Ротшильдов и финансируемых ими масонских лож. Но как только Бонапарт набрал силу и превратился в одного из достойнейших монархов, когда-либо бывших у власти, Ротшильды сочли его «слишком христианским» и уничтожили.

— Я считал, что его уничтожила битва при Ватерлоо, где он потерпел сокрушительное поражение...

— Битва при Ватерлоо до сих пор остается загадкой. Не понятно, как тогда проиграл Наполеон и выиграл Веллингтон. Не случайно после битвы у Бонапарта была паника, а Веллингтон никак не мог поверить, что победил.

— Армия Наполеона проиграла из-за ослепляющего солнца?

— Именно так считают многие историки. Но здесь очевидна роль Ротшильдов и их агентов, которые, подобно крысам, постоянно подрывали могущество Наполеона. Наполеоновские войны послужили прекрасным механизмом зарабатывания денег. Семья Ротшильдов извлекла немалые выгоды из создания банковской сети Лондон — Париж — Франкфурт-на-Майне — Вена — Неаполь, покрывшей большую часть Европы.

Лева внимательно слушал дядю. Они сидели друг против друга за обеденным столом в огромной кухне. Рассказы Максима так увлекли

племянника, что тот совсем забыл про чайник, который уже давно остыл. Власов также забыл, что, возвращаясь домой, мечтал выпить чаю.

— В окружении Наполеона было много так называемых масонов, которые прежде всего подчинялись приказам Ротшильдов. Среди них главным действующим лицом был маршал Сульт, правая рука Наполеона. Несмотря на то что последний сделал его своим маршалом, далматским герцогом и наградил многомиллионным состоянием, этот масон без колебаний предал своего императора. Во время битвы при Ватерлоо Сульт постарался сделать все, чтобы дезорганизовать французскую армию. В благодарность за предательство императора и помощь масонам Ротшильды сделали его в дальнейшем премьер-министром Франции.

— Правильно считают, что предают, как правило, самые близкие, — с горечью сказал Лев.

— А ты знаешь, кто выиграл от наполеоновского краха при Ватерлоо?

— Англичане... Получается...

— Как ни странно, англичане больше всех потеряли. Ротшильды, наперед зная, что Наполеон потерпит поражение, за день до окончания битвы начали распространять на лондонской бирже слух, что армия Блюхера разбита под Линьи, и что Веллингтон тоже разгромлен. Можешь себе представить, что стало твориться с акциями и ценными бумагами. Все знали, что Ротшильды прекрасно осведомлены о ситуации на континенте, и для того чтобы подогреть биржу, Ротшильды одной рукой стали предлагать на продажу все что можно, пока цены были еще достаточно привлекательными, а другой рукой их агенты скупали по самым низким ценам все, что предлагалось. А на следующее утро, когда пришла весть о победе Веллингтона, курс ценных бумаг поднялся до неслыханного уровня. Таким образом Ротшильды заработали за один день пять миллионов фунтов стерлингов. К

сожалению, в пылу ликования, охватившем Англию после победы над Наполеоном, это мошенничество было забыто.

— Красавчики! — с жаром воскликнул Лев.

Максим улыбнулся, не ожидая, что биржевая афера произведет на племянника такое впечатление.

— Да уж, красавчики... Поражение Наполеона стало их настоящим триумфом. Но в 1815 году три европейские королевские династии — Романовы, Габсбурги и Гогенцоллерны, подписали акт о создании Священного союза, лиги наций, признающей Христа своим верховным вождем. Подписание этого документа явилось причиной того, что Ротшильды направили свою активность именно против этих трех династий. Три христианские царствующие династии — православная, протестантская и католическая, были друг за другом свергнуты в 1917 и 1918 годах после столетий успешного правления. Это было мстью сатанистов за создание Священного союза.

— Я не совсем улавливаю — за что?

— Основной идеей Священного союза было то, что Австрия, Пруссия, Россия и все христианские нации признавали только одну правду — нашего Господа, Иисуса Христа. Необходимо отметить, что установление мира в Европе было для Александра I огромным событием и счастьем. «Впредь, — говорил император, в прошлом ученик Лагарпа, — суверены Европы должны полагаться не на силу своих армий, а на силу веры и религии».

Именно поэтому Александр заключил договор, согласно которому правители давали торжественную клятву править своими подданными в духе христианства и руководствоваться единственно принципами справедливости, любви и мира. Договор, подписанный 26 сентября 1815 года русским императором Александром, королем Пруссии Фридрихом

Вильгельмом III и императором Австрии Францем I, известен в истории под названием Священного союза.

Этот договор стал жестоким ударом для Ротшильдов, понимающих, что только войны могут приносить баснословные барыши. Уже в начале девятнадцатого столетия император Александр понимал, что источник бед для наций — неверие в Бога. Религиозное рвение, по его мысли, поможет возвратиться к патриархальному укладу жизни, к чистоте семейных отношений, законопослушанию и уважению к властям. Кстати сам император в этом вопросе был примером для своих подданных. Заняв российский престол в 1801 году, он с горячим желанием приступил к осуществлению своих либеральных планов, высказывал приверженность взглядам, которые, по меньшей мере, опережали его время на многие годы. Все царствующие особы Европы разделяли взгляды Александра I.

Отсюда и безграничная ненависть к ним со стороны Ротшильдов, тактической целью которых было уничтожение союза трех монархов. 1 декабря 1825 года император скончался от отравления ядом. От действия яда его лицо почернело. Отравившие его масоны, как обычно, распространяли фальшивые слухи — в числе прочих и тот, что муссируется до сегодняшнего дня, что якобы царь уединился в Сибири и проживал там под именем Федора Кузьмича.

— А откуда эти масоны появились в России, если Ротшильды и Александр I были по разные стороны понятий о добре и зле? Неужели император не мог закрыть дорогу в Россию этим сатанистам? — от волнения Лев не заметил, что начал говорить словами Максима.

— Ротшильд восстановил масонские ложи в России с помощью живших в Париже русских. Они привлекались в ложи при помощи обмана, пустых красивых фраз и «таинств». Ярким примером этого стал полковник Пестель, настоящая чума, пропагандирующая псевдолиберализм.

Смерть Александра I была использована масонами как повод для мятежа.

— Да, помню. Мы проходили — восстание декабристов.

— Лева, это был мятеж, — покачал головой Максим, — к восстанию это не имело никакого отношения. Реформы, начатые Александром, были приостановлены по вине масонов, которым Ротшильд в свою очередь отдал приказание организовать смуту любой ценой. Чуть позже выяснилось, что российские масоны подчинялись семейному клану Ротшильдов через созданные последними тайные общества «Союз спасения» и «Союз благоденствия».

— А император знал об этом?

— Конечно! После проведенного расследования, в 1826 году Николай I все ложи в России закрыл — и для страны наступил тридцатилетний период процветания.

— Представляю, каким ударом это было для Ротшильдов.

— Кстати, я натолкнулся на откровения Лайонела Ротшильда. Он писал, что между русским двором и их семьей не было дружеских отношений. А по поводу удара, да уж, постоянный страх сатанистов, что Романовы, эти «светлые ангелы», как называли их в Европе, одним росчерком пера могли объединить православную и католическую церкви, был одной из главных причин умерщвления шестерых последних императоров этой династии.

— А что, Николай I тоже был убит?

— Представь себе — да. Император был отравлен доктором Мандтом, подкупленным Ротшильдами. В 1850 году Николай I заявил: «Я открою огонь по любому, кто выстрелит первым» — и этим предотвратил войну в Европе. Тогда Ротшильды спровоцировали Крымскую войну. Союз четырех держав, закулисно руководимый Ротшильдами, не сумев

нанести вред России и одержать победу в бессмысленной войне, решил отравить Николая I.

Взгляд Левы замер на одной точке. Максим смотрел на племянника, думая продолжать или нет. Но молчание длилось недолго. Лев вздрогнул и перевел взгляд на дядю.

— Да-а, — вздохнул он, подражая манере Максима — и Александра II взорвали в карете.

— После нескольких предпринятых до этого покушений, -подхватил Максим. — Вообще, для меня в российской истории есть две личности, перед которыми я преклоняюсь. Они все сделали для того, чтобы возвеличить Россию. Настоящие патриоты.

— И Александр II — один из них?

— Да, — улыбнулся Максим.

— А кто второй?

— Петр Аркадьевич Столыпин, — с грустью в голосе сказал Власов. — И Александр II, и премьер министр Столыпин были убиты наймитами тайных обществ, финансируемых Ротшильдами. Им не дали завершить реформы, которые делали Россию великой державой не только территориально, но и в экономическом и политическом плане. А знаешь ли ты, что Соединенные Штаты Америки своей сегодняшней целостностью обязаны Александру II?

Глаза Левы моментально загорелись любопытством.

— Это как?

— Стремительно развивающиеся Соединенные Штаты напугали Ротшильдов. Они пришли к выводу, что США могут достичь такой финансовой и экономической независимости, которая подорвет финансовое господство Ротшильдов. И вот, еще задолго до гражданской войны в Штатах, они приняли решение о разделении молодого

государства на две примерно равные федерации. И наверняка добились бы своего, если бы не российский император Александр II.

— Ого! — Лева даже приоткрыл рот.

— Будучи верными своей традиции зарабатывать на войнах, в период Гражданской войны на Североамериканском континенте Ротшильды финансировали обе воюющие стороны: лондонский банк Ротшильдов финансировал армию Севера, а парижский банк — армию Юга. Узнав об этом, Линкольн отказался в 1862 и 1863 годах выплачивать Ротшильдам огромные проценты. Более того, он поручил Конгрессу начать печатать доллары, чтобы иметь возможность расплачиваться с армией Севера. В 1864 году Линкольн узнал, что русский император Александр II отказал Ротшильдам в создании подконтрольного им банка в России. Линкольн обратился к Александру II с просьбой оказать ему помощь в Гражданской войне. И российский император откликнулся на эту просьбу, послав атлантическую эскадру под командованием адмирала Попова в порт Нью-Йорка, а тихоокеанскую эскадру адмирала Лисовского — в Сан-Франциско, отдав приказ атаковать любой флот, угрожающий северным штатам, и принять командование Линкольна. Этим он давал понять Англии, Франции и Испании, что в случае их вмешательства Россия поддержит президента Линкольна. В итоге случилось то, что случилось: Линкольн выиграл Гражданскую войну благодаря проявленной Александром II твердости — хотя ради сохранения союза Севера и Юга царь рисковал миром с европейскими державами и Ротшильдами.

— Класс, Романовы опять оставили Ротшильдов с носом, — Лев повеселел.

— Еще как... Спасение Александром II Соединенных Штатов привело Ротшильдов в ярость. Джеймс Ротшильд остался без Мексики и южных штатов, а Лайонелу Ротшильду не удалось захватить Север, как они

планировали: разделять и властвовать. В итоге Линкольн был убит в 1865 году, а после пяти неудачных попыток в 1881 году был взорван и царь-освободитель Александр II.

— Грустно. Ну почему так происходит?

— Ты же знаешь, миром управляют деньги. Это реальная картина вчерашнего, сегодняшнего да и, пожалуй, завтрашнего дня. Люди всегда будут стремиться к их обладанию. И у одних это будет получаться лучше, чем у других. Таков закон жизни. Столь же очевидно и то, что для обладателей крупных состояний лучший способ их сохранения — преумножение капитала. А что нужно для достижения этой цели?

— Власть, — сразу ответил Лев, словно студент на экзамене.

— Совершенно верно. Власть, позволяющая максимально эффективно решать свои задачи. Ну а реальной властью обладают, как ты понимаешь, те, кто владеет реальными финансовыми ресурсами. И именно эти субъекты управляют мировой экономикой и политикой. Для них любые средства хороши, если приносят материальную выгоду. Любое горе — им прибыль.

— Вот скажите, почему об этом не говорят ни в школе, ни в институте? Получается, что мы почти не знаем реальной истории.

— Это моя постоянная боль. Крупный капитал поработил не только международные средства массовой информации, но и многие университеты, особенно английские и американские. Правда замалчивается — ложь стала панацеей. Этот лживый корм делает людей покорными и безвольными, а двуногие хищники продолжают нас пожирать. И все же я верю, что с развитием общества, когда мировая паутина даст возможность поглощать небывалые объемы информации, человек станет разумнее и при этом мужественнее и патриотичнее. Я думаю, что очень скоро правда о причинах мировых беспорядков выйдет наружу.

Между прочим, Генри Форд, ненавидевший банкиров и считавший их пиявками на теле промышленников, как-то сказал, что если заключить в лагерь пятьдесят богатейших людей мира, то на земле больше не будет войн.

— Дядя Максим, вот вы сейчас рассказываете, а перед моими глазами встает образ Воланда, приехавшего в Россию для нанесения вреда, — Лев зевнул.

— Ты уже спишь, мой дорогой, — Максим посмотрел на большие часы, висящие над дверью. — Начало второго. Все, пошли спать, потом продолжим. Завтра рано вставать.

Глава 4

Всю дорогу до поликлиники Максим был в раздумьях. Лев, чувствуя озабоченность дяди, старался не задавать лишних вопросов.

Нонна Григорьева, к которой они направлялись, была одноклассницей Власова. Они не виделись более пятнадцати лет. Лет пять назад Эдуард организовал встречу одноклассников, собрал практически всех. Но как назло Максиму пришлось срочно вылететь по делам за границу.

Перед глазами Максима проплывали события, связанные с Нонной. Впервые он ее увидел первого сентября. На огромной пришкольной площадке, где в ожидании традиционной линейки отдельно стояли учащиеся разных классов. Третий класс «Б», в котором учился Максим, стоял, разбившись по парам, в тени школьного здания. Максим был один один, поскольку пришел последним. Власов еле заметно улыбнулся, он почему-то часто вспоминал этот день. И сейчас воспоминания были настолько яркими и красочными, словно все это произошло вчера. Вот молодая женщина с классной руководительницей подводят к стоящему без пары Максиму красивую голубоглазую девочку с короткими светлыми волосами. Они стали рядом. Максим смутился, но не мог не смотреть на красивую девочку, не понимая, что в его сердце рождается любовь. Что может быть прекрасней наивной и чистой детской любви? Первая любовь, никогда не забываемое чувство...

Оставив верхнюю одежду в гардеробе, Максим с племянником направились к регистрационному окошку, чтобы узнать, в каком кабинете принимает доктор Григорьева. Перед кабинетом оказался небольшой холл с диванами и растениями в ярких кашпо. Максим подошел к двери с овальной табличкой «325» и постучал. Не дожидаясь ответа, он потянул ручку к себе. Дверь оказалась закрытой.

— Подождем, — сказал племяннику Максим.

Они молча стояли у кабинета.

— Может, присядем? — предложил племянник.

— Ты садись, я не хочу.

Волнение не оставляло Максима. Сердце колотилось, лоб покрылся испариной, словно у студента, пришедшего на экзамен без подготовки. Чтоб унять волнение, он стал медленными шагами прогуливаться по холлу.

Вдруг Максим поймал на себе взгляд седовласой женщины, сидящей на диване. Она смотрела на Власова и улыбалась. Что-то знакомое было в ее лице. Максим пригляделся, напрягая память.

— Здравствуйте, Максим, — сказала женщина, подходя к Власову.

Только после этого Максим узнал Веру Шамильевну, давнюю знакомую и поклонницу Рудиса.

— Здравствуйте, — шагнул ей навстречу Максим.

— А я все гадаю, вы это или не вы.

— Я, — улыбнулся Власов.

— Как давно мы не виделись, — сказала женщина.

— Более полутора лет, — задумчиво сказал Власов. — В последний раз мы встречались на похоронах Витольда.

— Да-а, — вздохнула Вера Шамильевна. — Как быстро летит время. Вы знаете, мне все еще не верится, что Витольда Альбертовича нет с нами. Невосполнимая утрата. Горько осознавать, такой талант, так рано ушел...

Воцарилась мертвая тишина. Максим заметил, как глаза Веры Шамильевны покраснели.

— Кстати, завтра в театре будет вечер в честь его семидесятилетия. Отсюда я поеду в театр за приглашительными. Хотите, я и для вас возьму?

— Ой, нам же звонила Оленька...

Женщина достала мобильный телефон.

— Извините, я сейчас. Леша, ты не забыл, что завтра в театре вечер памяти Витольда Альбертовича? В поликлинике я встретила Максима Александровича, его брата. Он сейчас поедет в театр за пригласительными, может, он и наши заодно заберет. Хорошо, я поняла. Максим ждал, пока Вера Шамильевна завершит разговор.

— Он сказал, что сегодня сам собирается в театр.

— Вы-то как? — решил сменить тему Максим.

— Ну как могут быть старики... Короче говоря, я то дома, то здесь, в поликлинике. А Алексей Иванович, несмотря на свой возраст, до сих пор работает.

— Так это же прекрасно. Алексей Иванович просто молодец, старая гвардия, — ободрительно заметил Максим. — А вы к Григорьевой?

— Нет. У меня свой врач, Ширяева, наблюдаюсь у нее на протяжении многих лет. Так что у нас разные кабинеты. А вы, значит, к Григорьевой?

— Да.

— Хороший терапевт. А что с вами случилось?

— Слава Богу, у меня все нормально. Я племянника привел.

— Короче говоря, я всех тут знаю, кто какой специалист, если надо, я вас проконсультирую, к кому лучше обратиться.

— Спасибо, Вера Шамильевна, — словосочетание «короче говоря» в лексиконе этой женщины рассмешило Власова, он с трудом сдержался, чтобы не засмеяться.

В конце коридора слышались голоса, принадлежавшие группе врачей, направлявшихся в сторону холла.

Глаза Максима сфокусировались на знакомом с детства лице Нонны.

Взгляды их встретились. Плавной женственной походкой она приближалась, улыбаясь непринужденно, лучезарно и тепло.

— Вот и наши врачи подошли, — вздохнула Вера Шамильевна.

Максим уже простился с собеседницей, когда к нему подошла Нонна.

— Кого я вижу... Здравствуй, Максим! — с радостной улыбкой сказала Нонна.

— Здравствуй, Нонночка, — не менее радостно ответил Власов.

Они обнялись и нежно поцеловались.

— А я со вчерашнего вечера гадаю, о каком сюрпризе мне Тоша говорил.

— Не знаю, как тебе сюрприз, для меня увидеть тебя — подарок. Ты все так же прекрасна.

— Власов, не смущай меня, не забывай я на работе. Пойдемте в кабинет.

Власов жестом подозвал племянника. Лев встал с дивана и подошел к дяде. Открыв дверь, Нонна пригласила их войти.

— Только после вас, — сказал Максим.

— Вы как всегда галантны.

Пропустив Нонну и племянника, Максим вошел в кабинет.

— Нонночка, познакомься, мой племянник Лева. Собственно говоря, состояние его здоровья и дало повод обратиться к врачам.

— К хорошим врачам, — пошутила Нонна.

— Ну, естественно...

Бывшие одноклассники рассмеялись.

— Присаживайтесь. Лева, вы утром что-нибудь ели?

— Нет, мне сказали, что анализы надо будет сдавать на голодный желудок.

— Это дядя у вас такой специалист по анализам? — доброжелательная улыбка не сходила с лица Нонны.

— Да нет, это дядя Антон проинструктировал.

— Ну да, наш профессор хоть и знает, что рекомендовать другим, о себе совершенно не думает.

— Это же Тоша...

— А что Тоша? Ты сам-то, когда в последний раз обследовался?

— Не помню, наверное, лет десять назад.

— Это же естественно, — сменив доброжелательную улыбку на суровую, заметила Нонна, — скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Ты ничем не лучше своего друга, доктора медицинских наук.

— Нонночка, обещаю, найду время и обязательно приду. Ради того чтобы тебя увидеть и пообщаться, я на все готов.

— Смотри Власов, я тебя в покое не оставлю...

— Буду только рад. Ну а что с моим племянником будем делать?

— Как что? Сдадим анализы, обследуем, посмотрим на томографе, если обнаружим что-то существенное — вылечим. Не беспокойся.

— Спасибо, Нонночка. Я в долгу не останусь.

— Слушай, Власов, твой долг забудем тогда, когда ты найдешь время и придешь ко мне на обследование.

— Я же обещал. Железно.

— Ну ладно, мы сейчас заболтаемся так, что забудем о твоём племяннике. Тебя не смею больше задерживать, можешь быть свободен.

— В голосе Григорьевой слышались суровые докторские нотки. Они тепло простились, обнявшись и поцеловав друг друга.

Глава 5

Странное чувство охватило Максима, когда он подъехал к зданию театра. После смерти Рудиса ему не приходилось здесь бывать. Он сделал несколько шагов к служебному входу и остановился. Ольга, администратор театра, обычно сидела рядом с кассами; для того чтобы взять пригласительный билет, не обязательно было идти через весь театр со стороны служебного входа. Власов повернулся и быстрыми шагами зашагал в сторону центрального входа. С каждым шагом по лестнице он чувствовал, как учащается сердцебиение. Подойдя к огромной двери, взялся за ручку. Жадно проглотил холодный зимний воздух, задерживая его в легких. Через пару секунд выдохнул и потянул к себе тяжелую дверь.

В фойе театра, справа от входа находилась комната с двумя окошками: «Касса» и «Администратор». Администратора не было, и Максим подошел к кассе, где сидела немолодая женщина.

— Здравствуйте, вы не подскажете, Ольга Александровна здесь?

— Здравствуйте, — с дежурной улыбкой ответила кассирша. Затем повернулась и позвала:

— Оль, тебя.

В кассе появилась Ольга. Увидев Власова, она улыбнулась.

— Ой, Максим Александрович, проходите, я сейчас открою вам дверь.

Сердце Максима вновь тревожно забилось, когда в фойе он увидел фотографию Витольда в окружении фотографий актеров, также ушедших из жизни.

— Как давно вы у нас не были...

— О да, после смерти Витольда, почти полтора года...

— Полтора года, — повторила администратор, — даже не верится, как быстро летит время.

— Ну а как дела в театре, определились с главрежем?

— Ой, Максим Александрович, тут столько всего произошло, не знаешь, как рассказать. После Витольда Альбертовича найти режиссера такого высокого уровня невозможно. За полтора года сменилось трое главных. То один, то другой, и каждый норовил облить грязью предыдущего.

— Странно, а я и не знал, что сменилось уже три режиссера.

Максим был обижен на театр, особенно на давнего друга Рудиса, Сергея Сергеевича Штерна, директора театра. Через полгода после смерти Витольда никто из театральных коллег не вспомнил о дне рождения скоропостижно скончавшегося режиссера. В тот день Максим вместе с друзьями пошел на кладбище положить цветы на могилу брата. Это были единственные цветы на могиле Рудиса. Деликатный Антон сказал, что, должно быть, еще рано и днем обязательно придут. На следующий день Максим еще раз побывал на кладбище. Никто так и не пришел... Все повторилось в годовщину смерти Рудиса. Но когда Ольга, позвонив ему, сказала, что готовится вечер памяти и что она не знает, куда отправить пригласительный билет, Максим как на крыльях помчался в театр.

— Да, — сказала администратор, — теперь, слава Богу, как будто все нормализуется.

— И кто же?

— Не знаю, насколько вам это понравится, — Ольга смущенно отвела глаза, — уже третий месяц как художественным руководителем театра стал Олег Калинин.

Калинин!.. Да, конечно, этот известный и востребованный ученик Рудиса был талантливым артистом, Максим восторгался его игрой. Но после того как Олег женился на Амелии, которая в свое время была

подругой Максима и на которой он сам чуть было не женился, отношения с Олегом стали прохладными. Он мгновенно вспомнил события, происшедшие в день, когда был отравлен Витольд. Вспомнил, что за несколько часов до кончины Витольд принимал у себя Олега и Амелию, пришедших отдать долг. Но после смерти Рудиса денег в квартире не оказалось. Тогда возникла версия, что Олег и Амелия могли быть связаны с отравлением.

— Об организации вечера памяти Витольда Альбертовича Олег объявил труппе в первый же день его назначения.

— Он ведь был учеником Рудиса. И, по-моему, одним из лучших.

— Да, но в прошедшем году в мае был год, как скончался Витольд Альбертович, а в театре никто об этом не вспомнил. Тогда в течение пяти дней скончались три титана театра.

— Четыре дня — пять смертей, — грустно поправил администратора Власов.

— Как пять? Четыре.

— Да, четыре из театра, — Максим понял, что о Маргарите, любовнице Рудиса, Ольга не знала, а рассказывать всю историю он не захотел, — я оговорился.

— Не могла поверить, что Алены больше нет. Мы были очень близки. Единственный человек в театре, с кем можно было поговорить по-человечески. Отец ее так и не смог перенести это горе, скончался полгода назад.

Перед глазами Максима всплыли события того дня, когда он в последний раз видел Алену у входа в мастерскую художника Каратаева. Низко опущенный капюшон и яркий свет полной луны, освещающий только кончик носа, губы и подбородок. Этого было вполне достаточно, чтобы узнать до боли знакомые черты любимой женщины. Все произошедшее до сих пор не укладывалось у него в голове.

Алену он не вспоминал, ибо ни на секунду не забывал ее. Каждый раз, когда мысли уносили его к Алене, рядом стоял Понтий Пилат, совершающий суд над философом, «добрым человеком» Иешуа Га-Ноцри. В эти минуты Максим невольно представлял себя на месте «всадника Золотое Копье». Подобно Понтию Пилату, он считал себя обреченным на вечные муки совести, за то, что он в ту злополучную ночь ушел и оставил Алену. И каждый раз он повторял себе: «Ошибаться — человечно, прощать — божественно!»

— Нет ничего более ужасного для родителей, чем пережить потерю ребенка.

— Это точно. Я постоянно навещаю Людмилу Михайловну, маму Алены. Было время, когда ей стало совсем плохо. Я приготовилась к самому худшему, но вдруг она прямо на глазах ожила. В конце сентября в Москву перебралась ее внучатая племянница из Саратова с маленьким ребенком. Я ее не видела, работает где-то, а ребенок днем с Людмилой Михайловной. Вы представляете, Максим Александрович, это маленькое создание подняло ее на ноги. Она ожила, воспрянула духом, в малыше души не чает.

Максим невольно перевел взгляд на стену, где из рамок с фотографиями смотрели служители Мельпомены и Талии, ушедшие в мир иной.

Фотографии были расположены в два ряда. В первом ряду их было шесть, во втором пять. Под всеми фотографиями были даты рождения и смерти. Фотография Рудиса была последней. Но рядом не было портретов художника Каратаева и завлита Филимоновой, работавших в театре со дня его основания. Они были верными соратниками Рудиса. И умерли насильственной смертью практически одновременно, в течение одной недели.

Максима бросило в краску. Дыхание участилось. Глаза его сузились, левая бровь чуть приподнялась.

— Я понимаю, — грустно сказала администратор, — ни Артемия Яковлевича, ни Элеоноры Николаевны здесь нет. Таково решение руководства.

— Как, а Сергей Сергеевич? Он же директор тетра. Они же были друзьями со студенческой скамьи.

— А что Сергей Сергеевич? После Рудиса он очень хотел сделать главным режиссером Калинина.

— Он же актер, — удивился Максим.

— Да, прекрасный актер и режиссер неплохой. Он же помогал Витольду Альбертовичу, часто подменял его. Поставил два отличных спектакля. А вы не знали?

Максим не знал, но, чтобы не разочаровывать Ольгу, сказал:

— Да-да, припоминаю, интересные постановки.

— Так вот, хотя Сергей Сергеевич делал все, чтобы Олег Владимирович стал главрежем, Калинин отказался. Он его и так и сяк уговаривал — ни в какую. Ну, а поскольку свято место пусто не бывает, к нам прислали из министерства одного блатного. Начались разборки, полтруппы уволилось. Как-то раз едва не дошло до драки с Сергеем Сергеевичем. Мы уже решили, что тот его съест, но наш — молодец, поднял все связи, ну и мы всем коллективом написали письмо, и его от нас убрали. Сергей Сергеевич вновь стал уговаривать Калинина. Но он опять отказался. А Амелия из-за того, что Олег отказался, с ним поссорилась.

— Почему? — Максим невольно заинтересовался.

— Я же говорила. Блатной главный разогнал полтруппы. Амелия оказалась в их числе. Естественно, если бы Олег стал главрежем, она бы вернулась в театр не просто актрисой, а примой. Вы меня извините, конечно, Максим Александрович, но мне думается, вы ее характер должны были изучить.

— Худо-бедно, — усмехнулся Власов. — А сейчас-то, надеюсь, все нормально, она вернулась в театр?

— О чем вы говорите! Когда Олег второй раз отказался, она ему такую истерику закатила, прямо здесь. Олег ушел из дома. До сих пор живет на съемной квартире.

Со стороны деревянной лестницы послышались шаги. Ольга, не поворачивая головы, посмотрела туда.

— Ну, вот и он сам, поговорить не дадут.

Глава 6

— Здравствуйте, Максим Александрович, как хорошо, что вы пришли.

Ольга, ты дала приглашительные билеты?

— Ой, заговорились, сейчас.

Она быстрыми шагами пошла в сторону администраторской.

— Здравствуйте, — Максим протянул руку.

— Максим Александрович, во-первых, я рад вас видеть. И во-вторых, как у вас со временем?

В словах Калинина, обращенных к Власову, не чувствовалось напряженности. Ненароком Максим подумал, что они оба погорельцы.

Видимо, это обстоятельство облегчало им общение друг с другом.

— Есть немного, — с доброжелательной улыбкой ответил Максим.

Все так же быстро вернулась Ольга.

— Вот, Максим Александрович, здесь два приглашительных билета, на два лица каждый. Это вам и вашему племяннику. Они именные. И вот еще три, вашим родственникам, друзьям. Если нужны будут еще, вы мне позвоните, я оставлю.

Администратор протянула два конверта. Максим положил их во внутренний карман пиджака.

— Спасибо!

— Мы будем вас ждать, Максим Александрович. До свидания.

Ольга улыбнулась и, повернувшись, пошла в свою комнату.

— Может, по чашке чая или кофе? — предложил режиссер.

— Лучше чай, — согласился Максим.

— Пойдемте ко мне.

Они поднялись на второй этаж. «Неужели мы идем в кабинет Рудиса?»

— подумал Максим. Словно гири повисли на ногах. Походка стала тяжелой, да и сердце учащенно забилося. В последний раз он заходил в

этот кабинет, когда Витольд, накрытый простыней, бездыханно лежал на диване.

Шедший впереди Калинин открыл дверь, приглашая войти.

Это была отремонтированная комната с новой мебелью. При Рудисе — обыкновенная проходная комнатенка, теперь она выглядела как приемная большого начальника. За столом сидела молодая, лет двадцати, симпатичная девушка с миндалевидными глазами. При виде входящих мужчин, она встала и поздоровалась.

Двери в кабинет были открыты. «Раньше была одна дверь, теперь две», — вспомнил Максим.

Они вошли в кабинет, который полтора года назад был вторым домом Витольда. От прежнего хозяина здесь ничего не осталось. Этот отремонтированный, с дорогой офисной мебелью, кожаным диваном и креслами кабинет больше ассоциировался с кабинетом крупного банкира. При виде совершенно чужого кабинета Максиму стало легче дышать.

Заметив в его взгляде некоторое удивление, Калинин попытался оправдаться.

— Все было сделано до меня. После смерти Витольда Альбертовича Министерство культуры направило сюда нового главного режиссера. Первым делом он взялся за кабинет. Тут все переворошили. Бумаги, фотографии, все, что было в кабинете, куда-то исчезло, никто не знает куда. Три месяца делали ремонт. А на четвертый режиссера убрали. Прислали нового. Тот тоже занялся кабинетом и приемной. Вы сами видите, что вышло. Чересчур помпезно, мне не нравится.

— Да-а, — Максим рассматривал картины на стенах, — нет театрального духа.

— Как точно вы сказали, театрального духа. Присаживайтесь, Максим Александрович.

— Вам чай или кофе? — с порога спросила милостивая секретарша.

— Чай, — вопросительно посмотрев на Власова, сказал Калинин.

— Чай, — подтвердил Максим.

Секретарша вышла, закрыв за собой дверь.

— Вы знаете, когда я пришел, первым делом решил восстановить наследие Витольда Альбертовича. Но, к сожалению, по непонятным мне причинам ничего не могу найти. Словно чья-то рука специально уничтожила все, то ли где-то спрятала.

— Олег, вы решили организовать вечер в честь юбилея Витольда, это прекрасно. Я вам очень благодарен.

— Да о чем вы говорите! Я всем обязан Витольду Альбертовичу.

Провинциальный парень, приехал в Москву в лихие девяностые. Ничего не было, ни жилья, ни денег. Только две подружки, голод и холод. Было очень тяжело, я подумывал вернуться домой, решив, что я никчемный артист, неудачник. И тут я прихожу на кастинг во вновь образованный театр и встречаюсь с известнейшим Рудисом. Для нас, молодых, это имя было настолько известным и далеким, что одно то, что ты вышел перед ним на сцену, уже было огромным счастьем. Все решил случай.

— В этом мире ничего случайно не происходит. Просто это была ваша судьба.

— Возможно. Не буду отрицать. Я хочу сказать, что все, чего я достиг — звания, популярности, это все благодаря Витольду Альбертовичу. Он в меня поверил и заставил меня самого поверить в себя. Я не могу забыть своего учителя.

Максим был тронут. Он впервые увидел другого Олега — порядочного и благодарного. В его словах не было театральности, к которой часто прибегают артисты.

— Вы знаете, Олег... — Максим замялся, вспоминая отчество Калинина.

— Просто Олег, — мгновенно откликнулся главный режиссер.

— Так вот, Олег, я хочу перед вами извиниться.

— За что? — Калинин поднял брови.

— За мое отношение к вам. Скажу прямо — после того как вы с Амелией стали супругами, все отрицательное, что я питал к Амелии, направилось в вашу сторону.

— Понимаю, — засмеялся Олег, — я на вашем месте поступил бы так же. Но сегодня все изменилось. Мы с Амелией уже около года как не живем вместе.

Максим сделал удивленно лицо, словно несколькими минутами ранее не узнал от Ольги о ссоре между супругами и разводе.

— Так что мы с вами, Максим Александрович, в одной лодке обманутых.

— Я не считаю себя обманутым. Да и вообще мы с Амелией прожили вместе очень недолго.

— Я знаю. Вам повезло больше. А я реально оказался обманутым.

Потерял квартиру, о которой мечтал и в конце концов купил, сам купил. Слава Богу, Витольд Альбертович тогда помог, дал в долг.

Максим сразу понял, что боль ссоры и разлуки Олег нес и несет в себе.

Ему было необходимо высказаться, быть услышанным и понятым. Ну а Власов идеально подходил для этого.

— В день смерти Витольда вы приехали вернуть долг...

— Да, именно в этот день. Хотя мы этого не планировали, все получилось само собой. Утром, после репетиции, Витольд Альбертович поинтересовался, будет ли продолжение сериала, в котором я снимался. Тогда я ему ответил, что о продолжении не знаю, но гонорар я получил. Он спросил, как живется в новой квартире, сделан ли ремонт. Вряд ли он намекал на мой долг, но я решил, что сейчас самое время вернуть взятые деньги. Ну и напросился после обеда в гости. Поехал в банк, взял деньги, приехал домой. Тогда у нас с Амелией произошла первая стычка. Она была против, говорила, что незачем спешить. Обиделась на меня, пошла

в спальню, закрыла дверь. Помню, я хотел зайти к ней, но она с кем-то говорила по телефону. Я не стал ей мешать. Вдруг она вошла и как ни в чем не бывало предложила взять с собой пару бутылок и по дороге купить цветы.

Максим вспомнил, как он со следователем и его помощницей смотрели видео с камер наблюдения. Действительно, где-то в половине четвертого Калинин и Амелия приехали в гости к Рудису. Однако он не мог вспомнить, были ли цветы. Даже если бы и были, получался алогизм, зачем мужчине цветы?

— Олег, я не понял, зачем две бутылки и тем более цветы?

— Амелия сказала, что у Рудиса новая пассия и она наверняка у него дома. Поэтому необходимо взять бутылку дорогого коньяка для Витольда Альбертовича, а бутылку красного вина и цветы для его подруги.

— Откуда Амелия знала о новой пассии? Витольд ведь тщательно скрывал эти отношения.

— Не знаю, но когда мы пришли, она действительно была в квартире Витольда Альбертовича. Более того, мне показалось, что Амелия и... — Олег сделал паузу, вспоминая имя, — забыл, как ее звали.

— Маргарита.

— Да, кажется, так. Так вот, мне показалось, что Амелия и эта Маргарита знакомы друг с другом. При встрече расцеловались, как приятельницы. Максим насторожился. Тогда, полтора года назад, помощница следователя Катерина под видом журналистки, пишущей статью о режиссере Рудисе, встречалась с Олегом и Амелией.

«Позавчера, в день, когда скончался Рудис, — Максим стал вспоминать рассказ Катерины, — днем приходили к нему, чтобы поблагодарить и вернуть долг, который брали у него около года назад. Пробыли меньше

часа, что соответствует данным видеозаписи. Посидели втроем, выпили кофе, поговорили о театре и ушли.

— Почему втроем, у Рудиса в это же время находилась Подбельская? — спросил тогда следователь.

— Я этот момент сразу уловила, Андрей Федорович, поэтому осторожно поинтересовалась. Они сказали, что кофе им сварил сам Рудис, Маргариты они в квартире не видели».

Полтора года назад Максим поверил этим словам, поскольку знал Витольда, любителя скрывать свои амурные дела.

«А когда возвращали долг, — Максим продолжал прокручивать в памяти рассказ Катерины, — купили Рудису какой-то жутко дорогой коньяк. Рудис его не взял, сказав, что коньяк слишком дорогой и что он выпьет его на их новоселье».

— Олег, а вы не знали, что Витольд из-за желудка несколько лет не пил алкоголь?

— Не знал. Витольд Альбертович всегда был таким гурманом. По запаху определял возраст коньяков и виски. Только теперь понимаю, почему он вернул мне коньяк. Предложил на новоселье выпить вместе.

Максим решил идти дальше. Он хорошо помнил рассказ Катерины.

«Кстати, Андрей Федорович, — говорила она следователю, — жена Калинина довольно набожная женщина. Несколько раз повторила: «Слава Богу, что мы успели вернуть долг» и «Не дай Бог жить с чувством вечного долга».

— Амелия больше вас не ругала, что поспешили? Задержись вы на один день, возвращать долг было бы уже некому.

— Хм, вечером, когда мы узнали, что Витольд Альбертович скончался, Амелия закатила мне такую истерику, мама не горюй.

— Узнаю характер.

— Да. Она меня весь следующий день изводила, мол, из-за моей спешки она потеряла шубу. Я ей говорю, долги надо возвращать и слава Богу, что успели. И вы знаете, что она выкинула?

Максим недоуменно пожал плечами.

— К нам после смерти Витольда Альбертовича приезжала журналистка, готовила материал о Рудисе. Так вот она ей моими же словами сказала о том, что мы очень рады, что своевременно вернули долг.

Власов не смог скрыть своего восхищения. Молодец Олег! Точность в мелочах ведет к точности в большем. Он благодарно улыбнулся.

Накладывая произошедшие события на информацию, которую сейчас получил от Калинина, Власов на полную катушку включил свои аналитические способности. Чтобы все спокойно обдумать, необходима была пауза.

— Чай остывает, — заметил Максим, протягивая руку к чашке.

— Ох да, извините, заговорил вас, — смутился главный режиссер.

Добившись столь необходимой паузы в разговоре, Максим спокойно, не спеша, пил чай.

Первое, что сразу насторожило его, было то, что Амелия и Маргарита друг друга знали. «Где и кто мог их познакомить? — думал Власов, — кто этот человек? Вряд ли Витольд, он даже от меня скрывал эти отношения. А может быть, Амелия познакомила Витольда с Маргаритой? В принципе, такая версия имеет право на существование. Олег, чувствуется, человек деликатный; после размолвки жена говорит по телефону, и он не прислушивается, с кем она говорит. Кто мог быть ее собеседником, если после этого разговора она на сто восемьдесят градусов меняет свое решение? Если Маргарита и Амелия были знакомы друг с другом, то, может быть, и общались. Ибо откуда Амелии было знать, что Маргарита у Рудиса, почему она предложила кроме коньяка взять вино и цветы? И не эта ли бутылка была с отравленным вином?»

— Максим Александрович, давайте долью кипятка, — прервал его размышления Олег, держа в руках небольшой чайник.

— Спасибо, — Максим подвинул чашку.

— Я часто вспоминаю тот злосчастный день. Ничто не предвещало трагедии. Когда брал деньги в долг, я оставил расписку. А он, возвращая мне расписку, написал: «Да приумножится ваша состоятельность» — и подписался: Витольд Рудис.

— Трогательно, — сказал Максим, продолжая размышлять о роли Амелии в произошедшем. — Олег, а вы не спрашивали Амелию, откуда она знала Маргариту?

— Нет. Не до этого было.

— И с тех пор ваши отношения стали трещать по швам...

— Нет, это было позже. После смерти Витольда Альбертовича, когда Сергей Сергеевич предложил мне стать главным.

— О-о, — Максим виртуозно изобразил удивление, будто не знал о неоднократных попытках уговорить Олега занять место главного режиссера, и, чтобы польстить ему, добавил: — Я припоминаю, у вас были самостоятельные постановки, и довольно удачные.

— Очень приятно, что вы помните. Это была исключительно заслуга Витольда Альбертовича. Он сначала отправил меня учиться, а потом помог с постановкой. Я же в прошлом году окончил режиссерский факультет.

— Поздравляю. Уверен, вы будете достойным продолжателем дела Рудиса.

— Спасибо! Постараюсь.

— Олег, а почему вас не сразу утвердили главрежем?

— Я сам отказался. Во-первых, я участвовал одновременно в нескольких проектах, времени совершенно не хватало. Ну и во-вторых, я не чувствовал в себе сил быть главным режиссером. Штерн согласился с

моими доводами и изменил структуру театра. Он совместно с Минкультом изменил устав театра; упразднил должность художественного руководителя, а директор, то бишь Сергей Сергеевич, стал единоличным управляющим. Это был трудный процесс. В министерстве пришлось поторговаться за изменение устава. Сначала на должность главного навязали своего чиновника. Результатом его работы стал этот кабинет. Под лозунгом увеличения заработной платы он разогнал полтруппы. Сократили Амелию. Он и меня хотел уволить. Помогло мое звание народного артиста.

— А Сергей Сергеевич куда смотрел?

— После смерти Витольда Альбертовича он сильно сдал. Через пару недель после назначения нового главрежа он уехал в отпуск к дочери в Англию. И этот тип начал самовольничать. Но как только Штерн приехал, увидел этот беспредел, сразу подключил все связи и чиновника убрали. Он снова предложил мне стать главным. Однако проекты я еще не завершил, и мне предстояла защита дипломной работы.

— А артистов восстановили?

— В большинстве, да. Именно тогда у нас с Амелией отношения окончательно и бесповоротно испортились. Сначала она закатила скандал, потому что я второй раз отказался от должности главного режиссера. Амелия считала, что из-за этого она не станет примой.

— Это же нормально, — улыбнулся Максим, — жены главных режиссеров всегда были ведущими актрисами их театров.

— Да, но Амелия актриса не того уровня. К тому же без работы она стала лучше себя чувствовать.

Максим вопросительно посмотрел на Олега.

— У нее появились деньги. Не знаю, откуда. Она сыграла пару эпизодических ролей в кино, но за это больших денег не платят. Потом я как-то искал запонки и обнаружил в ящике несколько очень дорогих

украшений. Особенно одно кольцо и сережки. Первое, что пришло мне на ум: такие подарки может дарить только богатый любовник. У нее всегда была слабость к состоятельным господам.

Максима в изумлении вздрогнул. Колье и деньги пропали из кабинета Рудиса в день смерти. Единственное, что было известно Власову и следователям, — в квартиру заходила женщина, очень похожая на Маргариту, ту самую подругу Рудиса. После того как ночью Максим увидел Алену возле мастерской Каратаева, он решил, что и в квартиру после смерти Витольда приходила переодетая Алена. «Неужели это была Амелия?» — спрашивал себя Максим.

— Я могу подтвердить это, — сказал он вслух.

— На мой вопрос, откуда эти побрякушки, она заявила, что это бижутерия. Лучшая защита — нападение, в итоге я оказался виноватым, ведь я не имел права открывать ее ящик.

— Бижутерия и настоящие драгоценные изделия отличаются, в числе прочего, и по своим футлярам. Драгоценности хранят в добротных и дорогих футлярах.

Власов решил постепенно выяснить все, что можно, о колье с серьгами. Он прекрасно знал из рассказов Каратаева и Левы, очевидцев, что кольцо находилось в инкрустированном деревянном футляре.

— Да, — Олег сделал паузу, вспоминая, — была такая шкатулка, — ладонями он показал ее размер, — деревянная, там лежали кольцо, серьги и два кольца. Насколько дорогой этот футляр, не знаю. Когда я увидел украшения, мне было не до коробки.

Максим сделал глоток остывшего чая. Ему хотелось спокойно проанализировать всю полученную информацию и с ее помощью осмыслить события полуторагодовой давности.

— В общем, это был наш последний скандал с Амелией. Я собрал свои вещи и ушел.

— С одной стороны, по-мужски, с другой, это же ваша квартира, вы ее купили, — Максим не скрывал возмущения.

— Она ни на какие предложения не согласилась, и вот уже несколько месяцев ее просто нет в России. Я в свою собственную квартиру не могу попасть, она все замки поменяла.

— Вам надо подать заявление в суд.

— Уже подал. Но ее нет, и все затягивается. Вот жду: в случае ее неявки на повторное заседание смогу получить решение без ее согласия.

— И это правильно! — улыбнулся Максим. Затем, посмотрев на часы, сказал: — Спасибо за чай и приятную беседу. Пора и честь знать.

— Максим Александрович, эти двери всегда открыты для вас.

— Большое спасибо! Искренне благодарю!

Мужчины встали, вышли из кабинета. Олег помог Власову надеть пальто. Максим повернулся к секретарше.

— Спасибо за вкусный чай. До свидания.

— До свидания, — привстав, попрощалась девушка.

— До свидания, — Максим протянул руку Олегу.

— Я вас провожу.

Мысли Максима вернулись к Амелии. «Маргарита и Амелия были знакомы. Каким образом? То ли это кольцо, которое Рудис хотел подарить Маргарите? Надо бы пообщаться с Ольгой. Она многое должна знать».

Они спустились в фойе.

— Максим Александрович! самого главного-то я вам не сказал. Я хочу поставить булгаковского «Мастера» в прочтении Рудиса. Но, к большому сожалению, нет никаких материалов. У него дома ничего не осталось?

— Кроме книги с его пометками — ничего. Но думаю, я смог бы вам помочь с Витольдовым прочтением Булгакова.

Сказав «Витольдово прочтение», Максим мгновенно вспомнил Алену, не раз говорившую ему, что гений Рудиса будет жить в этом прочтении, что оно останется в благодарной памяти потомков.

— Спасибо, Максим Александрович! Как только закончим с юбилеем Витольда Альбертовича, начнем готовить новую и неожиданную постановку «Мастера и Маргариты». Договорились? — Олег протянул руку.

— Договорились!

Спускаясь по лестнице, Максим не ощущал тяжести, с которой входил в театр. Он был почти счастлив оттого, что лед между ним и Калининым растаял, что Олег оказался хорошим парнем.

Перед выходом Максим подошел к окошку администратора. У окна стоял мужчина и разговаривал с Ольгой. Власов заглянул через его плечо.

— Ой, Максим Александрович, вы уже уходите? — спросила администратор.

— Да, еще раз спасибо за билеты. До завтра.

— Здравствуйте, Максим Александрович, — весело сказал мужчина, поворачиваясь к Власову.

Мужа Веры Шамильевны, профессора Алексея Ивановича, Максим узнал сразу.

— Алексей Иванович, приветствую вас...

Глава 7

Мужчины вышли на улицу. Их встретила холодная промозглая Москва. Максима с Алексеем Ивановичем и его супругой познакомил Витольд Рудис. Он знал только то, что эта семейная пара — давние знакомые Витольда и поклонники его таланта. Власов встречался с ними на всех премьерных постановках Рудиса. С первой минуты знакомства Алексей Иванович очень понравился Максиму. Худощавый, с седой шевелюрой, в роговых очках, он являл собой классический образец профессора. Они часто обменивались впечатлениями на фуршетах после премьеры, и Максим помнил, какие интересные, нетривиальные мысли высказывал этот обаятельный, искренне улыбающийся старик.

Утром, чтобы не возбуждать аппетит у племянника, которому предстояло сдавать анализы, Максим в знак солидарности тоже не стал завтракать. Сейчас он почувствовал, как голоден.

— Алексей Иванович, как у вас со временем? — и, не дожидаясь ответа, предложил: — Может быть, пообедаем?

— С удовольствием. Мне всегда доставляла огромное наслаждение беседа с вами.

— Спасибо. Это взаимно.

— Помню-помню вашу теорию зеркальности. А куда пойдём?

— Тут на противоположной стороне есть приятное местечко.

— Ведите, — согласился старик.

Не прошло и десяти минут, как Максим с Алексеем Ивановичем сидели за столиком. Удобно усевшись, Власов взял в руки меню.

— Алексей Иванович, что вы будете? — спросил Максим, изучая меню.

— На ваше усмотрение. Главное, если можно — сразу чай. Хочется чего-нибудь теплого.

Делая заказ подошедшему официанту, Максим чувствовал на себе пристальный взгляд профессора. Проводив официанта, он ответил глазами старику. Алексей Иванович тут же улыбнулся.

— А где вы успели так хорошо загореть?

— На юге Китая, на острове Хайнань.

— Да-а, — протянул профессор, — дивная страна. Витольд Альбертович очень любил китайскую кухню.

— А вы давно знакомы с Витольдом?

— Да, где-то с середины девяностых, нас Вера...

Он прервался, дожидаясь, пока подошедший официант разложит приборы и расставит чашки. Проводив официанта взглядом, Алексей Иванович продолжил:

— Нас Вера познакомила. Мы были приглашены на премьеру, а после спектакля познакомились. Нелепая смерть. Как он хотел поставить «Мастера и Маргариту» в своем уникальном, я бы даже сказал — революционном прочтении.

Максим, делающий глоток кофе, чуть не поперхнулся. «Откуда этот старик знает о витольдовском прочтении романа?» — молнией пронеслось в его сознании.

— Алексей Иванович, вы знали о его желании поставить «Мастера и Маргариту»?

— Конечно, он ведь хотел сделать это еще десять лет назад. Мы с ним долго и помногу дискутировали о том, что Булгаков в своем романе описал события, которые будут происходить в России через пятьдесят лет.

— Ведь так и есть.

— Да, — вновь протянул профессор, — но сначала я его точку зрения воспринял скептически. Однако мне самому все это стало настолько

интересно, что я затеял собственное исследование. Кстати, благодаря этому я освоил компьютер.

— И к какому выводу вы пришли?

— Рудис был прав. Булгаков — пророк, он имел дар предвидения.

— После смерти Витольда мне в руки попала книга «Мастер и Маргарита», вся расписанная его рукой. Размышления Витольда меня поразили. Несколько месяцев назад я решил перечитать и роман, и пометки Рудиса. Вы представляете, совершенно другое восприятие. Кроме расшифровок брата, я нашел еще массу интереснейших ассоциаций с девяностыми.

— Булгаков уникальнейший писатель. Его мистика завораживает и притягивает. Я вам больше скажу. Описанием событий в древнем Ершалаиме писатель заставил меня искать начала христианства. А образ Воланда навел на мысли о влиянии масонства на исторические события. Максим улыбнулся. Ему это было давно известно. Алексей Иванович мгновенно поймал уверенный взгляд Максима.

— Вы зря улыбаетесь. Еще очень многое от нас закрыто. Я расскажу вам две истории, ставшие судьбоносными в процессе развития человечества. С лица профессора сошла улыбка. Он спокойно разглядывал своего собеседника. Максим понял, что Алексей Иванович специально выдерживает паузу, чтобы понять, как его рассказ может быть воспринят. Глубоко вздохнув, профессор спросил:

— Как вы думаете, что такое Библия?

— Как что? — Максим не понял вопрос и отделался простым ответом: — Священная книга.

Однако, задумавшись на мгновение, продолжил:

— Библия, которая дошла до нас в том виде, в каком она существует, есть не что иное, как гениальный инструмент управления людьми.

— Вы атеист?

— В Бога я верю. Но сомневаюсь в моральных основах Библии. Как вы объясните тот факт, что все праведники имели рабов, бесчисленное количество жен и наложниц? Эти библейские герои часто становились на путь тирании, деспотизма, кровосмешения и убийств. Но все это, как ни странно, в Ветхом завете считается в порядке вещей и даже оправдывается.

— Думаю, вас заинтересует история племянника одного из величайших фараонов Египта — Рамзеса II.

— Он стал следующим после Рамзеса II фараоном?

— Нет, не стал...

— Поскольку у Рамзеса был свой сын, — с утвердительной улыбкой сказал Максим.

— Да... — профессор сделал паузу, словно собираясь с мыслями, и внимательно посмотрел на Власова. — Его звали Менефт. Отец его отправил в город Мемфис, где он должен был получить образование у жрецов храма Амона-Ра.

— Амона-Ра, — задумчиво повторил Максим, сдвинув брови, — мудрые жрецы Амона, хранители сокровищ, доставшихся им в наследство от затонувшей Атлантиды.

— Совершенно верно. И этими сокровищами были знания.

— При этом именно жрецы Амона, как ни странно, были прямыми предшественниками масонов.

— Вы правы. Доподлинно известно, что многие древнеегипетские манускрипты хранятся в современных масонских ложах, у их лидеров.

— Жрецы Амона считали, что тот, кто владеет знаниями, имеет власть над людьми.

— Именно так! С вами приятно разговаривать. В этом вы похожи на своего брата. С ним было интересно. Интеллект, он либо есть, либо, увы...

Максим, всегда смущавшийся, когда его хвалили, решил вернуться к теме разговора.

— Вы говорили о племяннике фараона.

— Да, племянник...

Алексей Иванович снял крупные роговые очки, вынул из кармана платок и начал протирать линзы. Власов заметил, что через стекла не были видны широко открытые, голубые, словно небо, улыбчивые, полные доброты и мудрости глаза.

— Так вот, — продолжал профессор, — вместе с Менефтом постигал религиозные науки его друг, некий Хозарсиф. Менефт оказался слабым учеником. Совсем иначе складывалась учеба у Хозарсифа, у него были колоссальные успехи.

— Этот Хозарсиф часом не племянник ли фараона?

— Вы проницательны...

— Я даже предугадываю продолжение истории — племянник вместо сына стал очередным фараоном.

— Хм, стоило мне вас похвалить, как вы, уважаемый Максим, пошли неверным путем, — усмехнулся Алексей Иванович, надевая свои очки.

— Тем не менее, интрига должна была завязаться из-за наследства фараона. Или я не прав?

— Правы! Из-за власти и денег. Но в данном случае произошли события, которые перевернули мир.

Мать Хозарсифа, сестра Рамзеса II, мечтала, чтобы ее сын получил власть. Мысленно выстроив будущее своего сына, она отдала его жрецам Озириса, где прошли его детство и юношество. Безусловно, родной сын Рамзеса, Менефт, должен был занять престол после смерти отца. Но в Древнем Египте власть не переходила по династической линии к старшему сыну. Фараон мог самостоятельно назначить себе преемника из числа родственников. Самое интересное заключается в

том, что жрецы имели право после смерти фараона отменить его решение и назначить другого.

— Довольно демократично, — усмехнулся Максим.

— Да, и что интересно, такое часто случалось. Отменив решение фараона, жрецы, как бы в интересах страны, принимали новое решение в пользу одного из жрецов, имевшего, естественно, царское происхождение. Такой исход и планировала мать Хозарсифа, желавшая видеть своего отпрыска фараоном. Более того, умный и зрелый Хозарсиф выгодно отличался от своего инфантильного двоюродного брата.

— Получается, Рамзес и его сын Манефт...

— Манефт, — поправил профессор.

— Извините, Манефт, имели все основания не любить и опасаться родственника.

— И вновь вы правы. До нас дошли сведения, что Хозарсиф был невысокого роста, с широким лбом и черными пронзительными глазами. Из примет выделялась складка между бровей, говорящая о трудной и великой судьбе ее обладателя.

Он легко прошел все посвящения культа Изиды. Можно сказать, что Хозарсиф имел редкий дар. А если к этому прибавить его цельность и непоколебимость, то получался интересный персонаж. Таких людей, поверьте мне, невозможно заставить свернуть с намеченного пути.

— Да, есть и такие, — произнес Максим, словно вспоминая кого-то.

— Разумеется, — продолжал профессор, — честолюбивый нрав Хозарсифа привлек внимание Рамзеса II, который все с большим недоверием относился к племяннику. И он отправляет Хозарсифа как можно дальше от власти, назначив его священным писцом в храме Озириса.

К столику подошел официант. Поставив поднос на край стола, он стал расставлять заказанные блюда.

— И чем закончилась история племянника фараона? — спросил Власов, желавший поскорее услышать продолжение рассказа.

— Дорогой Максим, — рассматривая пирожное, начал Алексей Иванович, — в том-то и дело, что все сказанное было лишь увертюрой. История началась в один прекрасный день, когда Хозарсифа послали проверить, как идут работы в провинциях Дельты. То ли это было подстроено, то ли действительно жрец Озириса, молодой Хозарсиф, относился с симпатией к рабам, но факт остается фактом. Он убил египетского надсмотрщика, осыпавшего жестокими ударами беззащитного еврея.

— На то он и член царствующей семьи, что может позволить себе многое. Тем более что убийство произошло в порыве благородного гнева.

— Но в древнем Египте жрецы, виновные в убийстве, сурово наказывались их же жреческой коллегией. Зная об этом не понаслышке, понимая, что жизнь его висит на волоске, Хозарсиф ударяется в бегство. Он покидает Египет и находит пристанище в одной из храмовых пещер на Синайском полуострове.

— Странно, что честолюбивый и идущий к своей цели Хозарсиф не заметил подвох.

— Я не исключаю, что Рамзес, видевший в племяннике реального врага своему сыну и знавший нрав Хозарсифа, легко мог подстроить это убийство. Более того, я все-таки склоняюсь к мысли, что Хозарсиф, хоть и тайно, готовил себя в правители Египта, он жаждал власти, чувствуя свое превосходство над братом. Именно эта жажда власти будет сопровождать и направлять его все последующие годы.

А с другой стороны, возможно, это было роком. Не убей он надсмотрщика, наш мир, безусловно, был бы другим.

Максим пристально смотрел в глаза профессора. Старик преувеличивает, подумал он, какую-то запутанную историю с племянником фараона возводит в ранг судьбоносного события.

— Вы думаете, что я преувеличиваю, — тут же откликнулся на невысказанную мысль профессор.

— Но согласитесь, — Максим стал неловко оправдываться, — ход истории меняют личности, бесспорно... Но какой-то племянник фараона, о котором я, человек вполне начитанный, ничего не знаю...

— Ну, — с хитрой улыбкой заметил Алексей Иванович, — вы, конечно, не знали его близко, но уверяю вас, вы о нем знаете.

— Я не жалуясь на свою память, но имя Хозарсиф не говорит мне ничего.

— Уверяю вас, Максим, вы его знаете, но... — профессор сделал паузу, пристально глядя в глаза Власова, — под другим именем.

— И под каким же?

— Всеу свое время.

— Вы интригуете...

— Есть немного, но это ради вас, чтобы было интереснее.

Профессор отломил кусочек пирожного и поднес ко рту. Медленно, не спеша он разжевал пирожное, запив его несколькими глотками чая.

Максим смотрел на него в ожидании.

— Ряд причинно-следственных обстоятельств, — вновь заговорил старик, — определил судьбу Хозарсифа. Дело в том, что посвященный жрец храма Амона, если совершал убийство, терял преимущество преждевременного воскрешения из мертвых в «сияние Озириса». И для того чтобы искупить свое преступление, совершивший убийство должен был пройти суровое испытание, подвергнув себя смерти. И Хозарсиф

решил пройти этот очистительный обряд путем погружения в летаргический сон.

— Чтобы выйти в астрал, в потусторонний мир, найти свою жертву и получить от нее прощение, — с серьезным видом предположил Максим.

— Совершенно верно. Повторюсь: с вами столь же легко и приятно общаться, как с Витольдом.

— Спасибо, — усмехнулся Власов.

— А вы знаете, в чем закавыка? — спросил профессор и тут же стал отвечать на свой же вопрос. — В том, что чаще всего после такого обряда людей находили мертвыми. А Хозарсиф проснулся совершенно преобразенным. Прошлое было отрезано, его взор был направлен на кочевые племена. Он решил создать из них сильный народ.

— Так какое же его другое имя?

Алексей Иванович широко улыбнулся.

— А вы не догадываетесь?

На вопрос профессора Максим лишь покачал головой.

— Проснувшись и начиная жизнь с нового листа, Хозарсиф принял имя, означающее «Спасенный».

Старик сделал паузу, рассчитывая, что Максим догадается, о ком идет речь. Но Власов молчал.

— Хозарсиф поставил перед собой дерзкую задачу, которая была почти невыполнима. Он решил повести за собой целый народ, внушив ему единобожие. Дальнейшую судьбу Хозарсифа вы однозначно знаете, поскольку он принял имя Моисей.

— Моисей! — удивленно воскликнул Максим.

— Моисей, который вывел евреев из египетского рабства.

Обстоятельный рассказ профессора о Хозарсифе мало интересовал Максима, из вежливости он поддерживал разговор, боясь обидеть старика. Но как только Алексей Иванович назвал имя, все изменилось.

Он и представить себе не мог, насколько этот рассказ окажется интригующе интересным. Как же он не догадался, что история с Хозарсифом, убийство надсмотрщика, глумившегося над рабом, бегство на Синайский полуостров были историей Моисея. «Какой же я болван, — укорял себя Максим, — ведь на Синайском полуострове находились земли Мадиамские, куда бежал Моисей. Видимо, так и было. А почему бы и нет. Взять хотя бы легенду о рождении Моисея. Как можно было оставить корзину с новорожденным ребенком в зарослях тростника? Каким чудом кишацие в Ниле крокодилы не съели младенца? И почему дочь фараона именно тогда вышла на берег реки, увидела младенца, взяла и воспитала его? Профессор, похоже, прав».

Максим отвлекся от своих мыслей, заметив мягкий взгляд Алексея Ивановича.

— Дальнейшая его судьба, по всей видимости, мало чем отличается от библейской?

— Вероятно, да.

— А вы знаете, Алексей Иванович, после вашего рассказа многое видится по-иному.

— Более реалистично, не так ли?

— Да, — протянул Максим, подбирая нужные слова, — честолюбивый молодой человек готовит себя в правители, следуя избранной цели. Его подставляют. И когда он понимает, что убийство было спровоцировано, что его убирают, освобождая путь законному наследнику, — решает мстить.

— И не просто мстить. Из кочевых племен создать народ, стать пророком этого народа, который впоследствии будут именовать Божьим.

Власов усмехнулся.

— Вспомнил старый анекдот. Когда у одного молодого человека убили брата, он в отместку перевернул всю страну.

— Вы имеете в виду Ленина?

— Ага. Вам не кажется, что две линии — Хозарсифа-Моисея и Ульянова-Ленина — зачастую идут параллельно?

Старик задумался. Он пристально всматривался в лицо Максима.

— Хм, возможно. Но созданное одним стоит тысячелетия, а у второго, с точки зрения истории, все очень быстро развалилось.

— То, что сделал Моисей, фантастика. Однако думаю, даже уверен: один он вряд ли мог это осуществить. Скорее всего, кто-то ему помогал, был за его спиной. Желание отомстить, конечно, мощная движущая сила, но тут не просто месть. Не сделавшись фараоном Египта, он создает народ, у которого не может быть иного вождя, кроме него самого. Если Авраам не идет к горе, надо гору передвинуть к Аврааму.

— Бесспорно! Тот же Иофор Мадиямский, первосвященник, принадлежал к древней эфиопской расе. Кстати, именно эфиопы за четыре-пять тысяч лет до египтян господствовали на территории Египта. Иофор был великим мудрецом, посвященным, или, если хотите, масоном. Он был обладателем сокровищ знаний. Многое говорит о том, что Иофор не только выдал свою дочь замуж за Хозарсифа-Моисея, но и помог ему. И надо отдать должное Моисею, он отлично подготовился. Рама, Кришна, Заратустра создавали религии для своих народов, Моисей же создал народ для вечной религии. По большому счету, он совершил подвиг. В течение десятков лет вести народ по пустыне, изнуряя его голодом и жаждой, доводя до смертельного утомления, и не быть растерзанным этим народом! Одновременно, под страхом огненного меча он внушал этим племенам единобожие, так, чтобы Бог стал национальным символом и смыслом существования этого народа... —

улыбчивое лицо профессора сделалось серьезным, — это немыслимо, но он это сделал.

— Получается, что сорок лет, в течение которых Моисей водил народ по пустыне, — только легенда.

— Да, — лицо профессора вновь осветила улыбка, — не более того. Состояние предельного изнурения, в которое Моисей вогнал эти племена, было таково, что легко можно было потерять чувство времени. Число сорок довольно интересно. История Хозарсифа-Моисея связана с числом сорок. Почему именно сорок, не больше и не меньше? Ведь дети, рожденные в рабстве, повидавшие рабство, не могли умереть все разом, не дожив до пятидесяти-шестидесяти лет. Сорок лет ничтожно малый срок; чтобы забыть рабство, в котором этот народ находился веками, выкорчевать из себя его дух — для этого нужно не одно поколение.

— Как говорится, не менее семи.

— Вот-вот, поколения, — Алексей Иванович последнее слово произнес чуть громче, делая ударение. — Вы помните, сколько поколений прошло между Авраамом и Христом?

— Честно говоря, не очень. Много. Помню лишь то, что поколения в Евангелии считаются от Авраама до Давида и от Давида до Иисуса Христа.

— Правильно, — профессор одобрительно кивнул, словно принимал у Максима экзамен. — Сведения разнятся, в Евангелии от Матфея их сорок два.

— Если вычесть Авраама и Иисуса, то между ними остается сорок, — с улыбкой сказал Максим. Но через мгновение улыбка улетучилась, словно ее и не было. Он серьезно спросил:

— Вам не кажется, что это похоже на притягивание за уши?

Удовлетворенный сообразительностью своего собеседника, профессор уже не просто улыбался. Лицо его выражало удовлетворение.

Не дожидаясь ответа, Максим продолжал:

— Посвященный Хозарсиф, жрец Амона, масон, дает народу, который он вывел из Египта, зашифрованный текст Торы. Если библейские сорок лет равны сорока поколениям, получается, что рождение Христа должно было возвестить о следующем этапе развития народа, вышедшего из рабства. Но первосвященники во главе с Каифой не только не приняли Иисуса Христа, но и сделали все, чтобы Понтий Пилат предал невинного распятию на кресте.

— Что нам известно? В начале I века нашей эры в Галилее появился молодой мужчина, без достоверной биографии, которую мы не знаем и, по всей видимости, вряд ли узнаем. Зовут его Иисус Христос, он собирает единомышленников, или, как принято говорить, учеников, и проповедует свое учение. Для многих жителей Палестины проповеди Иисуса были весьма радикальными. Будучи сильной личностью и обладая способностью гипнотического воздействия на людей, он являл чудеса. Мне думается, что многие чудеса были приписаны ему уже после его распятия. Так вот, что проповедовал Христос?

— Ну, судя по апокрифическим Евангелиям, равенство всех людей и что богатым надо делиться с бедными.

— Хорошие желания, однако тривиальные и слишком оторванные от реальной жизни.

— Возможно, они и тривиальные, но Иисус объявил себя пророком и, претендуя на статус Богочеловека, имел права на это.

— А вы никогда не задавались вопросами — почему и для чего?

— Я думал об этом, но хотелось бы знать ваше мнение.

— Вы не задавались вопросом, почему в Библии так много примеров смирения и самоотречения? Вспомните Авраама, готового принести в жертву собственного сына, отправить на закление любимого и долгожданного ребенка. Иов, терпевший бедствия, в конечном счете

был вознагражден сторицей. Терпи, что бы ни случилось, и награда найдет достойного — такова библейская мораль.

В кармане профессора зазвонил мобильник. Вытащив телефон и присмотревшись к высветившемуся на дисплее номеру, он нажал кнопку вызова.

Пока Алексей Иванович говорил по телефону, Максим задумчиво попивал свой чай.

«Не давай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь, Бог твой, благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею»... Максим, вспомнив Тору, начал размышлять. «А как иначе? Люди вышли из многовекового рабства. Их необходимо изменить, изменить их подход к жизни. Ростовщичество оказалось кстати. Идея была такова: не поработайте своих соплеменников, а делайте все, чтобы закабалены были иноземцы. Хорошая программа, скорее наставление для всех будущих поколений.

А ведь проект возвышения через ростовщичество дал вполне ощутимые результаты. Вспомнить хотя бы несметные богатства средневековых еврейских банкирских домов, которые умудрялись сажать в долговую яму даже королей. А что, сейчас что-то изменилось?.. Нет. Семена ростовщичества, посеенные Моисеем, дали свои плоды. Сегодня финансовый капитал расцвел так, что подчинил себе не только все отрасли хозяйства, но и государственную власть. Ну а высокая политика давно переключалась из дворцов монархов в не менее крутые особняки финансистов.

«Иноземцу отдавай в рост» — яснее не скажешь. Накрывая сетью кредитных обязательств, из которой невозможно выпутаться, финансовые боссы закабаляют мир».

Власов никогда не был ни националистом, ни антисемитом. Скорее его можно было бы назвать космополитом. Для него все народы были по-своему привлекательны. Нет плохих и хороших народов, есть плохие и хорошие люди, часто повторял он. И сейчас, благодаря Алексею Ивановичу, он задумался о судьбе народа, созданного из различных племен одним человеком.

— Это Вера Шамильевна, — профессор вернул Максима к разговору, — интересовалась, взял ли я пригласительные билеты.

Профессор потянулся к чашке, которая была давно пуста. Бросив взгляд на сверкающее белизной дно, то ли спрашивая, то ли предлагая, Алексей Иванович сказал:

— Может, еще чаю?

Глава 8

Максим посмотрел на часы, было половина четвертого. Они общались с Алексеем Ивановичем около полутора часов. Беседа была столь интересной, что время текло незаметно. Когда-то Власову было так же интересно говорить с Витольдом. После общения с ним оставалась радость от узнавания нового и неведомого. Максима всегда привлекал неординарный взгляд на процессы, события, вещи, которые были скрыты, как подводная часть айсберга; таинственное — вот что притягивало его.

— В том, что сделал Моисей, проглядывает масонское начало, ведь только «посвященные» могли придумать и осуществить столь дерзновенный план. Но христианство... Его что, тоже масоны придумали? Или они лишь использовали его?

— Помните, когда Воланд рассказывает о Ершалаиме, вспоминает беседу прокуратора и Иешуа Га-Ноцри и говорит, что он там был и может подтвердить, что все так и происходило... То есть масон следил за ходом событий, будучи самым преданным и близким другом прокуратора. Исследуя роман, я поразился гению Булгакова, тому, как точно он изложил эту историю.

— Эту часть романа я помню, но какова роль масонов?

— Если коротко, то христианство было использовано масонами максимально эффективно. Вспомните, у Христа было двенадцать учеников. Среди них никогда не было Павла, он же Савл. Фигура очень интересная. Но прежде посмотрим на ситуацию перед пришествием Христа.

Моисей обещал созданному им народу, что он будет господствовать над другими. Но господствовала тогда Римская империя, покорившая Ближний Восток. Естественно, при таких обстоятельствах у

определенной части народа стали появляться сомнения по поводу обещаний Моисея, которые на протяжении веков никак не хотели исполняться. Один за другим появлялись пророки. Ожидания наконец-то увидеть Мессию стали уже чем-то опасным, угрозой существующему порядку вещей. Все ждали Спасителя.

— Спасенный, Спаситель... — задумчиво произнес Максим, — интересно получается: сначала Спасенный Моисей, а затем Спаситель Христос. Один корень в словах с разным значением, и как они соединяются и переплетаются...

— Заметили, — улыбнулся профессор, — но я хотел рассказать вам вторую историю, отвечая на ваш вопрос, каким образом масоны использовали христианство. Вы знаете, что христианская религия стала активно распространяться, когда еще были живы как современники, так и ученики Христа, а посему вряд ли мог быть использован вымышленный образ. Другое дело, что реальную историческую личность ради определенных целей изменили. Чтобы он стал Спасителем.

— Естественно, — кивнул Власов, всем корпусом подавшись вперед и внимательно слушая.

— Реальный образ, думаю, наилучшим образом описал Булгаков. Иешуа Га-Ноцри, Иисус Христос — идеал нравственного совершенства.

— Но при этом не Бог.

— Да, не Бог, а простой, очень добрый и хороший человек. Умный, начитанный философ, знающий языки, старающийся внушить людям, что все они добрые, что счастье — в любви к ближнему своему и дальнему, даже к врагам. Именно такой человек лучше всех подходил на роль Богочеловека.

— Вы начали говорить об апостоле Павле, — перебил профессора Максим.

— Да-да. Перебрав всех апостолов, учеников Иисуса, задаешься вопросом, как гонитель христианства Савл вдруг в одночасье, услышав голос Божий, становится Павлом, активным проповедником новой религии.

— С таким организационным талантом его, по всей видимости, сегодня назвали бы гениальным топ-менеджером. Он сориентировался, где может применить свои способности.

— Совершенно верно. С одной оговоркой — несмотря на скудные данные о Савле, достоверно известно, что в иерархии иудейских священников он был не последним человеком. В совершенстве владел несколькими языками. И самое главное, он был хранителем иерусалимской библиотеки, где находились «свитки премудрости».

— То есть вы хотите сказать, что есть основания предполагать, что Савл был посвященным, то есть масоном?

— Именно так, дорогой Максим. И это обстоятельство меняет сложившееся представление о нем. Римская империя правила миром. Прокураторы управляли Ближним Востоком. Риму покорялись все, в том числе посвященные и масоны. Иудейские первосвященники, они же посвященные, продолжатели и хранители знаний Моисея и Иофора, видели и понимали, что иудаизм пробуксовывает, что он не в состоянии привести своих адептов к власти над миром, что потенциал его исчерпан. Напрашивался вывод о том, что либо старую веру необходимо изменить, либо создать новую, которая стала бы инструментом развития потенциала старой — иудаизма. Для этого нужен был пророк, и Иисус Назарянин больше всех подходил на эту роль. Вспомните, как Булгаков описывал Иешуа: обычный человек, верующий и несущий добро и любовь к людям, философ. И это что... преступление? Неужели за это необходимо убивать? А ведь первосвященники сделали все, чтобы Иисуса распяли. Почему?

Профессор выжидающе посмотрел на Максима. Тот молчал, анализируя рассказ старика. Не дождавшись реакции, профессор продолжил: — Им нужен был пророк, который будет несправедливо распят, приняв на себя грехи людей, пожертвовавший собой ради будущего. Люди испокон веков трепетно относились к несправедливо осужденным и убиенным, делая их историческими героями, сочиняя различные легенды. Иисус Христос подходил на роль основателя новой религии. Религии, которая станет для иноземцев основой жизненных принципов и морали.

Не надо забывать, что на протяжении веков Ближним Востоком управлял Рим. В его владения попал и Египет перед началом новой эры. Имперское владычество Рима мешало реализации мысли Моисея о Божьем народе и его господстве над другими. Как вы правильно сказали, если Авраам не идет к горе, необходимо эту гору передвинуть. Первосвященники в лучших традициях своего учителя Моисея решили осуществить более дерзкий план, чем вывод племен из Египта и создание Божьего народа. Им была необходима религия, которая будет принята Римской империей и изменит духовный облик народа, живущего на ее территории.

Вспомните Новый Завет, вспомните, какие принципы лежат в его основе, и вы поймете, каким образом масонство хотело добиться поставленных целей.

Профессор сделал глоток чая и продолжил:

— Вы не будете возражать, что лейтмотив евангельских текстов — проповедь непротивления злу насилием. Смирению и всепрощению учит нас церковь. Страшный грех быть гордым; если тебя ударили по одной щеке, подставь другую, будь смиренным и терпеливым, сноси мучения и издевательства. Не кажется ли вам, что этот постулат

направлен на то, чтобы превратить верующих в покорное стадо, которым легко управлять?

— В данном контексте — да. Стадное состояние лишает человека индивидуальности. В сущности, рабство и стадность мало чем отличаются.

— Вот именно! Христианин должен страдать и мучиться, чтобы попасть в рай. Если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя. А если же рука твоя или нога соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя. Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует в сердце своем.

— Мазохизм чистой воды...

— И самый ужасный, ибо он не физический, а духовный. Почему христианин должен подавлять в себе положительные эмоции, почему он не вправе смеяться и радоваться, быть независимым и самостоятельным? Он обязан слушаться Бога через Его наместника на Земле, и критерием оценки христианина служит сила его веры. Вам не кажется, что все это мало вяжется с образом всемилостивого Бога?

— Повторю еще раз: стадное состояние.

Максиму хотелось обдумать услышанное. Если история Хозарсифа-Моисея была громом среди ясного неба, то план создания первосвященниками новой религии для возвышения над другими народами был подобен землетрясению, после которого все до неузнаваемости меняется.

— И для популяризации новой религии в ряды проповедников был внедрен Савл...

— Да, — кивнул Алексей Иванович. — И не только. Уверен, Савлу были открыты очень существенные денежные ресурсы. В противном случае, как вы объясните, каким образом еще при жизни апостолов христианство приняли массы людей? Каким образом новая религия

стала прибежищем всех: господ и рабов, римлян и греков? Как такое могло произойти без, как сегодня бы сказали, административного ресурса и мощных финансовых рычагов, без использования влиятельных сил?

— В принципе, да, согласен с вами.

— Надо отдать должное Савлу и его патронам. Савл — уж он-то знал цену написанному слову! — руководит созданием «источников», известных как Евангелия. Все вместе они составляют сакральный свод новой религии. А поскольку Савл был посвященным, масоном, он многое взял из древнеегипетской мифологии. При написании Евангелий учитывались религиозные взгляды народов, входящих в Римскую империю, чтобы в Иисусе Христе они могли увидеть черты своих богов и не испытывали отторжения от новой веры. После чего Савл, уже как Павел, начал свою проповедническую деятельность.

— Не он один, проповедовали все ученики Христа.

— Бесспорно... Но фактическим разработчиком проекта и продюсером был Павел, рядом с которым всегда был Петр.

— Петр, который отрекся от своего учителя...

— Да-а, думаю, среди всех учеников, Петр был наиболее удобным для Павла. На самом ли деле Петр отрекся от Христа, одному Богу известно. Но в Евангелиях этот поступок описан. А посему, видимо, что-то такое все же было. А для такого ученого, как Павел, это было прекрасным поводом взять Петра на крючок. Заметьте, в Евангелиях Петр всегда среди учеников в первых рядах, он словно староста класса. Получается, Савл преднамеренно, как редактор Святого писания, одной рукой поднимал авторитет Петра, а другой держал над ним дамоклов меч. Савл, находясь в тени, делает Петра основным и самым активным проповедником новой религии.

— Но, Алексей Иванович, один из основополагающих критериев принятия христианской религии — ее открытость для всех наций и народностей. В многонациональной Римской империи спокойно уживались все верования и культы, терпимо относились ко всему пантеону богов.

— Это и есть блестящий нетривиальный ход, сделанный Павлом. До появления христианства все религии имели национальный характер. Такой подход не лишен смысла. Римская империя, как вы правильно сказали, не была мононациональной. Разные народности имели свои языческие религии. Ни одна из них не имела вероисповедных формулировок, а посему не воспринималась как богодухновенная. К тому же язычники служили не одному, а многим богам. И это не только приветствовалось, но и не создавало ситуации, когда один культ прав, а иные не правы. Заметьте, нет искусственно созданных преград и причин для межрелигиозных конфликтов.

— Действительно, до появления христианства религиозных войн не было. Войны, как правило, были спровоцированы территориальными конфликтами.

— Вот именно. Уважаемый Максим, как вы объясните тот факт, что христианство, зародившись в Иудее, стало сверхпопулярным за ее пределами, а точнее, на всей территории Римской империи? Почему империя не уничтожила новую религию?

— Постойте! А последователей Христа, апостолов — кто предал мученической смерти?

— Мученическая смерть, подобно распятию Христа, только усиливала ростки новой религии. Для распространителей христианства публичная казнь его адептов была действенной рекламой. Если за христианские идеи люди идут на мученическую смерть — значит идеи того стоят.

Для Максима всегда было загадкой, почему апостол Иоанн избежал мученической смерти, которую приняли все остальные ученики Христа. Хотя есть свидетельства о нечеловеческих испытаниях любимого ученика Иисуса.

— Жертвы, — вполголоса произнес Власов. — А как вы объясните то, что апостол Иоанн, единственный, дожил до глубокой старости, выполняя свою миссию?

— Ну, во-первых, Иоанн был любимым учеником Иисуса. Во-вторых, именно Иоанну Христос поручил заботиться о своей матери — Деве Марии. Согласно преданию, Иоанн, в отличие от других учеников, которые отправились в регионы Римской империи проповедовать христианство, оставался рядом с Девой Марией. И только после успения Матери Божией он отправился в Эфес. Думаю, благодаря этому он не попал в сети организованной Павлом системы внедрения новой религии, с отредактированным учением Христа. Можно заметить и обособленность апостола Иоанна в католической церкви.

Максим одобрительно кивнул.

— Вы заметили, католическая церковь называет его Откровение Апокалипсисом, словом, которое чаще употребляется сегодня в значении: конец света, гибель. В противовес Ватикану православные дословно перевели слово «апокалипсис» и назвали послание Иоанна Откровением. Я вам больше скажу. План масонов был, думается, с помощью новой религии уничтожить Римскую империю изнутри. Однако получилось не так, как задумывалось. Некоторые народы увидели в христианстве то, что проповедовал Иоанн. В итоге вместо смиренной толпы мир получил истинно верующих в любовь и самоотверженность людей. И все это благодаря истинной вере в Создателя.

Во многом, — продолжал старик, — именно этим объяснялась поддержка христианства самыми широкими массами людей. Созданный первосвященниками план работал безукоризненно. Новая религия должна была принести ее создателям власть над миром, которую не мог обеспечить изживший себя иудаизм. Ну а затем был создан координационный центр, аппарат управления под названием Церковь. Ее главный идеолог, апостол Петр, находящийся под влиянием апостола Павла, первым возглавил эту организацию, а за его спиной стоял серый кардинал, реальный руководитель — Савл-Павел.

— Ну да, если следовать вашей версии, апостолу Павлу, опытному и расчетливому человеку, нужна была страховка. Это классический пример бюрократической системы. Все говорит о том, что в популяризацию христианства были вложены огромные средства. И те, кто ее финансировал, хотели видеть результат своих вложений. Ну а поскольку патроны апостола Павла направили его на решение этих задач, получается четкая картина. Выдвигая Петра на первый план, Павел получил возможность в случае неудачи сделать крайним Петра и выйти незапятнанным из любой ситуации. Кстати, как вы считаете, почему в Евангелиях такие разночтения?

— Хм, интересно. Ответ на ваш вопрос, по всей видимости, кроется в особенностях личности апостола Павла. Человек очень любопытное создание. Когда он решает крупные задачи, у него возникает иллюзия собственных безграничных талантов и возможностей. Когда я изучал жизнь апостола Павла, то был поражен энергией этого человека. Для внедрения новой религии он буквально метался по всей территории Средиземноморья, вербуя и подкупая сторонников, создавая повсюду общины верующих. В соответствии с выработанным планом он вел активную агитацию, с учетом местной специфики. Это была своего рода революция духа, обещавшая свободу, равенство и братство. Словно

грибы после дождя появлялись христианские общины, расширялся ареал их влияния в Римской империи. В каждой из групп этих общин создавались свои канонические тексты, разнящиеся в отдельных деталях.

Как вы понимаете, такого рода проекты под силу исключительно харизматическим фигурам, наделенным, кроме очевидных талантов, огромным честолюбием и самоуверенностью, что рано или поздно может привести к потере бдительности. Такие люди хотят большего, не останавливаясь на достигнутом, что в конце концов и приводит их к гибели. Убежден, что этой участи не избежал и апостол Павел. Легкий и быстрый успех вскружил ему голову, и он решил покорить Рим. Но, как вы знаете, в Риме он был схвачен и предан мученической смерти.

— Переоценил свои возможности, — сказал, размышляя, Максим. — Но если следовать мысли о том, что за апостолом Павлом стояли посвященные масоны, то логично предположить, что они же его и убрали. Теневым властителям харизматические личности нужны до поры. Как только они сделают свое дело, завоюют авторитет, они перестают быть нужными. Думаю, что не честолюбие и желание покорить Рим стали причиной гибели Павла, просто хозяева решили его убрать.

— Естественно, — воскликнул профессор, — и это тоже. Ведь если присмотреться, апостол Павел, был уже не нужен, поскольку импульс новой религии, повинувшись законам цепной реакции, распространялся по всей Римской империи.

Однако надо отдать организаторам должное, все было сделано в лучших традициях грамотного пиара. Конечно, обещания. Последователям Христа обещалось Царствие Небесное, привилегии в загробной жизни и, самое главное, неограниченная свобода на время земной жизни.

Вспомните лозунги и посулы революционеров всех мастей и

заговорщиков, жаждущих привлечь на свою сторону максимум людей. Несмотря на пафос, они, как и в библейские времена, декларативно обещают свободу, равенство и братство. Нужна только харизматическая фигура.

Максим слушал, смутно вспоминая о некоей подобной истории.

— Свобода, равенство и братство, — Власов автоматически повторил последние слова профессора, — что может быть лучше этих принципов человеческого сосуществования?..

— Помните знаменитое выражение «Опиум для народа»?

— Конечно.

— Так вот, провозглашая эти прекрасные принципы, общество задолго до появления коммунистической идеологии получило ужасы инквизиции, масонские заговоры, гонения на реформаторов церкви, а при коммунистах лагеря и застенки, «охоты на ведьм».

— Алексей Иванович, вы меня простите, но проводить параллель только с коммунистами, думаю, не совсем верно. В развитых экономических странах, да и в самих США, то же самое было и есть. Я твердо убежден — грубый материальный расчет всегда опирается на прекрасную идеологию. Деньги, власть, борьба за сферы влияния — вот на чем зиждется базис, а идеология лишь прикрытие борьбы за материальные блага.

— Так вы, батенька, марксист.

— Я за разумное, в марксизме есть много истинного, так же как в Евангелиях.

— И тем не менее в обоих случаях идеологическая вывеска была использована исключительно, как вы сказали, для пополнения рядов адептов и для того, чтобы с их помощью решать материальные и властные задачи. Как тут не вспомнить премудрого Соломона: «Во многой мудрости — многие печали». Я вас расстроил?

— И да, и нет. Во-первых, я вам очень благодарен. Вы мне дали пищу для размышлений. Ваша точка зрения очень интересна и заслуживает внимания. В ней логически связываются разные процессы в истории человечества.

— А во-вторых, — на лице профессора появилась улыбка, — живется легче, когда понятия не имеешь о страшных вещах. Уверен, вы — так же как и Витольд — склонны к поиску истины, уходу от устоявшихся парадигм. Как и ваш брат, вы с головой бросаетесь в омут страшных и необъяснимых вещей.

Максим кивнул в знак согласия.

— Если прочитанная или услышанная тема мне интересна, я, как правило, самостоятельно продолжаю «копать» дальше. Вы правильно сказали: «бросаюсь головой в омут». Признаюсь вам, сейчас я невольно вспомнил легенду о ключе Соломона.

— Знания, — тихим голосом продолжал Максим, долгий разговор утомил его, — дают человеку возможность развития интеллекта. Я убежден, что истинные масоны Древнего Египта, получившие в наследие знание, хранили его, как добродетель. Я давно ищу ответ на вопрос, когда масоны стали алчными и властолюбивыми.

— Вы полагаете, что это дело рук Хозарсифа? — уловил его мысль профессор.

— Получается, что так. Его желание отомстить Рамзесу и Менефту было столь велико, что он ни перед чем не остановился. Он использовал знания, полученные или похищенные у своего тестя Иофора. А по сути, если Хозарсиф-Моисей вбил клин в масонство, то в дальнейшем первосвященники, как продолжатели его дела и хранители оставленных им знаний, довершили начатое. Фактически, от настоящего масонства ничего не осталось, только название в виде красивого знамени,

этикетки. В реальности это дьявольские тайные организации, сборище алчных и властолюбивых субъектов.

— Не скажите, среди них есть умнейшие люди, в противном случае они бы не смогли и по сей день править миром, — усмехнулся профессор, поправляя свой белоснежный чуб.

Четыре часа беседы с Алексеем Ивановичем пролетели как одно мгновение.

Они молча сидели, допивая остывший чай, пока Максим не поймал на себе взгляд официанта и, подняв руку, попросил у него счет.

Глава 9

Максим, прокручивая в голове разговор о Хозарсифе и апостоле Павле, об умелом и талантливом использовании ситуации для создания новых религий, молча шел рядом с профессором. Промозглая улица встретила их северным ветром, дующим прямо в лицо. Было холодно, улица продувалась, словно аэродинамическая труба, и сырость пробирала до костей.

У выхода из кафе они простились, крепко пожав друг другу руки.

Власов подошел к машине. Включил зажигание и стал ждать, пока та немного прогреется. «А где Лева? Неужели он еще не прошел осмотр?» — вспомнил Максим. Набрал номер племянника, тут же его отключил. — Не буду мешать, сам перезвонит, — решил Власов.

Максим жадно вдыхал холодный воздух. С каждым вдохом он ощущал прилив сил. Туман, окутавший голову, постепенно уходил.

«Да, интересная точка зрения у Алексея Ивановича. Хозарсиф и апостол Павел, организаторы и создатели религий, — Максим начал спокойно анализировать рассказ профессора. — Как ни странно, все это связывается в единую цепочку исторического развития.

Допустим, посвященные первосвященники, обладая знанием, полученным в наследство от времен Моисея, разыграли карту под названием Иисус Христос. Во время трудностей, перемен и хаоса, когда возникает ощущение конца, когда старые религии не в состоянии помочь, нужен Мессия. И в этом Алексей Иванович прав. Вопрос в том, созданный ли это образ для поклонения или все-таки Иисус помазанник Божий?»

Максим невольно улыбнулся. По улице в сторону Садового кольца проехал красный автобус с надписью «Булгаковский домъ», стилизованный под старый, начала прошлого века, трамвай «Аннушка».

Он вспомнил булгаковского Воланда, сообщившего Берлиозу, что Аннушка уже разлила масло. Именно под «Аннушку» попал Берлиоз и лишился головы.

«На чем я остановился? — Максим возобновил анализ. — Все-таки Мессия есть Божий посланник. Бог есть, и это не обсуждается. Пусть кто-то назовет Его Высшим Разумом. Суть от этого не изменится.

Итак, Христос есть Божий посланник, а посвященные, или так называемые масоны, решили использовать Его пришествие в своих корыстных целях. «Казнить нельзя помиловать» — в зависимости от того, где поставить запятую, меняется смысл предложения. Вот почему появился Савл. Для редакции истинного учения. Пара «запятых», и смысл изменился.

Если основной задачей распространителей учения Христа было разложение великой Римской империи, то надо сказать, что им это удалось. Понадобилось всего триста-четырееста лет, чтобы без объявления войны ликвидировать огромную империю, властвовавшую над всем миром.

Срубленное дерево не даст плодов. Самый эффективный путь — сломить волю врага, а затем превратить его в послушного раба.

Хм, но на карте появилась не менее сильная Византийская империя.

Сколько она просуществовала? — спросил сам себя Максим. — Около тысячи лет, до середины пятнадцатого века. А конец Византийской империи, если верить логике Алексея Ивановича, связан с исламом.

Все наше мироздание создано из единства и борьбы противоположностей. День и ночь. Зима и лето. Женщина и мужчина. А ведь две основные религии мира были созданы именно по законам противоположностей. Христианство, символ которого крест, означающий солнце, и полумесяц — символ ислама. День и ночь, белое и черное. Для чего? Чтобы эти две религии не имели ничего общего. Хотя

общее есть, Земля Обетованная, родина иудаизма, христианства и ислама.

Не потому ли, что как раз там, на Земле Обетованной, царствовал мудрый библейский герой — Соломон? Именно мудрость и знание дали ему и богатство, и власть, и славу. Не потому ли, что на этой Земле Обетованной Соломон построил свой Храм, в котором хранились заветы Бога и, самое главное, находилась та самая мифическая, а скорее всего, метафорическая дверь, которую можно было открыть легендарным ключом Соломона? Ключом, ведущим к тайнам мудрости, богатства, славы и власти.

Не зря же любимым героем новоявленных масонов стал премудрый Соломон. Для них он идеал правителя, а ключ — возможность реализации планов по захвату и удержанию власти над миром.

Если христианство, по замыслу масонов, должно было разрушить Рим, то ислам должен был уничтожить Византийскую империю, которая религией, как золотой нитью, соединяла своих подданных с Богом через Божественного посредника Иисуса Христа. А уничтожить Византию могли только объединенные силы Ближнего Востока. В эпоху расцвета Византии, в начале седьмого века для осуществления территориальных захватов и торговой экспансии в среде арабской феодальной знати рождается ислам, по всей видимости, с подачи тех, чьи предки продумывали христианскую идеологию как угрозу Риму, — ислам, впоследствии объединивший силы восточных народов и уничтоживший Византию.

Да, Алексей Иванович, задали вы мне задачу. Масоны хорошо умеют хранить тайны, поэтому остается лишь строить догадки — впрочем, мне кажется, хорошо обоснованные.

Как там у Маяковского:

Ведь, если звезды зажигают -

значит — это кому-нибудь нужно?

Значит — кто-то хочет, чтобы они были?

Но что удивительно, прошло две тысячи лет, а эти так называемые темные силы все еще вынашивают планы по уничтожению христиан и христианства. Без войны, путем внедрения в сознание людей антихристианских норм и морали.

А разве только христианства? Что они делают с мусульманским миром, превратив убийство в «пьянящий спорт»? Кровавые реки текут в междоусобных войнах. Некогда спокойные страны: Ирак, Ливия, Сирия — превратились в арены войн и мракобесия. Кто на очереди? Египет? Иран?

Факты, факты. Узкому кругу людей известны факты мирового значения. Нужно как можно больше фактов и свидетельств. Только факты могут помочь человечеству покончить с этим темным кланом. Увы, можно только догадываться, кто возглавляет и из кого состоит этот секретный клан, ввергающий человечество в океан крови.

Как сказано в Откровении Иоанна? — Максим напряг память. — Из моря выходит зверь с семью главами и десятью рогами. Теперь понятно, кто этот зверь. Тайные общества, прикрывающиеся знаменами масонства, собирают бесовские духи, выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога, на месте под названием Армагеддон.

Армагеддон, — вслух повторил Максим, — а ведь час великой брани настал. Свидетельство тому события, происходящие сейчас в Сирии. Ведь согласно некоторым исламским источникам, местом Армагеддона является Дамаск. Многие считают, что Армагеддон — это холм Мегиддо, где в XV веке до нашей эры произошла первая известная человечеству и документально зафиксированная битва между египетским фараоном Тутмосом III и ханаанскими царями.

Но что дает надежду?.. То, что война между Богом и дьяволом принесет гибель темным силам, этому адскому конклаву, жаждущему власти».

Максим включил передачу и выехал на дорогу.

«Хм, — он улыбнулся, — поклоняются сатане, а забыли, что сатана хоть и падший, но все-таки ангел. И первородное имя его Сатанаэль. Божий ангел, призванный и направляемый самим Богом, словно с помощью лакмусовой бумаги проверять тех, кто потерял веру и страх перед Создателем. Это всего лишь кажущаяся черная сила, желающая всему зла, на самом деле это Божий ангел, без числа творящий добро.

А не об этом ли писал апостол Иоанн? Он позже других апостолов начал свою проповедническую деятельность и лучше всех понял, что тайные силы хотят использовать пришествие Христа для своих целей. Не потому ли только ему Господь показал будущее — то, что потом он назовет Откровением? И что интересно, вдохновившись его свидетельством, Данте Алигьери напишет «Божественную комедию», Нострадамус — свои знаменитые Центурии. А Гете в поисках расшифровки Центурий изучает Откровение и пишет «Фауста», еще более загадочное по сравнению с Центуриями предсказание будущего. Ну и, конечно, Михаил Афанасьевич Булгаков — в «Мастере и Маргарите» он стал настоящим пророком. Сколько раз, после того как Витольд расшифровал этот роман, я перечитывал его, находя новые подтверждения его пророчествам. И каждый раз чувствовал облегчение, думая о том, что дьявол покидает Россию, взяв с собой мастера, посвященного масона.

Какой же силой духа, безграничной любовью и верой в Создателя надо было обладать, чтобы, соприкоснувшись с Откровением, получить дар познания, всего лишь маленький лучик по сравнению с тем лучом, которого был удостоен апостол Иоанн две тысячи лет назад.

Начиная со Средних веков многие богословы рассматривали Откровение как пророчество об истории Церкви от первого пришествия Христа до второго... Вполне соотносится с точкой зрения Алексея Ивановича. Сделав небольшой крюк, Максим подъехал к подземной парковке своего дома.

Глава 10

Получив от Ольги пригласительные билеты, Максим решил, что один обязательно отдаст Анне с Багратам, поскольку с семьей Баграта с первого дня знакомства у Витольда сложились добрососедские отношения. Сам Витольд восхищался гостеприимством этой армянской семьи, где всегда царили душевное тепло и взаимная любовь, бывал на семейных праздниках соседа, часто вместе с Аленой. В свою очередь, Витольд приглашал их в театр на все премьеры и на редкие домашние праздники. Максиму казалось, что их соседские отношения переросли чуть ли не в родственные.

Максим поднялся на этаж, где располагалась квартира семьи Франгулян. Дверь открыла Анна.

— О... Максим, здравствуйте.

— Здравствуйте, Анна.

— Проходите, — радушно пригласила хозяйка.

— Нет, спасибо, я на минутку. Вот, это пригласительный билет, — Максим протянул конверт, — на вечер памяти Витольда.

— Спасибо! А когда? У Витольда Альбертовича, насколько я помню, 28 января день рождения?

— Правильно, двадцать восьмого, завтра. И завтра же будет вечер в театре. У вас прекрасная память.

— Вы знаете, это от мамы, она помнила все дни рождения наших родственников и близких друзей. Всегда мне с утра напоминала, звонила, поздравляла.

— Да, Римма Васильевна была удивительным человеком. До сих пор не верится, что ее нет.

Меньше года назад два обширных инфаркта, последовавших один за другим, унесли жизнь Риммы Васильевны. Весть о ее кончине была для

Власова истинной трагедией. Эта невысокая красивая женщина излучала тепло и любовь. Максим тяжело перенес ее потерю, словно второй раз хоронил родную мать.

Сразу после смерти Рудиса Максим частенько заезжал в квартиру брата, затем и вовсе переехал в нее. Единственным неудобством проживания здесь были частые встречи с соседом, Багратом. Во время таких встреч Максим старался не показывать свою осведомленность о том, что Баграт после смерти Рудиса ночью искал некую папку в его квартире. Максим нет-нет да и возвращался мысленно к потерянной папке. Глебов утверждал, что папку смыло вместе с телом Алены, когда ее автомобиль, врезавшись в ограждение, упал в реку. Оставалось поверить в версию Андрея: Москва-река погребла тайну папки и смерти Алены.

С остальными членами большой семьи Баграта у Максима были самые теплые отношения. С первого дня его пребывания в квартире брата Римма Васильевна частенько заходила в гости. Каждый раз она приносила что-нибудь вкусное, как правило пирожки, приготовленные ее умелыми руками. Холостяцкой жизни Максима она хотела придать прелесть дома. Власову казалось, что она чувствовала, а может быть, и знала о напряжении между ним и зятем. Заходя в гости, она частенько приговаривала:

— Все образуется, время все поставит на свои места.

Однажды он встретил Римму Васильевну у лифта. Когда лифт остановился на этаже Максима, Римма Васильевна сказала:

— Максим, ты еще не сказал своего слова.

Власов не понял, что он должен был сказать и промолчал. Видя непонимание Максима, она продолжила:

— У тебя трудный период в жизни, тебя тяготит одиночество, но это все временно, у тебя все будет хорошо, поверь мне. Если ты один, это не

значит, что ты никому не нужен. Просто тебе не все равно, кто находится рядом. Ты еще скажешь свое слово.

— Спасибо! Римма Васильевна, ты очень добрый человек.

Максим периодически вспоминал и анализировал этот день. Как оказалось, они виделись в последний раз. Римма Васильевна, словно предчувствуя близость своего ухода, вскоре после встречи с Максимом в лифте зашла к нему.

— А ведь ты не веришь в мои слова, — сказала она с порога.

В руках Риммы Васильевны была тарелка с эклерами.

— Проходите, пожалуйста! А что это у вас? Эклеры? Такие большие? Как они у вас так получаются? — недоумевал Максим.

— Добавляю маленькую частицу моей любви к тем, кто будет есть мои угощения.

— Ну, тогда давайте пить чай, — предложил Максим, приглашая гостью пройти в кухню.

— Максим, я ведь никогда не гадала тебе. Давай мы выпьем кофе, я сама сварю и тебе погадаю.

Власов пожал плечами. Не желая обижать эту милую женщину, он спросил:

— Каким образом, скажите?

Они сидели за столом, аромат свежесваренного кофе завораживающим облаком окутал кухню. Римма Васильевна, кроме эклеров, принесла с собой кофе. Максим тоже варил кофе, но кофе Риммы Васильевны имел особый вкус. В процессе приготовления она поделилась своим секретом. Оказалось, что она сама обжаривает кофейные зерна и смальчивает их в ручной кофемолке. А когда варит, то не сразу кладет в турку кофе, а сначала нагревает воду, растворяя в ней ложку сахара на две чашки. И только после этого кладет кофе.

Римма Васильевна внимательно рассматривала дно маленькой кофейной чашки. Максим не понимал, как в абстрактных следах кофейной гущи можно разглядеть что-то связанное с прошлым и будущим. Через некоторое время она подняла глаза на Максима и сказала:

— Ну, как я говорила, так и будет. У тебя, Максим, все лучшее впереди, ты еще скажешь свое слово. Золото, упавшее в грязь или специально испачканное, все равно останется золотом, драгоценным металлом. А пыль, поднявшаяся до небес, тем не менее останется просто пылью. При сравнении с золотом Максим невольно засмеялся.

— Я не буду говорить о прошлом. Мало кто поймет, сколько печали и боли, соленого пота сокрыто за кажущейся легкостью вашей жизни. Максим, я вижу ребенка...

— Что это значит?

— То, что вас будут называть папой.

— Римма Васильевна мне же не двадцать, не тридцать и даже не сорок, возраст приближается к пенсионному...

— И это будет мальчик, — заявила женщина.

— Неужели по кофейной гуще можно определить даже пол ребенка? — с сарказмом спросил Максим.

— Да, вот посмотри.

Она протянула чашку Максиму, указывая на маленькую фигурку, образованную на доньшке. Максим не поверил своим глазам. Действительно, в гуще отчетливо виднелись туловище и голова ребенка.

— Хм, действительно, больше похож на мальчика, с короткой стрижкой.

— А вот точка, видишь?

— Тут их много, какая именно?

Римма Васильевна взяла зубочистку и как указкой показала нужную точку.

— Вот, видишь, над ребенком. Это неделя, месяц или год.

Римма Васильевна поставила чашку на стол. Максим поднял глаза. На него смотрели излучающие тепло и доброту зеленые красивые глаза Риммы Васильевны. Они как рентген изучали внутренний мир Максима. По его телу прокатилась волна мурашек. Максиму стало неловко. Римма Васильевна продолжала смотреть на него. Время от времени она прищуривалась, словно хотела что-то прочесть.

— Да, — протянула она, — меня, возможно, уже не будет, но тебя будут называть папой. У тебя будет новая жизнь, появится женщина, с которой ты забудешь прошлое, с ней — твоё будущее! Тебя оценят по достоинству.

Она приблизила чашку к глазам, продолжая присматриваться к узорам из кофейной гущи.

— Будь осторожен. Несколько человек жаждут навредить тебе, — она вновь передвинула чашку в сторону Максима и показала зубочисткой на фигуру: — Смотри. Но у них короткие руки. Ты победишь своих недоброжелателей.

Это была их последняя встреча. Через несколько дней Римма Васильевна скоропостижно скончалась. Она оставила Максиму надежду, хотя ее словам он верил с трудом.

— Максим, а Гарри Самуилович будет, вы не в курсе?

Вопрос Анны вернул Максима к реальности.

— Нет, не знаю.

Анна заметно нервничала.

— Есть какие-то проблемы?

— Не знаю, что и сказать... Он страшный человек. Это монстр с улыбочивым лицом. У меня ощущение, что Баграт его почему-то боится.

Мы же от него узнали о смерти Витольда Альбертовича. Было уже поздно, мы собирались ложиться, когда позвонил Самуилович. Не знаю, о чем они говорили, Баграт вышел из спальни, но говорил он с ним на повышенных тонах. Баграт после этого всю ночь глаз не сомкнул. Конечно, он переживал смерть Витольда Альбертовича, но думаю, его встревожил разговор с этим человеком. Он создал ряд финансовых проблем, из которых Баграт не знает, как выпутаться.

— Я впервые видел его в вашем доме и хочу заметить, что и мне он не понравился.

— Максим, у Баграта никого нет, все свои проблемы он держит в себе. В последнее время у него скачет давление, здоровье уходит. Вы единственный, кто может с ним поговорить и сказать слова, которые им будут услышаны.

Послышались звуки остановившегося лифта. Максим повернулся и увидел нагруженного пакетами Баграта.

В квартире Витольда на второй день после его смерти побывал неизвестный, в поисках, как потом вычислили Максим и следователь Глебов, некоей папки. Этим неизвестным был Баграт. Максим не подал виду, что знает о ночном визите Баграта в закрытую квартиру Рудиса. Тем не менее это сильно охладило его отношение к соседу. Иногда Власову казалось, что Баграт догадывается о его информированности и старается лишней раз не попадаться ему на глаза. После смерти Риммы Васильевны отношения несколько изменились. Общее горе, как известно, часто сближает людей.

— О, привет, а что это вы стоите у порога и не заходите домой? — спросил Баграт вместо приветствия.

— Добрый вечер, — поздоровался Максим.

— Максим принес приглаительные на юбилейный вечер Витольда Альбертовича, — сказала Анна.

Баграт подошел, поставил на пол пакеты и пожал Максиму руку.

— Заходите в дом.

— Да нет, спасибо, Баграт, сегодня у меня был очень тяжелый день.

Давай как-нибудь в следующий раз.

— Сегодня как раз этот следующий раз. Я такую форель купил, что грех отказываться.

Максим знал: если Баграт включает свое гостеприимство, то перечить ему бесполезно, никакие доводы не могут сломить его напор. Проще было согласиться.

— Действительно, Максим, мы так давно не общались как старые добрые друзья... Давайте вместе поужинаем.

Власов осознал, что в кафе за разговором с Алексеем Ивановичем так ничего и не поел. Достаточно было только вспомнить о еде, как у него засосало под ложечкой.

— Не смею вас обманывать, Анна, я действительно не ужинал, а если честно, даже не помню, обедал ли...

— Ну вот, пошли в дом.

— Давайте я пойду к себе, переоденусь и приду.

— Только недолго, — сказал ему вслед Баграт.

Глава 11

В гостиной Франгулянов за обеденным столом сидели Максим, Баграт и Анна. Больше в их огромной квартире никого не было.

Максим стал расхваливать хозяйку.

— Очень вкусно. Анна, вы кудесница,

— Это Баграт, он специалист по рыбе.

— Никогда бы не поверил. Форель идеально выдержана на огне.

Благодаря этому вкус получился самым изысканным. Баграт, как же ты так считаешь время приготовления?

— О, это самый большой секрет.

— Ну не вредничай, расскажи, как ты раньше готовил, и что подсказал тебе один знакомый, — вступилась Анна.

— Я раньше, когда готовил форель, смотрел: как только глаза рыбы вылезали из орбит, значит готово. А недавно у нас были гости. Я на кухне готовлю форель и смотрю на рыбы глаза. Жду. И вот глаза выскочили, я собираюсь снять рыбу с плиты, а мой приятель меня останавливает. Говорит, подожди, как только глаза вернутся обратно, тогда рыбу можно снимать. Я естественно сказал ему: что за сказки, чтобы выскочившие глаза обратно вернулись. А он мне: подожди, сам увидишь. Ты представляешь, буквально несколько минут и глаза вошли обратно.

— Это что-то из мира фантастики, — скептически улыбнулся Максим.

— Реально, мы уже несколько раз вот так готовили рыбу, глаза, правда, выскакивают, а затем входят обратно, — поддержала мужа Анна.

— В следующий раз, когда буду готовить, обязательно приглашу тебя на это зрелище.

— С одним условием, — Максим поднял указательный палец.

— С каким? — насторожился Баграт.

— Что я буду не только смотреть, — Власов специально сделал паузу, глядя то на Баграта, то на Анну, — но и пробовать.

Все дружно рассмеялись.

Анна встала из-за стола, чтобы накрыть стол к чаю.

— Я с удовольствием выпью кофе. У вас он получается просто фантастическим.

— Пожалуй, я тоже выпью кофе, без сахара.

— Может, пройдете в кабинет, пока я тут приберу?

Мужчины встали.

— Анна, давайте поможем вам, отнесем все это на кухню... — предложил Максим.

— Ни в коем случае, не мужское это дело.

Власов не первый раз обращал внимание на разграничение мужских и женских обязанностей в этой армянской семье. Он никогда не видел, чтобы Анна носила пакеты с продуктами. Это была обязанность Баграта. В этой семье хранили традиции, уважение к старшим и особенно к родителям было впитано всеми с молоком матери.

Мужчины вошли в просторный кабинет. Последний раз Максим был здесь полтора года назад. В этом кабинете у него состоялась неприятная беседа с писателем Гарри Самуиловичем. Максим обвел глазами кабинет. Здесь практически ничего не изменилось.

— А где этот интереснейший храм, помнится, базилика трехъярусная...

— Звартноц, храм Бдящих сил... Вот он, — Баграт показал на рамочку на стене.

— Красота. Начали восстанавливать?

— К сожалению, нет. Звартноц — памятник архитектуры, охраняемый ЮНЕСКО. Восстанавливать его невозможно. Но для того чтобы увидеть его красоту, можно попробовать его реконструировать, повторив все элементы и эзотерику храма Бдящих сил.

— А над чем сейчас работаешь?

— Разная мелочь. Что-то в последнее время тяжело стало работать.

— Конкуренция... — предположил Максим.

— Еще какая. Гарри Самуилович — помнишь его? — все обещает, завтраками кормит уже более двух лет.

— Ты с ним дружишь?

Простой вопрос Максима заставил Баграта задуматься. Он молча прошел к креслу и повернулся к Максиму.

— Как тебе сказать. В двух словах не объяснишь...

— Скажи, как есть.

Максим понимал, просто так Баграт говорить не будет. Прежде чем что-либо сказать, он будет выверять каждое слово. Одновременно Власов почувствовал обиду Баграта на Гарри Самуиловича. Отношения между ними были напряженными, и Максим сделал вывод, что это обстоятельство давало возможность вывести Баграта на откровенный разговор.

— Мне он совершенно не понравился. Вообще, хочу тебе сказать, я крайне отрицательно отношусь ко всяким тайным обществам и их членам. В тот день, когда мы у тебя познакомились, мне показалось, — Максим решил взять быка за рога, — что ты состоишь в одном с ним тайном обществе. Но чуть позже я понял, что ты и по складу, и по характеру не соответствуешь их устремлениям.

Баграт прищурился.

— А ты хорошо осведомлен, -сказал он. — Ты прав, в отличие от него, я не масон. Хотя предложения были.

— Ну, насчет его масонства я сомневаюсь. Он наверняка член некой тайной организации, относящей себя к масонству.

— Какая разница? Они все масоны.

— Не совсем...

— Максим, я не понимаю. Ты говоришь, что отрицательно относишься к тайным обществам, при этом Гарри тебе не нравится и ты говоришь, что он не масон. — Баграт недоумевал. — Может, ты сам масон?

— Баграт, — парировал Максим, — повторяю, что крайне отрицательно отношусь ко всякому роду тайным обществам. Нормальному обществу нет необходимости быть тайным. Тайные общества создавались, как правило, для достижения религиозных или политических целей, которые, в свою очередь, почти всегда были вне закона — в противном случае, зачем скрывать деятельность общества?

— Согласен. Но что ты скажешь о Пушкине, Суворове, Кутузове, Гумилеве и многих других выдающихся личностях, которые были масонами? Я не представляю, что эти люди могли плести заговоры против России.

— Да-а, — протянул Максим, — чувствуется, над тобой работали...

— Почему работали? Мне Витольд Альбертович многое рассказывал. Он же был энциклопедически образованным и умным человеком, очень много знал.

— Витольд мог кого угодно убедить в своей правоте. Но, к большому сожалению, есть и другая сторона, которую мы видим, но не замечаем. Для привлечения в свои тайные организации нужных людей, их амбициозные и властолюбивые предводители не скупятся на пафосные лозунги и посулы. Свобода, равенство, братство, создание на земле царства любви и истины. Им всегда были нужны харизматические фигуры. Известные писатели, военачальники, политики, деятели культуры, науки и прочие. Имена, которые для многих уже при жизни становятся предметом поклонения, идеалом. Кстати, думаю, что и Витольд попал в их сети благодаря своей известности. Талантливый, гениальный режиссер, диссидент, покинувший СССР. Очень нужный им человек.

— Слушай, но ведь масоны говорят, что их основная цель — творить добро.

— Творить добро? Но почему тайно? Доброе дело — пафосный посул, поддерживающий гордыню. Кстати, один из смертных грехов. Но скажи мне, Баграт, как сочетается доброе дело и беспрекословное приятие, без колебаний и раздумий, любой жертвы ради реализации целей масонского Ордена? Ведь для масона, принадлежащего Ордену, на первом месте стоит Орден, хранение его тайны и верность ему, а только после этого существуют такие понятия, как патриотизм, семья, друзья. Какое же это добро? Не будет добра в семье — не будет и во всем остальном. А семья у них на последнем плане. Сначала интересы Ордена. Это нормально для тебя? Человека, для которого семейные ценности превыше всего.

Ты христианин! Я помню, с каким воодушевлением ты рассказывал о храме Звартноц.

— Да, и горжусь тем, что армяне приняли христианство как государственную религию первыми, в 301 году.

— А ты знаешь, что на восемнадцатой ступени Орден внушает своим adeptам, что «Христос — не более чем простой еврей, распятый за свои преступления»? Князь-храмовник, это где-то двадцать седьмая ступень, обязан отрицать Христа и осквернять крест. А на тридцатую ступень допускаются лишь избранные, одобряющие крушение Церкви и государства.

Максим увлекся, его голос стал звонким. Баграт в задумчивости смотрел на своего гостя. Последние слова просто ошарашили его.

— Это точно? — пробормотал он.

— Точнее быть не может. Тебя, как, впрочем, и многих других, вводит в заблуждение традиционное представление об истории тайных обществ, масонских лож, каждая из которых имеет свою легенду. Начало истории

масонства лежит в Древнем Египте. Первыми посвященными были жрецы, владевшие знанием.

Власову вспомнился разговор с профессором Алексеем Ивановичем. Рассказ о Хозарсифе, создании им целого народа, появлении и распространении христианства навел Максима на мысль о повсеместном присутствии масонских тайных обществ.

— У меня свое мнение, возможно спорное. К масонам я отношу круг посвященных, хранителей тайных знаний, берущих свое начало тысячелетия назад. Тамплиеры, вольные каменщики, иллюминаты и множество других тайных обществ, — тон Максима стал более спокойным, — создавались на определенный период и для определенных целей. Как только этот период заканчивался, а цель была достигнута, или все заканчивалось провалом, тайное общество исчезало, а его лидеры порой уничтожались, для того чтобы сохранить в тайне тех, кто стоял за всем этим. А избранные и посвященные собирались в следующей, более высокой ложе. Но ни одно тайное общество не было, да и не могло быть полностью тайным, оставляя следы своего существования. Кстати, вы, армяне, гордитесь, что первыми приняли христианство...

— Да.

— Но ведь есть еще одна страница вашей истории, которая сплачивает народ и которую уже несколько поколений не могут забыть.

Баграт вопросительно посмотрел на Максима.

— Эта черная страница — геноцид.

— Ты прав, эти страшные апрельские дни 1915 года для армянского народа никогда не будут забыты. Такие раны не исцеляются.

— И кто же стоял за этим истреблением целого народа? Сколько людей тогда было уничтожено?

— Около двух миллионов. Младотурецкое правительство Турции решило тем самым армянский вопрос.

— Дорогой Баграт, такие вопросы одним правительством не решаются. За принятием решения об уничтожении мирных жителей стояла тайная организация, считающая себя мировым правительством.

— Масоны? — Баграт вспыхнул от гнева.

— Да, а точнее иллюминаты во главе с кланом Ротшильдов. Как говорили римляне: «Is fecit cui prodest» — сделал тот, кому выгодно.

— Ради чего?

— Алчность и властолюбие... Плюс патологическая ненависть к христианству. А вы, армяне, как и православные русские, безгранично верите в Иисуса Христа.

— Которого они отвергают, — закончил фразу Баграт. — Тем не менее они правят миром.

— Скорее хотят, но, слава Богу, не всегда получается.

Наступила тишина. Каждый ушел в свои мысли. Максим смотрел на Баграта, видел, как он обдумывает сказанное, как внутри у него все бурлит и горит. Сам он хотел задать вопрос, что заставило Баграта ночью, словно вора, зайти в квартиру Рудиса. После некоторых раздумий Максим прервал затянувшуюся паузу.

— Помнишь, я спросил тебя о твоих отношениях с Гарри, и ты затруднился ответить?

Баграт кивнул.

— Так что же вас связывает? Вы такие разные...

— Разные, — вздохнул Баграт. — Одна ошибка, сделанная года два-три назад. И теперь мне приходится отдавать долг.

— С этим связано твое тайное проникновение в квартиру Витольда? — Максим пошел ва-банк.

Баграт пристально, с еле заметной улыбкой посмотрел на него.

— Я давно ждал от тебя этого вопроса. Мое, как ты сказал, тайное проникновение — лишь следствие той ошибки. По просьбе Витольда Альбертовича Гарри несколько лет тому назад помог мне в получении крупного подряда. Это было после кризиса 2008 года. Этот заказ давал мне возможность избежать банкротства. Естественно, у меня сложились перед Гарри определенные финансовые обязательства. Хитро составленный им договор поставил меня в кабальные условия. Но это мои дела, и я с ними разберусь. Но тогда, когда мы все были ошеломлены вестью о кончине Витольда Альбертовича, Гарри предложил мне тайно зайти в квартиру и забрать из кабинета кожаную папку.

Максим заметил, что Баграт постоянно называл Рудиса по имени и отчеству. Человека вот уже более полутора лет нет, а Баграт отзывается о нем все так же уважительно.

— Я поначалу возражал, — от волнения голос Баграта начал дрожать, — но он сказал, что спишет существенную часть моего долга.

— А почему ты сказал, что давно ждал этого вопроса?

— Неужели ты и твой знакомый следователь не поняли?

— Что именно?

— Я же специально разорвал бумажную полоску на двери, чтобы информировать вас о вторжении в квартиру. Наша консьержка мне рассказала, что следователь просил ее через каждые полчаса подниматься и проверять целостность полосок. После того как Нина Петровна спустилась к себе после очередной проверки, я зашел в квартиру. Я мог аккуратно оторвать эту бумажку, мог спокойно искать папку в кабинете, не выбрасывая на пол и диван все, по размеру напоминающее папку.

Максим вспомнил ту ночь, когда они с Глебовым примчались в квартиру и увидели разбросанные папки и бумаги. Оставшись на некоторое время

один, Максим легко определил, что искали папку. По возвращении Глебова он поделился с ним этой мыслью. Сейчас рассказ Баграта подтверждал правильность его предположения.

— Папку я не нашел, ее в кабинете не было. Кстати, я пару раз на столе у Витольда Альбертовича видел эту папку, когда заходил к нему по соседски. Такая красивая старая папка из кожи с тиснением.

Максим, я специально все разбросал, очень хотел, чтоб вы поняли — ночной гость искал папку. Вы догадались? — в надежде на утвердительный ответ спросил Баграт.

— Да. Не сразу, но догадались. Баграт, а почему так странно, намеками? Почему было не сказать мне все это прямо?

— Максим, мы никогда не были друзьями. Встречались лишь на застольях, в праздники. Сейчас мы соседи. В последний год мы, конечно, виделись, говорили друг другу «доброе утро» или «добрый вечер». Между нами был холод. Я очень стыжусь своего поступка. Я был уверен, что ты не сможешь меня простить. По большому счету поступок гадкий. Я понимал тебя и прощения, честно говоря, не ждал. Моя семья тебя очень уважает. Моя теща Римма Васильевна в тебе души не чаяла, ты ей очень нравился. У нас дома часто о тебе говорили, и всегда только хорошее. Вот ты спросил, с чем связано мое проникновение в квартиру, и у меня сразу как будто огромный груз с плеч свалился. И второе, ты же знаешь, Витольд Альбертович был масоном. Откуда мне знать, что ты тоже не масон. Если честно, я больше надеялся на следователя, давая ему подсказки.

Власов задумался. Второй раз Баграт упомянул о принадлежности Витольда к масонству. Оказывается, он знал об этом давно. Максим же узнал об этом только после смерти брата.

— Слушай, а как у тебя оказались ключи от квартиры Витольда?

— Мне их дал Гарри.

— В тот день у Татьяны Ильиничны, убиравшейся у Витольда, недалеко от нашего дома украли сумку, где были ключи от квартиры. Получается, что это дело рук писаки Гарри, — с намеренной небрежностью отозвался Максим.

— Да ты что!?! — Баграт задумался. — Хотя от него, конечно, можно ожидать чего угодно. Впрочем, я догадываюсь, кто мог это сделать. Это его водитель.

— Откуда такая уверенность?

— Когда Гарри помог мне с заказом на проектирование и строительство, он попросил оформить своего водителя у меня в фирме и платить ему зарплату. Каждый месяц тот приезжал ко мне, расписывался в ведомости и получал деньги. С виду вроде бы обычный парень, но внутри чувствовалась гнильца. Такому убить, как курицу зарезать. Он был полностью зомбирован Гарри. Тип готовый на все, что ему скамандует начальник.

— А почему был?

— Он уволился.

— Давно?

— Да уже больше года. — Баграт нахмурился, пытаюсь вспомнить точнее. — Это было после смерти Витольда Альбертовича. Он на машине задавил человека. Помню, ко мне следователь приезжал.

— Его посадили?

— Наверное. Он был настолько неприятен, что его судьба меня мало волновала.

Максима как будто ударили чем-то тяжелым по голове. Он вновь мысленно перенесся в те страшные дни, которые последовали за гибелью брата. На второй день после смерти Рудиса заведующую литературной частью театра Элеонору Николаевну сбила машина. За день до этого она обещала передать ему некую папку Рудиса. От

полученных травм она скончалась, не приходя в сознание. Не ее ли сбил этот водитель, подумалось Максиму.

— А как звали этого типа?

— Павел Ситников...

— Ага, — Максим напрягся, запоминая имя. — Ну а что было после того, как ты не нашел папку?

— С Гарри у меня была договоренность, что я принесу папку ему. Он ждал меня в машине около продуктового магазина. Когда я пришел с пустыми руками и сказал, что в квартире папки нет, он взорвался. Тут же кому-то позвонил. Я понял, что тот, с кем он говорил, был чрезвычайно недоволен. Что-то в грубой форме ему выговаривал. И что интересно, Гарри сказал, что сейчас же все исправит и посмотрит у нее, что наверняка папка там. Где, у кого, извини, я не знаю.

«Все сходится, — подумал Максим, — получается, этот писака обыскивал квартиру Маргариты, любовницы Рудиса, скончавшейся в одно время с Витольдом. Но почему он считал, что папка может быть в ее квартире?»

— Мальчики, стол накрыт, — открывая дверь кабинета, с порога сказала Анна, — идемте к столу. Кстати, я нашла варенье, которое еще готовила мама из белой черешни.

— Ай, цавт танем, — сказал Баграт, вставая и излучая улыбку, — Максим, это не варенье — это лекарство.

Глава 12

Уже более часа Максим крутился в постели: сна не было ни в одном глазу. Крепкий чай, заваренный Анной, бодрил. Со времен написания диссертации Власов пил крепкий чай только для поднятия тонуса. Таким образом на протяжении долгой ночи он мог не спать и плодотворно работать. И совершенно обратный эффект был от кофе. Он удивлялся, что некоторые знакомые не спят после выпитого на ночь кофе.

Максим встал, накинул халат и прошел на кухню. Сварил кофе, достал из ящика спрятанные сигареты.

Невыносимая боль терзала его. Он считал себя виновным в аварии и гибели Алены. Упрекал себя за то, что ушел в тот злополучный вечер, не дав сказать ей ни слова.

Картина прошлого резко менялась. Власов задавал себе вопрос: «Если Амелия и Маргарита были знакомы, к тому же Амелия знала, что Маргарита любит красное вино, знала, что она находится у Витольда в гостях — не слишком ли много она знала?»

Он закурил сигарету и сделал глоток кофе.

«Так, давай по порядку, — сам себе сказал Максим, — могла Амелия отравить человека? Наверное. Скорее да, чем нет. Обладающая не только красотой, сексапильностью, грациозной фигурой, но и немалым артистическим талантом, она часто повторяла: «Москва слезам не верит». Амелия приехала покорять Москву. Как легко я в нее влюбился! Нет, я был влюблен не в нее, а в ее внешность. Вот уж полное несоответствие формы и содержания! Сколько же мы с ней прожили? Месяца три-четыре, что ли. И что было в течение этого времени, какой осталась она в моей памяти? Если одним словом — меркантильной. Да,

именно меркантильная, готовая на многое, если не на все, ради поставленной цели. А цель у нее была одна — деньги».

Максим сделал пару глотков, глубоко затаился.

«Значит, отравить она могла. На кону было десять миллионов. А про кольцо она знала? Куш большой, кольцо стоило баснословных денег, как говорил Каратаев, целого состояния.

Что у нас получается? Олег приходит и говорит ей, что они должны сегодня же отдать Витольду взятые в долг деньги. Она сопротивляется...

А затем, переговорив с кем-то по телефону, соглашается. С кем?

Наиболее возможный вариант — с Маргаритой. В противном случае, откуда ей знать, что она была в гостях у брата. Олег говорил, что именно Амелия предложила купить красное вино. В доме Витольда не нашли тогда ни одной бутылки. Получается, что вино, которое принесли Олег с Амелией, было выпито.

Стоп! Чтобы отравить вино, необходимо открыть бутылку, бросить туда яд и аккуратно закрыть. Или набрать яд в шприц и через пробку выпустить в бутылку. На все это необходимо время, и немалое. Нет, Амелия не успела бы это сделать. Либо отравленное вино было приготовлено давно и ждало своего часа, либо она вместе с Олегом отравила вино. Может быть, сам Калинин был постановщиком этой трагедии с убийством. Почему бы нет? Подготовился, отравил вино, преподнес как презент, будучи заранее уверенным, что вино сразу же будет выпито. Одной рукой он отдает долг, другой с помощью Амелии убивает и забирает принесенные им деньги. Вполне возможный мотив. Но тогда зачем он говорил вещи, о которых, если он причастен к отравлению, не должен был бы говорить? Особенно про кольцо, увиденное им у Амелии. Но, по всей видимости, он действительно не разбирается в драгоценностях и принял за правду слова Амелии, что это бижутерия. А если Калинин охотился только за десятью миллионами, им

же принесенными? А о колье и знать не знал. А забрала колье с сережками, хранившиеся в инкрустированном футляре, единственная гостья, тем более что они лежали вместе с деньгами в одном ящике письменного стола.

Теперь вспоминаем. Женщина, которая приходила в квартиру сразу после смерти Витольда и Маргариты, была одета, как Маргарита: белые брюки с белой курткой, и самое главное — женщина эта была в парике, имитируя шевелюру Маргариты. Ею могла быть Амелия. Днем она встречалась с Маргаритой, видела, как она была одета. И в принципе только ей без особого труда и напряжения можно было так переодеться, что даже следователь Глебов, его помощница и я сам не сразу поняли, что это разные женщины».

Максим поднялся, подошел к раковине. Сделал маленькую затяжку и поднес сигарету к крану. Потушив сигарету под струей воды, открыл дверцу под раковиной и выкинул ее в мусорное ведро.

«Получается, это была Амелия? Выкинула бутылку с отравленным вином, сполоснула бокалы, дабы не оставлять следов отравления, затем забрала в кабинете деньги, увидела колье с сережками и прихватила их в качестве бонуса. Деньги принесла, отдала Олегу, а драгоценности спрятала. Вполне логично и в духе Амелии. Ах, как жаль, что про колье с сережками Олег так плохо запомнил. Тем не менее, если две-три точки совпадают, четвертая должна совпасть автоматически.

Максим Александрович, — обратился к себе Власов, — а как ты считаешь, Калинин был искренним сегодня с тобой? Кажется да, — ответил сам себе. — А если кажется — крестись! Не забывай, он талантливый актер, ему под силу сыграть любую роль, да так, что не только ты, а целый зал будет ему верить».

Он подошел к столу, взял недопитую чашку и пошел в гостиную. Удобно сев в кресло, Максим сделал глоток остывшего кофе.

«Преступление либо сближает людей, либо отдаляет. Допустим, что совершенное отравление заставило их разбежаться в разные стороны. А как же их ссора из-за того, что Калинин не согласился стать главным режиссером? Амелия тщеславна, быть примой — ее давняя мечта. Ну и самое важное... глупо, очень глупо так откровенничать со мной и переводить все стрелки на Амелию, если конечно они вместе совершили отравление. И все-таки думаю, что Олег был со мной искренен. Он нес в себе боль разочарованного, обманутого человека. Да, Олег был искренен, и я хорошо его понимаю, ибо также был обманут Амелией. Мы оказались в одной лодке.

А вот Амелия могла быть той псевдо-Маргаритой. Но отравление... Нет, одна она такого бы не сделала. Кишка тонка. Она трусишка, уж что-что, а это я точно знаю.

Получается, есть кто-то стоящий за спиной Амелии. Но кто? Амелия и Маргарита знали друг друга. Откуда? Кто их познакомил? А кто это может знать?

Получается, я ошибся в своих предположениях об Алене. Неужели я стал причиной ее смерти? В ту ночь все улики были против нее, и я не дал ей возможности высказаться, объясниться. Какой же я идиот, дурак...»

Сердце Максима мгновенно сжалось. Дыхание стало тяжелым, грудь наполнилась свинцом. Максим положил правую руку на сердце, откинул голову и закрыл глаза. Облако усталости от перегруженного событиями дня накрыло его.

Из темноты к нему двигались две маленькие фигуры. Они приближались, очертания лиц и одежды становились более ясными. Яркий пурпурный плащ на одном из них напомнил Максиму Понтия Пилата. Римский прокуратор, описанный Булгаковым, принявший решение о распятии невинного философа Иешуа Га-Ноцри, всегда

появлялся в воображении Максима, как только он вспоминал Алену. Но сегодня он чувствовал это как никогда.

Из-за спины Понтия Пилата появился рослый худощавый мужчина в длинной темно-серой шинели до пят. Огромные темные глаза вглядывались в какую-то точку. Большой широкий лоб был покрыт глубокими морщинами. Он кого-то напоминал, но кого? Сон и явь мешались в голове.

«Это же Хлудов», — прошептал Максим. Понтий Пилат из «Мастера и Маргариты» и генерал Хлудов из «Бега», два персонажа из произведений Михаила Булгакова. Два героя, которые казнили невинных, и получили за это в наказание муки совести.

Максим в ужасе открыл глаза. Лоб его покрылся испариной, душа болела нестерпимо. Он взял чашку, допил остатки кофе. Встал и побрел на кухню. Механически сполоснул чашку и поставил в сушилку. Бросил взгляд на часы над дверным проемом: половина пятого.

Скинув с себя халат, Максим лег в надежде наконец-то уснуть. Усталость взяла свое. Власов мгновенно провалился в глубокий сон.

Глава 13

Он спал не более пяти часов но, как ни странно, полностью выспался. Особых дел на сегодня Максим не планировал. В четырнадцать часов собирался встретиться слевой, Антоном и Эдуардом у Ваганьковского кладбища, чтобы положить цветы на могилу Витольда.

Однако безмятежное состояние длилось недолго, ночные мысли вернулись к Максиму — снова замаячили те же вопросы, на которые не было ответов.

— Театр, — тихо произнес Максим.

Нитью Ариадны для ответов на эти вопросы был театр. После смертей Каратаева, Алены и Элеоноры Николаевны у Максима в театре не осталось друзей. Единственный человек, с которым он был в приятельских отношениях, директор театра Штерн, не подходил на роль информатора. Сергей Сергеевич всегда старался держаться подальше от любых сплетен. А Максиму нужны были именно сплетни, хотя он и понимал, что не все сплетни правдивы. Но нет дыма без огня. С Калининым он уже общался, и вряд ли тот мог сказать что-то еще. Оставалась Ольга, администратор театра. Она у всех на виду, да и мимо ее глаз ничего не проходит. Не может быть, чтобы тщеславная Амелия чем-нибудь себя не выдала.

Максим взял в руки телефонную трубку.

— Доброе утро, Ольга Александровна!

— Доброе. А кто это?

— Власов...

— Ой, Максим Александрович, я вас не узнала. Вы так важно сказали «Ольга Александровна», я аж испугалась. Пожалуйста, можно без отчества, я так неуютно себя чувствую, Максим Александрович...

— Можно, — улыбнулся в трубку Власов.

- Я так понимаю, вам нужны еще пригласительные билеты?
- Нет, пригласительные пока не нужны. Просто вчера наш разговор остался незавершенным, а у меня возникли вопросы, и очень хочется верить, что вы мне поможете.
- Ой, Максим Александрович, о чем вы говорите, конечно. Помогу, чем смогу. Тем более что мне тоже есть что сказать вам.
- Отлично. Во сколько вам будет удобно встретиться?
- Мне потребуется еще около получаса, и я в вашем распоряжении.
- А давайте вместе позавтракаем?
- Ой, Максим Александрович, можно просто чашку кофе, — засмузилась администраторша.
- Тогда я минут через сорок буду у театра.
- Хорошо, я через сорок минут выйду. Но только у меня к вам просьба.
- Слушаю вас, — насторожился Максим.
- Давайте, я приду к вашему дому. Не хочу у театра. Тут слишком много глаз и ушей. А то начнут, что попало говорить и обсуждать.
- Договорились, — вновь усмехнулся Власов.
- Через сорок минут он сидел в машине возле своего дома. Его взгляд был устремлен в сторону переулка, откуда должна была появиться Ольга. Из-за угла появилась женщина в норковой шубе и меховой шапке. Быстрыми шагами она шла прямо к машине. Он не сразу узнал в ней Ольгу, поскольку всегда видел ее в театре без верхней одежды и головного убора. Посмотрев на часы, Максим отметил, что администратор очень пунктуальна. Он вышел из машины и распахнул пассажирскую дверь.
- Ой, здравствуйте еще раз, Максим Александрович!
- Здравствуйте, Ольга, — улыбнулся Максим, приглашая даму сесть в автомобиль.
- Так куда поедem завтракать?

— Ой, Максим Александрович, я только чашку кофе. Если можно, подальше от театра.

Власов усмехнулся над частым ойканьем Ольги. Он прекрасно знал, что Ольга боготворила Рудиса. Было между ними что-то или нет, об этом он и понятия не имел, но иногда ему казалось, что их все-таки что-то связывало. Как говорил о Витольде его старинный друг Каратаев: «Витя был еще тот перец».

— Вы как всегда элегантны, Максим Александрович, — начала разговор Ольга, как только официант принял заказ и удалился. — У нас в театре все говорят о том, как вы всегда респектабельно и изысканно одеты. Как вы умело сочетаете костюм, рубашку, галстук и платок. Ой, моему бы мужу хоть чуть-чуть...

— Вы мне льстите, Ольга, — улыбнулся Максим.

Однако мысли его занимало другое. Он уже несколько минут обдумывал, с чего начать разговор и каким образом разузнать об Амелии. Волею судьбы Ольга помогла Максиму.

— А как у вас вчера прошла встреча с Калининым?

— Вы знаете, прекрасно. Мне показалось, что он постарается сделать все от него зависящее, чтобы театр продолжал традиции, заложенные Витольдом.

— Это точно. Он постоянно говорит о преемственности.

— Единственное, что мне не понравилось, это его, как бы это сказать поточнее... ощущение неудовлетворенности в личной жизни.

— Ну, еще бы. Я же вам говорила, он с Амелией поругался и живет один.

— Да-да-да, вы мне говорили. Для любого творческого человека как воздух нужно вдохновение. А что может вдохновить сильнее любви?

— Или на крайний случай влюбленности, — с иронией добавила Ольга.

— Как это бывало у Витольда Альбертовича? — заметил Власов.

— Гениям можно все, — голос Ольги звучал твердо.

Полемику о любви и влюбленности прервала официантка, принеся заказ.

— Жалко Олега, ему, как никому другому, сейчас нужна женская поддержка.

— И не говорите. Наблюдая за ним, я вижу, как тяжело он переносит разлуку.

— Истинная любовь так просто не проходит. Видимо он ее очень любил.

— Он-то да, а она...

— А что она? — Максим воодушевился, наконец-то разговор перешел на нужную ему тему.

— Я, конечно, ее не виню, но, к сожалению, это специфика женщин, избравших актерскую стезю. И с этим надо считаться. Они знают: пока они молоды, шансов куда больше, нежели тогда, когда придет время перешагнуть сорокалетний рубеж. Шансы получить роль в театре и кино начинают таять, как снег под солнцем. Я уже не говорю об актрисах в зрелом возрасте — многие забыты, влачат нищенское существование. Поэтому любая начинающая актриса мечтает встретить режиссера, который откроет ее талант. Это единственный шанс обеспечить свою старость. Актрис много, а настоящих режиссеров раз-два и обчелся. Вот они и стараются, кто во что горазд, ради роли в театре, приглашения в кино или на телевидение. Все средства хороши. Классика жанра.

— Но, Ольга, это связано, в первую очередь, с талантом актрисы. Он либо есть, либо его нет. Талантливые актрисы, равно как и актеры, всегда были, есть и будут востребованы в любом возрасте. Это как в спортивной секции, скажем, по фигурному катанию. Спортсменов, научившихся достойно кататься, много, победителями и призерами становятся немногие, а олимпийскими чемпионами — единицы.

— Но для того чтобы талант раскрылся, нужно время. Актерская доля, особенно женская, очень жестока, хоть и усыпана цветами.

- И среди этих цветов бывают розы с острыми шипами, — с улыбкой подхватил Максим.
- Да. Эта участь не обошла и Амелию. Она ведь, в принципе, неплохая актриса, а насколько талантлива, может показать только время и роли, ею сыгранные.
- Я помню ее только в одной постановке Витольда, она мне понравилась, интересно играла.
- Хм, не забывайте, в руках Витольда Альбертовича и полено бы сыграло любую роль.
- Ольга, вы сказали, что вы ее не вините. Есть за что?
- Как вам сказать... — задумалась администратор. — В общем, у нас есть один драматург, мы его между собой называем Самураевич.
- «Самураевич», — мысленно повторил Максим. Хорошая память мгновенно вернула его в события полуторалетней давности, когда из уст Алены он впервые услышал это прозвище писателя Гарри Самуиловича.
- Вы имеете в виду Гарри Самуиловича?
- Да. Вы его знаете? Хотя, конечно, — он же дружил с Витольдом Альбертовичем. Ну так вот, еще Рудис был жив, когда поползли слухи, что Амелию часто видят с Самураевичем. Для меня это было странно, поскольку у Самураевича другие интересы.
- Имеется в виду другая женщина?
- Молодой человек... — Ольга подняла брови и выразительно посмотрела на Максима. — У нас как-то был разговор с ней, она мне сказала, что он якобы в роли главной героини его пьесы видит только ее.
- А когда она это сказала?
- Давно, я же говорю, еще Витольд Альбертович был жив.
- А что за пьеса, я что-то не припоминаю.

— Да дурацкая пьеса. Эля, помнится, разнесла в пух и прах этого Самураевича. А Рудис, думаю, чтобы не портить дружеские отношения, аккуратно отодвигал его опус на потом.

— А режиссеры, которые были после?

— Ой, это вообще трагикомедия. После смерти Витольда Альбертовича нам прислали одного, я вам вчера говорила. Как мы поняли, он к нам пришел благодаря связям этого Самураевича. То ли они давние приятели, то ли еще что, не знаю. Тогда Амелия, хоть и разозлилась на Олега, что тот не согласился стать главрежем, но ходила павой. Всем говорила, что наконец-то она получила главную роль, вопрос ближайшего времени, когда будет поставлена пьеса Самураевича. Начала вдруг хорошо одеваться.

— А что в этом странного? Кажется, она всегда со вкусом одевалась.

— Странно то, что она плакала, мол, все деньги, которые у них с Олегом были, они собрали и вернули долг за квартиру и теперь остались, простите за выражение, с голой задницей. И в это же время она покупает себе дорогие наряды. До неприличия дорогие, из самых дорогих бутиков. Чего-чего, а я-то знаю, что почем.

«Все сходится, — Максим вспомнил ночные размышления. —

Визитерша, замаскированная под Маргариту, была Амелией. И откуда-то взявшиеся у нее деньги тому подтверждение. Стоп! А если она завела себя богатого любовника?»

— Ну, может какой-то поклонник появился? — предположил Власов.

— Поклонник, — улыбнулась Ольга, — какой все-таки вы хороший. Ведь подумали «любовник», а сказали «поклонник».

Максим заставил себя улыбнуться в ответ.

— Да не было у нее любовника, по крайней мере тогда. Я бы знала. В театре ничего не утаишь.

— А этот драматург?

— Самураевич, что ли? У этого зимой снега не допросишься. Однажды у него были гости из зарубежья. Пришел он с ними за десять минут до начала спектакля. Ну, у меня на всякий случай всегда бронь имеется. Я ему говорю, что стоимость трех билетов получается около трех тысяч. У нас же билеты недорогие. Что он тут начал, лишь бы не платить. Взял телефон, позвонил Витольду Альбертовичу. Телефон не отвечал. Стал звонить Сергею Сергеевичу, тот тоже был недоступен.

— В конце-то концов, заплатил?

— Ага, дождешься, конечно, нет. Взял билеты, сказав, что после отдаст. Уже три года прошло, до сих пор отдает.

— Вы вчера говорили, что новый главный полтруппы уволил, и в том числе Амелию. Это как получилось?

— Это было где-то, — Ольга задумалась, — месяца через три, как пришел Борода.

— Кто?

— Главреж, это мы его между собой так называли. Ну да, приблизительно через три месяца. Самураевич тогда словно прописался у нас. Каждый день приходил и подолгу засиживался с Бородой. Помню, тот спустился к нам весь взъерошенный и говорит, вызовите охрану. А за ним, весь красный как бурак, Самураевич. Пока я вызывала охрану, Самураевич что-то ему объяснял, размахивая руками. Прибежал Леша, наш охранник, а Борода ему: «Видишь этого господина? Знаешь его?» Тот: «Да». И главреж таким металлическим голосом: «Посмотрите еще раз внимательно на это лицо, чтобы я эту физиономию в театре и около театра больше не видел. Вы меня поняли? Проводите его к выходу».

— Сурово.

Максим представил себе эту картину. Самовлюбленному нарциссу с барскими замашками как мальчишке дали пинка под зад.

— Зато справедливо. Мы так обрадовались, что он его убрал.

— А как получилось с труппой?

— Самураевич организовал письмо против главрежа. И вы знаете, кто был инициатором этого письма?

— Неужели Амелия?

— Да, представьте себе. А Борода взял и под разными предлогами всех, кто подписал это письмо, уволил.

— Полтруппы?

— Да нет, конечно, это образно. Человек семь-восемь. И первой в этом списке была Амелия.

— Интересно. А за что убрали главрежа? Кстати, сколько он у вас проработал?

— Менее полугода. Как говорится, был бы человек, а статья найдется. В театре все уверены, это было дело рук Самураича.

— Слушайте, а как же Сергей Сергеевич? Он же все-таки директор театра.

— После смерти Витольда Альбертовича он часто болел, лечился за рубежом. Мы, зная, что он перенес, старались максимально оградить его от всякого рода неприятностей.

Максим взглянул на часы. В четырнадцать у него намечалась встреча у Ваганьковского кладбища. Времени оставалось мало.

— А сколько сейчас? — поинтересовалась Ольга, заметив взгляд Максима.

— Без четверти два.

— Ой, как время пролетело. Мне же надо на работу, и вы, небось, задержались со мной.

Только сев в машину, Максим вспомнил, что утром, когда он позвонил Ольге, она его заинтриговала фразой о том, что ей хотелось бы кое-что ему сказать.

— Ольга, утром по телефону вы сказали, что хотели бы мне что-то сообщить.

— Я?

— Да!

— Хм, что же я хотела? А, вспомнила. Вчера вечером я говорила с мамой Алены. Сказала, что вы приходили в театр. Людмила Михайловна стала расспрашивать про вас. А вы с ней знакомы?

— Нет. Не пришлось.

— А она о вас многое знает.

Власов сделал изумленное лицо и повернулся в сторону Ольги.

— Я сама удивилась. Спрашиваю, откуда она вас знает, а она говорит, что Алена рассказывала о вас.

Сказать, что это обстоятельство удивило Максима, значило ровным счетом ничего не сказать. Он чуть не врезался в идущую впереди машину. Ольга продолжала о чем-то говорить, но Власов не слышал ее. Он спохватился лишь тогда, когда администратор чуть громче обычного произнесла:

— Максим Александрович, пожалуйста, не надо к театру очень близко подъезжать. Остановите здесь.

— Да, сейчас выберу поудобнее место...

— Вы ей обязательно позвоните, перед тем как соберетесь ее навестить.

Власов находился в прострации. Он не понимал, кому он должен позвонить, кого навестить. Почему и для чего.

Машина прижалась к тротуару.

— Запишете телефон?

— Да, конечно, я лучше сразу в мобильник, — очнулся Максим.

Ольга вынула из сумки свой сотовый. Нажав несколько кнопок, она продиктовала номер.

— А что мне ей сказать?

— Как что? — Ольга недоуменно вытаращила глаза.

— Ну, как-то ... не знаю...

— Людмила Михайловна хочет вам передать какую-то книгу.

Максим вопросительно смотрел на сидящую рядом женщину.

— Что за книга?

— Не знаю. Видимо, из библиотеки Витольда Альбертовича. Она сказала, что эту книгу ее просила передать вам Алена, перед тем как произошла авария.

Дрожь пронеслась по телу Максима с такой силой, что он чувствовал кончики своих волос на голове.

— Ну все, я пошла. Не выходите, — Ольга заметила, что Максим открывает свою дверь, чтобы помочь ей выйти из машины, — Обязательно позвоните! Спасибо за кофе.

— И вам спасибо за приятную компанию.

Глава 14

Максим выехал на Садовое кольцо. В плотном потоке транспорта он доехал до Триумфальной площади и развернулся. Так же медленно доехал до Кудринской площади и свернул направо. Здесь дорога была посвободнее, и оставшееся расстояние до кладбища он проехал довольно быстро. В отличие от выходных дней, возле кладбища были свободные места для парковки.

Пока он ехал, его не отпускали мысли о книге, которую по просьбе Алены ее мать хочет передать ему.

В магазине у кладбища он выбрал цветы. Телевизионная панель, установленная на стене магазина, транслировала новостную программу. Услышав слова: «Представитель Следственного комитета России заявил...», Максим резко повернулся в сторону экрана. Просмотрев сюжет полностью, он с цветами вышел на улицу. Из кармана достал мобильный телефон.

— Алло, Андрей Федорович, приветствую! Ты не занят, есть минута? Нам надо обязательно увидеться. У меня вчера были две встречи. С соседом моим — помнишь, Баграт Франгулян. Да, он. И с Олегом Калининым. Правильно, артист. Он сейчас главный режиссер театра. Как какого, вительдовского. Слушай, открылись новые обстоятельства, полностью меняющие дело. Нам необходимо встретиться. Вечером не получится, в семь в театре начнется памятный вечер. Ну, по поводу семидесятилетия Витольда. Сегодня день его рождения. Я на Ваганьковском кладбище. Да. Думаю, недолго, минут пятнадцать-двадцать. Нет, не обедал. Это где? Ага, вспомнил. Хорошо, встречаемся там.

Перед тем, как положить телефон в карман, Максим посмотрел на экран. Цифры на дисплее показывали 14:17. Он раздраженно присвистнул и ускорил шаг — ему всегда претило опоздание.

Максим перешел улицу и глазами стал искать друзей. На ярко освещенной солнцем площадке за металлическими воротами кладбища, притопывая ногами от холода, стояли Лева и Эдик. У каждого в руках были завернутые в бумагу цветы. Он замахал им и бегом направился в их сторону.

— Добрый день, мужики! — на ходу поздоровался Максим. — Ну что, мороз и солнце, день чудесный!

— Привет, — ответил Эдуард, протягивая руку, — да, приятный морозец. Не выше пятнадцати.

— Здрасьте, дядь Максим.

— Извините за опоздание. Давно пришли? — спросил Власов.

— Я минут пятнадцать назад, а Лева пораньше, — ответил Эдик.

— А где Тоша?

— Он звонил мне, к нему в отделение кого-то привезли со срочной операцией. Попросил извиниться.

— Ну, тогда пойдем, небось, замерзли, — сказал Максим, беспокоясь за племянника.

Ваганьково... Возникший еще в восемнадцатом веке некрополь был не только одним из старейших московских кладбищ, но и собранием произведений выдающихся скульпторов, архитекторов и художников — авторов надгробий. Когда-то Максим любил здесь бывать...

Пройдя немного по центральной аллее, они увидели Баграта. Тот одиноко стоял у входа в церковь с огромным букетом роз в руках.

— Максим! — воскликнул Баграт. — Боялся, что не встречу тебя. Я место захоронения не помню.

— Здравствуй, Баграт. Ты один?

— Ну как я могу быть без Аннушки? Она в церковь зашла, свечки поставить. Сейчас выйдет.

— Вы знакомы? — Максим обратился к Эдику.

— Нет, хотя лицо знакомое. Эдуард, — представился Эдик, протягивая руку.

— Очень приятно, Баграт.

— Ну, а племянника моего Леву ты знаешь...

— Да, конечно, иногда встречаемся в подъезде. — Баграт протянул руку Леве: — Здравствуй, Лева.

— Здравствуйте. Дядя Максим, может, мы тоже зайдем, поставим свечки?

— Правильно, — поддержал Эдуард, — давайте зайдем, заодно немного согреемся.

— Вы идите, — предложил Максим, — а мы с Багратом вас здесь подождем.

Максим поймал на себе взгляд проходящей мимо женщины. В руках у нее были белые розы. Он повернулся в ее сторону. Женщина мгновенно отвела свой взгляд. На ней было черного цвета пуховое пальто, на голове черная вязаная шапочка. От ярких лучей солнца глаза защищали крупные темные очки. Она подходила все ближе и ближе. Что-то магически притягивало Максима к ней и заставляло до неприличия долго смотреть на незнакомку. Она поравнялась с Максимом. Взгляды их вновь встретились — но лишь на мгновение. Она резко отвернулась и теперь всматривалась в надгробные памятники. За темными очками не были видны глаза, но утонченные черты лица Максим сразу заметил.

— Максим, холодно, давай мы тоже зайдем, — не сдержался Баграт.

— Ну, давай, — согласился Власов, провожая глазами женщину в черном. Маленькой компанией они вышли из церкви и зашагали вперед по центральной аллее. Подойдя к колумбариям, они свернули налево.

Максим слевой двигались впереди. Сзади шли Баграт с супругой Анной и Эдуард и говорили о надгробных памятниках и захоронениях видных деятелей культуры.

Максим вновь увидел женщину в черном стеганом пальто. Она шла навстречу, но уже без цветов. Необъяснимая сила заставляла его вновь и вновь направлять свой взгляд на нее. Что-то непонятно притягательное было в этой женщине. Грациозная, легкая походка не соответствовала грубоватой полуспортивной одежде. Женщина излучала романтическую таинственность, невольно гипнотизируя Максима. Они сближались, двигаясь навстречу друг другу. Незнакомка шла с низко опущенной головой. Вот еще несколько секунд, и он разглядит ее лицо, воодушевлял себя Максим. Оставались считанные шаги, когда женщина резко повернула налево и вошла в колумбарий.

— Дядь Максим, а мы разве не прошли могилу дяди Витольда? — слова племянника вернули Власова к реальности.

— Нет.

Они подошли к могиле Рудиса. Холод пробежал по телу Максима, когда он увидел белые розы на могиле брата. Именно такие цветы несла женщина в черном. Именно отсюда шла она, но уже без цветов. И резко скрылась, по всей видимости, не желая быть узнанной.

— Максим, а кто делает памятник Витольду Альбертовичу? — на этот раз мысли Власова прервал Баграт.

— Честно говоря, не знаю. Штерн говорил, что театр возьмет это на себя, просил меня не волноваться.

— Слушай, полтора года прошло, ничего не сделано. Давай, я сделаю проект и установлю достойный этого человека памятник.

— Вы сегодня будете в театре?

— Конечно.

— Ну, там со Штерном и поговорим. Мне тоже не нравится, что до сих пор ничего не сделано.

Разложив принесенные цветы вокруг земляной возвышенности, компания молча стояла у могилы Рудиса. Максим заметил, что Лева вздрогнул и начал переминаясь с ноги на ногу.

«Левушка, он раньше всех пришел, да и одет легко. Замерз, бедненький», — подумал он.

— Ну что, пойдём? — предложил Власов.

— Да, — мгновенно согласился Лев.

— Да, — сказал Эдик, — слишком холодно.

Они вышли с территории кладбища. Максим поблагодарил Баграта и Анну за участие в церемонии и попрощался с ними до вечера. Эдуард предложил поехать втроем пообедать. Однако Максим уже договорился встретиться с Андреем Глебовым, и Эдик поехал обедать со Львом, а в половине седьмого все решили встретиться в театре.

Глава 15

Немного простояв в пробках, Максим был уверен, что опаздывает на встречу и Андрей наверняка уже ждет его. Наконец он подъехал к небольшому кафе. Зал был практически полон. Окинув его взглядом, Власов не нашел Глебова.

— Добрый день! Вы один? — спросил нежный голос улыбчивой девушки.

— Меня должны ждать... Но я что-то не вижу.

— Может, во втором зале?

Максим вопросительно взглянул на девушку.

— Пройдемте со мной.

Войдя во второй зал, Максим сразу увидел своего бывшего студента, изучающего меню.

Они обнялись и поздоровались.

— Как провели отпуск?

— Замечательно. Я не помню, когда так прекрасно отдыхал. Советую обязательно поехать. Получишь огромное удовольствие.

— А как называется место, куда вы ездили?

— Остров Хайнань.

— Ну что, давайте, Максим Александрович, сделаем заказ?

— Я так понимаю, ты здесь все знаешь...

— В принципе да, тут хорошая кухня.

— Это я сразу понял.

Глебов улыбнулся и вопросительно посмотрел в глаза Власову.

— Количество посетителей. Их много, оба зала заполнены. А людей не обманешь. В обеденный перерыв они идут туда, где дешево и вкусно.

— А здесь реально недорого и вкусно готовят. Вы как всегда правы.

Сделав заказ, Максим решил вымыть руки. Когда он вернулся, на столе его уже ждал заказанный им салат.

— Приятного аппетита, — сказал Власов, садясь на свое место.

— Приятного аппетита, — ответил следователь.

— Спасибо!

— Ну, рассказывайте, что случилось?

— Андрей, наши предположения о том, что Витольда отравила Алена из-за ревности, скорее всего ошибочны.

— Это как? — спокойно спросил Глебов, принимаясь за салат.

Максим рассказал о встрече с новым главным режиссером театра Олегом Калининым.

— Ты понимаешь, для меня очень подозрительным оказалось то, что Амелия не хотела отдавать Витольду долг, а потом, с кем-то обговорив это, согласилась и предложила взять красное вино для подруги Витольда. И то, что Амелия и Маргарита, оказывается, знали друг друга.

— Версия интересная, но отравленная бутылка в этом случае должна была быть подготовлена заранее. А если Амелия ее подготавливала перед тем как выйти, ваш Калинин не мог не увидеть, как жена химичит с бутылкой вина. Но поскольку ты уверен, что Калинин не при делах, то получается, что отравленная бутылка была у нее заранее припасена. Ну, допустим...

— Помнишь, когда мы смотрели запись с камер видеонаблюдения, то не сразу заметили, что это были две разные Маргариты.

— Конечно, помню. Они были одеты одинаково, практически. И волосы...

— А как ты думаешь, кто наиболее точно мог воспроизвести Маргариту? Откуда лже-Маргарита знала, во что была одета в тот день настоящая?

— По-вашему, получается — Амелия. Но мотив?

— Десять миллионов не мотив?..

— Ради десяти миллионов загодя планировала такое преступление? Извините, для меня это пока не убедительно.

— Пока, — Максим поднял вверх указательный палец. — Поверь, я Амелию знаю очень хорошо.

— Еще бы, вы же с ней некоторое время были в супружеских отношениях, — съехидничал Глебов.

— Пожалуйста, без иронии. Не тот человек Амелия, чтобы такой план осуществить.

— Я что-то не улавливаю, вы сами себе противоречите.

— Никакого противоречия. За Амелией кто-то стоял и направлял ее действия.

— Остается разузнать, кто.

— Уже не обязательно.

Максим специально выдержал паузу. Он не спеша ел свой суп, изредка поднимая глаза на следователя, и многозначительно улыбался. Глебов не выдержал.

— Не томите. Кто?

— Помнишь, был такой писатель Гарри Самуилович...

— Да, да, да, — Глебов напрягся. — Если мне не изменяет память, вы говорили, что он масон.

— У вас феноменальная память, Андрей Федорович, — с подколкой сказал Максим. — Так вот, после долгого периода отчуждения между мной и Баграмом Франгуляном, ну ты знаешь, из-за проникновения его в квартиру Рудиса тогда ночью, была интереснейшая беседа. Признаться, я полностью поменял свое мнение о нем.

Максим в тезисной форме пересказал разговор с Баграмом.

— Интересно. Но не сходится.

— Почему?

— Да очень просто. Допустим, за отравлением стоит этот писатель и дергает нужные ниточки. Амелия приносит отравленное вино. Маргарита и Рудис отравлены, после чего Амелия под видом Маргариты заходит в квартиру. Выкидывает бутылку, споласкивает фужеры, из которых пили вино, забирает из ящика деньги и бриллиантовое кольцо.

— Возможно еще что-то, о чем мы не догадываемся. Может, эту злополучную папку, которую искал следующей ночью Баграт.

— Вполне возможно. Но если за действиями Амелии стоит этот писатель, а у Амелии были ключи от квартиры Рудиса, зачем надо было красть ключи у вашей домработницы? Абсурд. Не сходится.

— Ты прав, этот момент я упустил.

Вновь наступила пауза. Каждый выстраивал свои выводы и заключения.

— Слушай, ведь может быть и стечение обстоятельств. Баграту передали те же ключи, которые были у Амелии, а Татьяну Ильиничну обокрал кто-то третий.

— В принципе возможно. Но больно натянуто.

— Есть еще один персонаж в нашем детективе, которого мы тогда упустили.

— Только прошу без театральных пауз, — отрезал Андрей.

— Водитель писателя.

— Но он у нас нигде не был замечен.

— Не совсем. Зря я тебя похвалил за хорошую память.

Глебов вопросительно поднял глаза.

— Вечером перед спектаклем к Витольду заходили трое. Старинные его приятели: Вера Шамильевна со своим супругом Алексеем Ивановичем, какая-то солидная пара из Министерства культуры и последний, кто приходил, был здоровый парень лет тридцати — тридцати пяти.

— Ну и...

— Не вспомнил?

— Смутно, — отделался Андрей.

— Этот парень приходил от Гарри Самуиловича. И по описанию очень похож на его водителя. Во всяком случае, таким описал водителя Баграт вчера вечером.

— А он откуда знает водителя?

— Гарри помогал Баграту с подрядами и за свою любезность попросил, чтобы Баграт оформил его водителя у себя на работу. Естественно, тот ежемесячно приезжал за зарплатой. Баграт охарактеризовал его как довольно неприятного типа.

— Слушайте, так если последним приходил этот водила, то он мог забрать ключи от квартиры. Передал Амелии, та под видом Маргариты зашла в квартиру. То, что искали...

— Папку, — вставил Максим.

— Да, папку, Амелия не нашла. На следующий день ночью заходит за папкой Франгулян. Как вы сказали, специально все разбрасывая и тем самым намекая, что искали папку. Затем Франгулян встречается с писателем, сообщает, что папки в квартире нет. После этого они ищут папку в квартире Маргариты. Похоже, что сам писатель белоручка, и поиск папки поручил своему водителю. А знаете, это уже теплее.

— Вот видишь, а ты говорил — не сходится.

— Нам нужен этот водитель. Вы часом не поинтересовались, как его зовут?

— Ты же говорил, что во мне погиб следователь, — улыбнулся Максим.

— Павел Ситников.

— Павел Ситников, — задумчиво повторил следователь.

— И еще одно немаловажное обстоятельство. Сразу после смерти Витольда Баграт уволил этого водителя. Оказалось, он совершил наезд на человека, который скончался от полученных травм. Это время и авария ничего тебе не напоминают?

— Подождите. — Лицо Глебова стало суровым. — Женщина, которая должна была принести вам папку. Э-э, как же...

— Филимонова Элеонора Николаевна.

— Да, да, ее же сбила машина. Помнится, водитель сам признался в наезде.

— Как ты думаешь, может быть такое совпадение?

Глебов молчал. Пошарив по карманам, достал мобильный телефон.

— Катерина, полтора года назад, когда мы расследовали дело об отравлении режиссера Рудиса, в больнице от наезда машины скончалась Филимонова Элеонора Николаевна. Да, заведующая литературной частью театра. Так вот, мне как можно быстрее необходимо узнать фамилию и имя водителя, совершившего наезд. И второе, был ли суд, и какое решение принял судья. Ну да, где отбывал и прочее. Правильно. Умница, так и сделай. Перезвони сразу.

— Я тебя не очень загрузил?

— Да ну, о чем вы. Мне самому стало интересно. Что-то мне подсказывает, что этот водитель специально сел в тюрьму за неосторожное вождение. Помнится, он сдавал назад и столкнулся с Филимоновой. За случайность много не дают.

— Я правильно понимаю, что на совести водителя более крупное преступление, а сел он за случайность? Лучшее место для того, чтобы уйти в тень — тюрьма. Я уверен, что и Алену они подставили.

— Я тоже об этом думаю. Надо поднять материалы и внимательно их просмотреть.

Глебов посмотрел на часы.

— Извините, Максим Александрович, но мне надо бежать.

— А как у тебя вечером? У меня для тебя есть пригласительный билет.

— Никак не могу. Просто физически не успею.

— Ну, тогда беги, не теряй время, счет я оплачу.

— Спасибо, — Глебов встал из-за стола, — я сразу же позвоню, как будут новости.

Глава 16

В фойе театра было многолюдно. Максим стоял в окружении своих друзей, Антона и Эдуарда с супругами. К нему постоянно подходили, и он всем дружески улыбался и приветствовал наклоном головы. Лева сновал туда-сюда, общаясь со знакомыми.

— Максим Александрович, добрый вечер! — к Власову с милой улыбкой подошел Алексей Иванович.

— О, Алексей Иванович, добрый вечер. Здравствуйте, Вера Шамильевна,

— Максим сделал поклон в сторону женщины и протянул руку профессору.

— После нашей милейшей беседы, — улыбался Алексей Иванович, — у меня возникла жажда общения с вами.

— Это взаимно. Давайте в ближайшее время встретимся и продолжим беседу. Мне есть, что сказать вам.

— С преогромнейшим удовольствием. Какие у вас планы на субботу?

— Я бы все отменил ради общения с вами.

— В таком случае созваниваемся с утра и подтверждаем встречу? Я давал вам свою визитку?

— Нет, — сказал Максим.

— Тогда, вот. — Профессор достал из кармана карточку и протянул Власову.

Они вновь пожали друг другу руки, и профессор с супругой отправились поприветствовать других знакомых.

Единственный, с кем еще не поздоровался Максим, был Сергей Сергеевич Штерн, неизменный директор театра. Максим искал его глазами среди разгуливающих в фойе людей.

Он увидел улыбающихся Алексея Ивановича с Верой Шамильевной.

Мужчина, лица которого не было видно, что-то рассказывал им, отчего

эта почтенная семейная пара смеялась. Вдруг мужчина повернулся вправо, поднял руку и кому-то замахал. Максим узнал писателя Гарри Самуиловича. К ним подошли Штерн и respectable человек со знакомым лицом. Напрягшись на мгновение, Максим узнал в нем известного чиновника из Правительства России. Полтора года назад на поминках Рудиса они сидели за одним столом, изредка общаясь.

Максима удивило, как писатель и чиновник обнялись, приветствуя друг друга. Еще больше его удивило, когда последний поклонился и поцеловал руку Веры Шамильевны и обнялся с Алексеем Ивановичем. Максим хотел вспомнить имя чиновника, но не смог. В это время Штерн обменялся с писателем рукопожатием, склонился к Вере Шамильевне, поцеловал ее руку и обнялся с профессором.

Максим невольно вспомнил последние слова о масонах во время их вчерашнего долгого общения. «Не скажите, среди них есть мудрые и умные люди, в противном случае они бы не смогли и по сей день править миром».

Максим изучающе смотрел на эту компанию, пока не столкнулся взглядом со Штерном. Сергей Сергеевич тут же улыбнулся и пошел навстречу Максиму. После смерти Рудиса они не встречались.

— Дорогой мой Максим, — Штерн раскинул руки.

Они обнялись.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич. Рад вас видеть.

— Я-то как рад!.. Как ты? Рассказывай...

— Да все нормально. Потихоньку. Работа, дела.

— Слышал, ты переехал жить в квартиру Вити?

— Да.

— А что с родительской, часом не продал?

— Ни в коем случае, я ее сдаю.

— Никогда не продавай, а то, что сдаешь, это правильно. Курочка по зернышку клюет, и целый день сытая ходит.

— Согласен, так и поступаю, — улыбался Максим. — Вы-то как? Смотрю, держитесь бодрячком...

— Э-э, это всего лишь видимость, — тяжело вздохнул Штерн и, широко улыбнувшись, продолжил: — Максим, дорогой, какие у тебя планы на завтра?

— Особо никаких, я до понедельника в отпуске.

— Прекрасно, приезжай завтра ко мне на дачу. Мяска пожарим, чистым воздухом подышишь.

Максим пару раз бывал на даче Штерна вместе с Витольдом. Последний раз это было лет пять назад. Сергей Сергеевич, сломав старый деревянный дом, строил добротный трехэтажный коттедж.

— Ты же не видел новый дом?

— Нет.

— Я там один. Дочь в Лондоне, жена поехала к ней, нянчит внучку. Так что приезжай, можешь с ночевкой. А, Максим?..

— Спасибо, Сергей Сергеевич, обязательно приеду.

— Вот и прекрасно, там и пообщаемся вдоволь. А сейчас извини, надо гостям внимание уделить, — Штерн подмигнул Максиму и удалился в толпу.

В шумном зале Максим не сразу услышал сигнал своего мобильного. На дисплее высветилась фамилия — Глебов. Он включил телефон и отошел к лестнице, ведущей на второй этаж, где никого не было.

— Да, Андрей, я тебя слушаю.

— Значит, первое. Водитель, совершивший наезд на Филимонову, действительно Ситников Павел Иванович. Именно он работал в архитектурно-строительной фирме Франгуляна.

— Что и требовалось доказать, — обрадовался Максим.

— Не спешите, — суровый голос Глебова мгновенно отрезвил Власова.

— Суд приговорил его на год. Через три месяца Ситников скончался от сердечной недостаточности.

— А может, задушили?

— Не исключаю. Парень-то был молодой, крепкий.

— Получается, слишком много знал. Хвосты убирают.

— Да. Думаю, здесь все намного сложнее, чем казалось на первый взгляд. Глебов на том конце, видимо, почувствовал состояние своего бывшего преподавателя.

— Вы только не грустите, Максим Александрович.

— Все нормально, Андрей. Спасибо за звонок.

Максим стоял как вкопанный. Завершив разговор со следователем, он продолжал прижимать мобильный телефон к уху. Мысли путались.

Прозвучали два аккорда, приглашая зрителей пройти в зал. Максим встряхнулся. Он отключил звонок телефона и положил его в карман.

Подошел к друзьям, и все вместе они прошли в зрительный зал.

В темном зале из динамиков слышался звук приближающихся шагов. Скрип. Вошедший сел за стол. Зажглась настольная лампа. Сам стол был быстро установлен в темноте и находился рядом с Максимом, в центре десятого ряда. Из-за стола слышался шорох. Затем до боли знакомый голос:

— Здравствуйте, милейшие судари и сударыни!

У Максима увлажнились глаза. Это был голос его брата, создателя этого театра, всемирно известного режиссера Рудиса. Это было его любимое приветствие. Именно так он всегда начинал свои репетиции.

Свет рампы начал медленно зажигаться, постепенно освещая стоявшую на сцене труппу театра.

— Мы сегодня будем ставить одну занятную пьесу... — продолжал голос Рудиса.

Облако покрыло весь зал. Создавалось невероятное ощущение, что Рудис с небес спустился в зрительный зал своего театра, чтобы снова провести репетицию. Показать, как под его руководством создавалось чудо театра.

Еще несколько минут назад, после разговора с Андреем, Максим хотел уйти, но решение Олега Калинина привело его в восторг. Витольда нет, но пока его помнят, он остается живым. Как и его живой голос, звучащий в этом зрительном зале.

Главный режиссер театра, он же сценарист и постановщик вечера в честь семидесятилетия Рудиса, выбрал наиболее известные его постановки. Все четыре спектакля были представлены в виде репетиций, где голос Витольда, как бы реально сидящего в зале, за столом, где горит настольная лампа, делал замечания, предлагая решения той или иной мизансцены. Периодически он, недовольный, прогонял куски по несколько раз, пока не добивался желаемого результата. Из-за стола был слышен и крик, и шепот Рудиса. Этот был настоящий Витольд, каким знали его друзья и коллеги.

Не менее интересно было то, что происходило на сцене. После замечаний Рудиса актеры менялись, становились совершенно иными. Ремарки режиссера как волшебные ключики раскрывали их возможности. Игра наполнялась новыми красками, голоса приобретали полифонические оттенки.

Подобно тому, как гусеница превращается в куколку, а куколка в прекрасную бабочку, на сцене под руководством голоса Рудиса происходила театральная метаморфоза.

Каждая куколка металась по сцене в поисках своего пути к совершенству. Того единственного пути, который превращает их в изумительных, небывалой красоты бабочек, парящих над зрительным залом.

Представленные пьесы дали возможность выйти на сцену всей труппе театра, и показать процесс создания сценического шедевра под названием — вительдовский спектакль.

На протяжении всего вечера Максим периодически вслух полусшепотом произносил: «Браво!», «Гениально!», «Молодцы!».

Кульминацией вечера стал прощальный аккорд. В темном зале тонкий слабый луч света осветил стол, установленный в десятом ряду. Из-за стола встал мужчина. Он медленным шагом, под направленным лучом шел по центральному проходу к сцене. В гробовой тишине слышались только его шаги. Вот он уже на сцене. Луч, освещавший фигуру, становился все меньше и меньше, пока полностью не потух. Через несколько секунд в глубине сцены появились медленно плывущие по небу белоснежные облака. Когда экран стал ярким и контрастным, вырисовалась фигура того же мужчины, облаченного в белые одежды. Словно через невидимый мост он шел от сцены в облака. Когда он почти слился с облаками, он на мгновение остановился и медленно обернулся. Это был Вительд Рудис. Улыбнулся, чуть приподнял бровь и своим спокойным голосом сказал:

— Пока вы меня помните, я всегда рядом.

Эмоциональный накал происходящего взорвал зал грохотом аплодисментов. Максим не мог унять охватившую его дрожь. Он бросил взгляд на аплодирующих стоя зрителей, глаза у всех были мокрыми. Два с половиной часа пролетели на одном дыхании.

В фойе к Максиму подошли Анна и Баграт.

— Большое спасибо вам, Максим. Мы сидели в двенадцатом ряду и постоянно ощущали, что впереди сидит Вительд Альбертович.

— Да, получилось здорово. Один в один, его интонации и слова, которые он часто использовал. А кто это так придумал?

— Олег Калинин, — с гордостью сказал Максим.

- Он же прекрасный артист, — моментально вспомнила Анна.
- И прекрасный режиссер, оказывается, — улыбнулся Баграт.
- Иного и быть не могло. Он ведь один из любимых учеников Витольда.
- Ах, Витольд Альбертович, — выдохнула Анна, устремив взгляд вверх,
- вы сегодня были с нами.

Глава 17

Несмотря на все уговоры Максима, от фуршета друзья отказались. Проводив их до центрального входа, Максим слевой направились к лестнице, ведущей на второй этаж. Впереди с барским видом нес себя Гарри Самуилович. Максим с племянником вошли в банкетный зал. Единственное, что ему хотелось сделать, это пожать руку Калинин и поблагодарить его. В надежде увидеть Олега он окинул взглядом зал. В окружении гостей, поздравляющих главного режиссера, Максим не сразу его заметил. Но в глаза ему бросилось, как Гарри Самуилович, стоя рядом с высокопоставленным чиновником, Алексеем Ивановичем и его супругой, вновь лебезит перед ними. Максим невольно рассмеялся.

— А что вас рассмешило, дядя Максим?

— Маски некоторых индивидуумов, — со смехом ответил Власов.

-М-м, — промычал Лев, ничего не понимая.

Они подошли к столику, где были расставлены различные блюда. Наполнили тарелки приглянувшимися яствами, взяли по бокалу вина и отошли от стола.

Мысли Максима вернулись к звонку следователя. Чем больше он смотрел на Гарри Самуиловича, тем больше в нем разыгрывалась желчь. «А говорят бездарный драматург, — размышлял Максим, — ан вот какую пьесу придумал. Заставил Амелию отравить Витольда и Маргариту ради какой-то папки. В погоне за папкой убили Элеонору. Ну а Каратаева за что, господин писатель? Артемий Яковлевич был мудрейшим человеком, его глаза словно рентген обнажали любого, кто с ним говорил. Видимо, он единственный тогда понял, а может быть, вычислил, кто и что стоит за смертью Рудиса и его подруги, за автомобильным наездом на Элеонору. И поплатился за свою привычку все говорить в лицо. Бедная Алена. Отравить ее он не мог, слишком

много отравлений получалось, а вот авария, чтобы убрать Алену, была очень кстати.

Я, дурак, нацелился на кольцо и портрет Маргариты, приход Алены в мастерскую Каратаева расценил как воровство картины, чтобы никто не увидел изображение похищенных драгоценностей. Но ведь портрет она действительно взяла из мастерской. Я сам видел в ее руках тубу.

Стоп. Постой, Максим, не гони. В ее руках еще что-то было. Папка? Но почему в машине, свалившейся в Москву-реку, был обнаружен только портрет Маргариты? Никакой папки не было. И самое странное, до сих пор не нашли труп Алены. А что, если ее убили до того? И не просто убили, а пытались, чтобы узнать, где папка. Где-то зарыли тело и устроили живописную аварию. Этот писака не так прост. Положи они тело в машину, вскрытие тотчас показало бы причину смерти.

Остается папка. Была ли у Алены папка? Заполучили они ее или нет? Боюсь, этого я не узнаю никогда.

Да, господин писатель, вы мастер детективного сюжета. Отвели себе роль кукловода, находящегося в такой тени, что никто и никогда не смог бы догадаться. И водителя своего, выполнявшего, по всей видимости, черную работу, вы подставили с наездом на Элю и тем самым вынесли ему приговор».

— Дядь Максим, — Лев прервал раздумья Власова, — вы меня познакомите с Калининым?

— Обязательно.

— Я вот что подумал. А что, если я с ним поставлю «Мастера и Маргариту» в дядином прочтении? Как вы думаете, он согласится?

— То, как он сегодня все обыграл, заставив зал два с лишним часа находиться в упоенно-патетическом состоянии, заставив всех без исключения пустить слезу... Я хочу тебе сказать, он великий мастер.

— Получается, он вполне может обойтись без меня?

— Нет, не совсем. Я предполагаю, что вы могли бы вместе создать то, что хотел Витольд. Чувство сцены и зрительного зала, неординарные решения Калинина и твоя осведомленность о зашифрованных в романе знаках, понимание вительдовского прочтения, могли бы создать союз,

— Максим сделал паузу и улыбнулся, — подобно Станиславскому и Немировичу-Данченко.

— Крутое сравнение, — обрадовался Лев, — мне нравится.

— Ну что, дорогой племянник, давай выпьем за день рождения и за светлую память твоего дяди и моего брата Витольда.

Они чокнулись, выпили по глотку вина.

— Максим Александрович, — к ним подошла администратор Ольга, — можно к вам?

— Что за вопросы, Ольга Александровна. Я всегда рад вашей компании.

— Как вам постановка Олега, правда, он молодец?

— Я бы даже сказал, что не просто молодец, а гениальный молодец.

— У меня мурашки бегали по телу, не говорю уже о том, сколько раз я слезы вытирала.

— Не только вы, уверен, большинство зрителей испытывали те же чувства. На протяжении всего спектакля я ощущал рядом с собой живого Витольда. Надо сказать огромное спасибо Олегу.

— А вы еще не общались с ним?

— Нет.

— Уверена, для него ваше мнение очень важно. Думаю, важнее всего.

— Да я ищу подходящий момент, но его все время окружает большая компания.

— Так можно до утра ждать. Я сейчас, — бросила на ходу Ольга.

Через пару минут она подошла с Олегом Калининым.

— Добрый вечер, Максим Александрович, — главный режиссер протянул руку, — все время хотел к вам подойти, но никак не получалось. Вот Ольга наконец-то помогла.

— Добрый вечер, — Максим в ответ протянул руку. — Спасибо тебе, — и обнял Олега.

— Вам понравилось?

— Не то слово! Ты истинный и талантливый продолжатель дела Витольда. За тебя! — Максим поднял свой бокал.

— Спасибо, Максим Александрович, я тронут. Мне было очень важно показать, что Витольд Альбертович всегда с нами. Давайте выпьем за гениального режиссера Витольда Альбертовича Рудиса.

Все чокнулись, выпили вина.

— Простите меня, — сказал Лев, — а где вы взяли запись его голоса? Мне показалось, что сценография делалась под те его фразы, которые у вас были под руками.

— Кстати, вы знакомы? — обратился Максим к Олегу.

— Лицо знакомое...

— Это наш с Витольдом племянник, Лев. Будущий режиссер. Пошел по стопам своего идеала — Рудиса.

— Очень приятно, — Калинин протянул руку, — Олег.

— Лев.

— И все же, где вы откопали его выражения?

— Только вам я раскрою секрет, — сказал главный режиссер, — никому ни слова. Это современные компьютерные технологии. Мы взяли записи голоса Рудиса и пропустили через специальную программу. После чего все фразы звучали голосом Витольда Альбертовича.

— А я-то все гадал, где нашли столько звукового материала, — заметил Лева.

— Олег, Лева больше года очень серьезно и кропотливо изучает витольдовское прочтение «Мастера и Маргариты».

— О, это очень интересно.

К ним подошла большая компания во главе Сергеем Сергеевичем с бокалами в руках. Все лица Максиму были знакомы. Алексей Иванович, Вера Шамильевна, Гарри Самуилович и крупный чиновник из федерального министерства, чье имя Максим так и не вспомнил.

— Ну, дорогой Олег Владимирович, — начал довольный и веселый Штерн, — позволь нам поздравить тебя со столь блистательным дебютом в качестве главного режиссера. Символично, что этот дебют был посвящен нашему незабвенному другу, Витольду Рудису. Олегу Владимировичу два коротких и одно протяжное...

Все хором прокричали: «Ура! Ура! Урааааа!» и чокнулись с Калининым.

— Максим Александрович, — обратилась к Власову Вера Шамильевна, — как вам голос Витольда Альбертовича? Правда, он был очень похож?

— Он не был похож, — Максим выдержал паузу, — это был его настоящий голос.

— Я представляю, какую кропотливую работу пришлось проделать вам, чтобы собрать такой материал, — высказал свое мнение Алексей Иванович.

— Как всегда, Алексей Иванович, вы очень точно подметили, — тут же льстиво вставил писатель Гарри Самуилович.

— Ну, что я вам говорил, Михаил Дмитриевич? — Штерн обратился к чиновнику. Максим тут же вспомнил его фамилию. — Лучшей кандидатуры на должность главного режиссера не было.

— Согласен, — важно ответил чиновник, — вы нас, Олег Владимирович, сегодня удивили в своем новом амплуа. Вы сегодня установили очень высокую планку. Какие ваши дальнейшие планы?

— Поставить «Мастера и Маргариту» в прочтении Витольда Альбертовича, что, к большому сожалению, ему не удалось сделать.

— О, Михаил Дмитриевич, — вступил в разговор Алексей Иванович, — это уникальное прочтение Булгакова. — Затем повернулся к главному режиссеру: — Олег Владимирович, увидев сегодняшнюю вашу работу, я более чем уверен, вы сможете поставить «Мастера и Маргариту» именно так, как задумывал ваш учитель.

— Спасибо! — Калинин сделал поклон в сторону профессора. — Если Максим Александрович поможет с материалами, оставшимися от Витольда Альбертовича, то мы могли бы сделать достойную постановку.

— А какие проблемы, Максим Александрович, помогите нашему Олегу Владимировичу.

— Постараемся...

— Вы уж постарайтесь. Кстати, вот моя визитка, если понадобится моя помощь, буду рад. Звоните по поводу, а лучше без повода, — рассмеялся чиновник, протягивая Власову карточку.

— О, Максим Александрович, — заерзал Гарри Самуилович, когда важный гость передавал визитку Максиму. — А я смотрю, что-то знакомое, и никак не мог вас вспомнить. Максим Александрович, быть вам богатым.

Столь явный подхалимаж взбесил Максима. Подошел, не поздоровался, с важным видом не обращая внимания на Власова. И тут на тебе, государственный сановник демонстрирует свою благосклонность, и сразу же, мол, «извините, не узнал». Неприязнь Максима к писателю переросла в ненависть. С большим трудом он заставил себя улыбнуться, скрывая гнев. С напряжением он смотрел на ехидно улыбающегося писателя. И тут молнией сверкнула у него авантюрная мысль. Он хотел все обдумать, но времени на обдумывание не было.

— Витольд еще десять с лишним лет назад хотел поставить «Мастера»,
— Максим начал издавека, в надежде успеть все досконально
рассчитать, — но почему-то все откладывал. Он мне рассказывал о своем
видении романа... Уверяю вас, то, что он увидел в нем, уникально.

Алексей Иванович прав. Честно говоря, мне самому было бы интересно
найти его материалы к постановке. Однако их нет.

— Как нет? — удивился Калинин.

— У него была старая кожаная папка, — спокойно продолжил Максим,
обдумывая каждое слово, — такая красивая папка с тиснением. Он
всегда в эту папку клал материалы по пьесе, с которой он в тот момент
работал. Папка была своего рода талисманом. Материалы по «Мастеру»
Витольд хранил в этой папке. В квартире ее не было. Домработница
Витольда, когда узнала, что я ищу и не могу найти его знаменитую
папку, сказала, что в последний раз видела эту папку дома у его
знакомой, куда она ходила убираться по просьбе Витольда.

— Значит, у нее и надо забрать эту папку, — предложил внимательно
слушающий рассказ Михаил Дмитриевич.

— К сожалению, там ее тоже нет. Знакомая Витольда, как ни странно,
скончалась в один день с Витольдом. Когда ее увезла скорая, дверь в
квартиру была взломана. — Максим специально в своем рассказе
допустил погрешность в хронологии событий. — Домработница
рассказывала, что вся квартира была перевернута вверх дном. Пропали
драгоценности хозяйки и много чего еще. Видимо, дорогая старинная
папка приглянулась ворами.

Договорив, он выдохнул, словно скинул с себя тяжелую ношу.

Внимательно оглядел всех стоящих. Гробовое молчание. Было видно,
как каждый из них задумался.

«Знать бы, о чем?» — подумал Максим.

Глава 18

Около одиннадцати Максим позвонил Штерну, чтобы подтвердить свой приезд на дачу. Сергей Сергеевич долго не брал трубку. Через пять минут Максим повторил попытку. После четырех гудков наконец-то ответил сонный голос. Штерн, оказывается, еще спал, сославшись на то, что всю ночь не мог уснуть после вчерашнего. Предложение Максима отменить встречу или перенести ее на несколько дней Штерн отклонил. Власову эта встреча была важна. От старинного друга Витольда он хотел разузнать как можно больше о Гарри Самуиловиче и Амелии. Максим рассчитывал найти кусочки пазла, соединив которые он сможет наконец-то воссоздать реальную картину произошедшего преступления.

По дороге на дачу Максим заехал в супермаркет, купил фруктов и деликатесов. Идти в гости с пустыми руками для Власова было невозможно.

Максим не знал, найдет ли он после стольких лет дачу директора театра. Его сомнения рассеялись сразу, как только он проехал Жуковку. Информация, спавшая где-то в подсознании, проснулась, подсказывая куда ехать.

Зазвонил телефон.

— Ты где? — осведомился Сергей Сергеевич

— Вот Жуковку проехал.

— Ага, практически приехал. Помнишь, где свернуть?

— Да, конечно.

— Тогда я выхожу тебя встречать.

Максим, не успев задуматься, за какими воротами находится коттедж Штерна, как впереди увидел невысокого человека в длинном овечьем

тулупе. словно постовой, он двумя руками показывал въезд в открытые ворота.

Сергей Сергеевич с гордостью демонстрировал Максиму отстроенный коттедж. Просторный светлый дом с большим количеством окон казался воздушным.

Осмотрев второй и третий этажи, они спустились в большую удобную гостиную.

— Скажи, что ты будешь пить?

— Честно говоря, не знаю. Я же за рулем.

— Останешься здесь... Какие проблемы.

— Спасибо, Сергей Сергеевич, я бы с удовольствием, но вечером у меня дела, — Максим сразу решил отказаться от ночевки.

— То есть свидание, — улыбнулся Штерн, — с женщиной.

— Типа того.

— Ну ладно, спасибо и на том, что приехал. Тогда не будем терять время. Пошли на веранду, у меня все готово.

Штерн дал Максиму тулуп и валенки. Они вышли на веранду. Голубое небо, пронизанное яркими лучами солнца, раскрывало всю красоту зимы. Воздух был необычайно острым и кристально чистым. Штерн разжигал костер. Максим, словно опьяненный, стоял под лучами солнца и блаженствовал. Овечий тулуп, валенки давали особое тепло, которое согревало не только тело, но и душу.

Пока Штерн разжигал огонь, Максим прошелся по территории.

Невысокие заборы между соседними дачами давали возможность оценить разнообразие архитектурных изысков соседей. Все осмотрев, надышавшись морозным воздухом, он вернулся к барбекю. Огонь уже спадал.

— Красиво тут у вас.

— Что правда, то правда! — согласился Сергей Сергеевич, выкладывая на сетку огромные куски мяса.

— Мне понравилась дача соседей, симпатичная.

— Справа или слева? Тут в нашем поселке простых домиков нет, — заметил Штерн, не поднимая головы.

— В принципе да, согласен.

— А ты, кстати, их знаешь, справа — это дом Миши.

— Какого Миши? — не понял Максим.

— Да нашего Михаила Дмитриевича, вчера вечером он был в театре с нами, вместе выпивали.

— Неплохой домик у государева служителя.

— Внутри еще лучше. У него жена молодец, все со вкусом сделала. — Штерн длинной вилкой перевернул стейки. — Ну, а слева от меня наш профессор, Алексей Иванович.

— Как это вы так удачно стали соседями?

— Первым здесь дом купил я. Ты должен помнить, ты же приезжал с Витей. Потом соседи продавали дома, я предложил Вере Шамильевне, она как раз искала дачу. А года четыре назад второй соседский дом купил Миша. Перестраивал долго, года три.

— Хорошо, когда соседи еще и друзья.

— И не говори. Я с нетерпением жду выходных, когда все приезжают на дачу. Топим баньку, паримся. Все очень здорово. Слушай, а приезжай в субботу.

— Спасибо, Сергей Сергеевич, я подумаю.

— А что тут думать, приезжай и все. И обязательно с ночевкой, чтоб мог нормально выпить.

Они довольно быстро пожарили на сетке барбекю два огромных стейка из австралийского мраморного мяса. Затем перебрались в гостиную.

Перед камином на журнальном столе по-холостяцки расставили тарелки

с закусками, поджаренным мясом и сели в кресла, расположенные друг против друга.

Штерн налил в бокалы глинтвейн.

— Ну что, Максим, за встречу!

Они, не чокаясь, выпили.

— Давай, пока горячее.

Стейки были вкусные и сочные настолько, что Власов не мог удержаться от хвалебных слов в адрес Штерна. Чуть ли не молниеносно съев мясо и осушив второй бокал глинтвейна, Максим и Штерн блаженно откинулись на спинки кресел.

В камине легко потрескивали дрова. Ласковые языки пламени, озорно играющие, притягивали к себе, словно гипнотизируя, заставляя позабыть о суетных делах и проблемах. Приятное тепло настраивало на философский и медитативный лад.

— Не жалеешь, что приехал? — спросил Штерн.

— О чем вы, Сергей Сергеевич! Вы устроили праздник.

— К сожалению, это так редко бывает, — лицо Штерна вдруг погрузнело. — Давай еще по бокалу?

— Ну, давайте, — после недолгого раздумья согласился Максим, — только половинку.

— Я совершенно один. Дочка с сыном, я говорил тебе, учились в Англии. Отучились, приехали, и знаешь, что они с первого дня стали говорить? Максим лишь молча приподнял плечи.

— Все подряд начали хаять. Что за пешеходы, что за водители, что за страна. Нет, ты представляешь, двадцать лет жили в России, все нормально. Стоило три-четыре года прожить там, как Россия для них уже отстой, второсортная страна.

— Это не только у вас. К сожалению, такое часто происходит с нашей молодежью, решившей учиться за рубежом. Не секрет, что в США да и в

Англии престижные университеты давно стали обиталищами различных тайных обществ.

— Но это же нормально, — спокойно отозвался Штерн. — В студенческой среде испокон веков были популярны, как ты сказал, тайные общества.

— Да, согласен. Молодой задор, максимализм часто собирали студентов в тайные кружки, где многие мечтали о преобразовании мира.

— Заметь, в лучшую сторону.

— Естественно, — Максим вздохнул и продолжил: — Но сегодняшние тайные общества при престижных университетах созданы не молодыми мечтателями, а взрослыми опытными кукловодами, которые таким способом отбирают и продвигают будущих кукол-марионеток.

— Ну почему марионеток? Не могу с тобой согласиться. Возьмем, к примеру, всем известное тайное общество Йельского университета — «Череп и кости». Доподлинно известно о членстве в этой организации отца и сына Бушей, ставших президентами США. Уж что-что, но назвать их марионетками язык не поворачивается. Да и что плохого в том, что члены этого общества клянутся защищать интересы друг друга и поддерживать членов своей организации?

— Когда один из членов тайного кружка становится президентом огромной страны или транснациональной корпорации, судьей или чиновником — чьи интересы он будет защищать? Будет ли он заботиться о народе, который его избрал, об общечеловеческих ценностях или об интересах узкого круга людей, его братьев по тайному обществу?

— Но ведь одно другому не противоречит...

— Возможно, если бы не одно «но». «Череп и кости» не единственное тайное элитное общество. Оно, кстати, и не самое секретное;

естественно, и не самое могущественное. Но идеология общества базируется на превосходстве его членов над всеми остальными.

У моего приятеля сын тоже учился в Англии. Как-то заехал к нему по делам, а у него в кабинете в это время находился сын, приехал на каникулы. Разговорились, он рассказывал о своей учебе. Но красной нитью в разговоре шла ненависть ко всему российскому. Так же как ваши дети, он хаял россиян, возвеличивая достоинства западного мира. — Вот именно. Для кого я все это строил? Дача, две квартиры в городе... Для кого, Максим?

— Видишь ли, там умеючи работают с нашей молодежью. Неопытные, зеленые еще несмышленыши легко попадают под влияние красивых сказок. Турки еще во времена завоевания Малой Азии отбирали у матерей-христианок сыновей. Детей воспитывали в духе ненависти ко всему христианскому.

— Ты имеешь в виду янычар?

— Да. Созданная султаном Мурадом I в середине четырнадцатого века система воспитания янычар многие века давала свои плоды. Пусть дети врагов сами убивают своих отцов и матерей. Как говорится, дешево и сердито. Я более чем уверен — российскую молодежь, учащуюся на Западе, разрабатывают с целью последующего использования против самой России.

Максим перевел взгляд с камина на Штерна. Лицо Сергея Сергеевича было грустным.

«Некрасиво получилось. Затронул старую рану», — подумал Власов».

— Естественно, не все попадают под это влияние, — Максим попытался смягчить свои слова.

— Дорогой мой, я это прекрасно понимаю и знаю, поэтому мне становится все тяжелее на душе. Я не уверен, что там им будет хорошо,

как здесь. Я же постоянно туда езжу, смотрю, как они живут... Мне не нравится. Максимум месяц, больше не выдерживаю.

— Сергей Сергеевич, а как у них там дела?

— Сын с женой живут в окрестностях Лондона. Внучке два года, — на лице Штерна мгновенно расцвела улыбка. — Он работает в инвестиционной компании. Невестка тоже работает, занимается какими-то проектами, мне не понятными. На няню ей денег жалко. Лучше, чтобы моя жена бросила бы меня тут одного и нянчила бы внуку. А я говорю, давайте мы здесь, на даче, с внучкой будем жить. Прекрасный воздух, лес рядом. А вы там работайте. Ан нет, это их ребенок.

Штерн изменился в лице, вновь стал задумчивым и грустным.

— А дочка тоже в Лондоне?

— Уже нет. Отучилась четыре года и перебралась в Америку. Говорит, что продолжает учебу, работает в области дизайна. Хотел летом поехать к ней, посмотреть, как она там. И что ты думаешь... За неделю до моего вылета она мне сообщает, что срочно вылетает в командировку.

— Не грустите, Сергей Сергеевич, они молоды, через пару лет повзрослеют, и все станет на свои места. Будете здесь с внучкой гулять и радоваться.

— Твои бы слова да Богу в уши. Давай выпьем, — Штерн протянул свой бокал в сторону Максима.

В отличие от Штерна, выпившего глинтвейн до дна, Максим лишь пригубил вино.

— Слушай, Максим, а ты действительно ничего не обнаружил в бумагах Вити по поводу его постановки «Мастера и Маргариты»?

— Если честно, я не слишком внимательно смотрел его бумаги. Каждый раз говорю себе, завтра обязательно займусь. И каждый раз откладываю.

— Давай, если хочешь, вместе. Вдвоем будет и веселее, и продуктивнее.

— Согласен. Можем на следующей неделе начать.

— Прекрасно. Ты позвони только, предупреди заранее.

— Хорошо.

Максим заметил, что настроение Штерна чуть поднялось. Хозяин дома встал, прошел к стеклянному шкафу. Достал бутылку виски, два стакана и подошел к своему креслу.

— В меня этот глинтвейн уже не лезет. Как ты относишься к виски?

— Я же за рулем, — улыбнулся Максим.

— Ну тогда мне больше достанется, — рассмеялся Штерн.

Сергей Сергеевич налил виски в один стакан и, подняв его, произнес:

— Давай, дорогой Максим, выпьем за Витю. Вчера ему исполнилось бы семьдесят пять. За него! Пока мы его помним, он с нами. За него, как за живого!

Они одновременно встали. Чокнулись. Выпили и снова сели в глубокие кресла. Тишину нарушал только треск дров в камине.

— Ты знаешь, — прервал молчание Штерн, — за последние год-полтора я дико устал. Самое страшное, что усталость эта не физическая, а моральная. Сразу за одну неделю, да что там неделю, за четыре дня ушли самые близкие мне люди. Друзья, которых я знал со студенческой скамьи.

Штерн сделал глоток виски. Глаза его стали влажными.

— За годы, — монотонно продолжал хозяин дома, — прожитые в стране с коммунистической идеологией, а затем в этой новой России, я многому научился. Самое главное, я изгнал страх и научился терпению. Меня уже практически ничем нельзя разочаровать. На каждую уловку и ужимку так называемых «доброжелателей» я научился отвечать улыбкой. И не потому, что я был каким-то особенным, просто жизнь заставляла делать все, чтобы быть сильнее остальных.

— Бороться и искать, найти и не сдаваться...

— Да, — протянул Штерн, — именно бороться. Каждый день и каждый час. Если бы не было этих «доброжелателей», врагов и завистников, я бы не стал сильным. По большому счету я должен быть им благодарен.

Именно мои враги сделали меня сильнее.

Но с потерей близких друзей я не могу свыкнуться. Не помню, где вычитал слова: «Когда долго любишь — это перестают замечать. Когда долго прощаешь — этим начинают пользоваться. Когда готов на все — перестают ценить. И только когда уходишь — начинают понимать, как дорог был человек, которого уже не вернуть». Вот и я, когда они были рядом, не понимал, не знал, как они мне дороги.

Уму непостижимо, как такое могло произойти. Такая череда нелепых и преждевременных смертей.

— Нелепых — да. Преждевременных — да. Но не случайных, поскольку все это было кем-то подстроено.

— Почему кем-то? Аленой Бердниковой.

Максима не удивила уверенность Штерна в том, что Рудиса и Каратаева отравила Алена. Однако с трудом можно было представить, что смерть Элеоноры — тоже ее рук дело.

— Сергей Сергеевич, а как вы считаете, за что?

— Обычная бабская ревность.

— Мне всегда казалось, что Алена разумная, знающая себе цену женщина.

Максим специально стал разыгрывать из себя наивного простака, дабы не проговориться о том, что стало ему известно.

— Там была одна история, связанная с цацками.

— С чем?

— С бриллиантовым колье, с сережками. Дело в том, что Витольд по уши влюбился в одну молоденькую особу.

— В Маргариту...

— Совершенно верно. Значит, ты знал об этой его страсти. Он как-то попросил меня найти дорогое, чуть ли не антикварное украшение для нее. Насколько я понял, отношения между Витольдом и Аленой из любовных превратились в дружеские. Она ведь очень хорошо разбиралась в украшениях. Знала многих антикваров. Одним словом, была спецом в этом вопросе. И я без всякой задней мысли попросил Алену подобрать достойный вариант.

— И она нашла? — не удержался от вопроса Максим.

— Не просто нашла. Она принесла то бриллиантовое кольцо с сережками, о котором я говорил. Я не слишком хорошо разбираюсь в украшениях, но это было нечто. Какая-то уникальная вещь. Ты бы видел футляр. Он был не менее прекрасен, чем сам гарнитур.

— А сколько все это стоило?

— Ясно, что баснословно дорого, но сколько, я не спрашивал.

— Как? Вы же должны были показывать Витольду эти украшения.

— Алена не выпускала из рук этот футляр. Не представляю себе, как ей доверили эти цацки. Я позвонил Витольду, сказал, что у Алены есть то, что он искал. Он немного рассердился на меня, поскольку я впутал в это дело Алену, но потом смягчился. Попросил ее зайти к нему в кабинет. Для Максима эта новость была неожиданным поворотом в его размышлениях о мотивах отравления брата. Он решил обдумать все сказанное Штерном потом, сейчас было важно воспользоваться открытостью Сергея Сергеевича. И продолжать играть наивного и неосведомленного человека.

— Так Витольд купил или нет это кольцо с серьгами?

— Конечно, купил! И поставил на себе крест.

— Не понял...

— А что тут непонятного? Молодая женщина, верой и правдой отдававшая себя Витольду многие годы, своими руками приносит ему

неприлично дорогие украшения для его новой пассии. За столько лет сама она от него такого не получала, хотя возможно и была достойна этого больше, чем Маргарита.

Я Алену, как человека, оскорбленного до глубины души, могу понять. Думаю, она хотела отравить только ее.

— Откуда такие предположения?

— Ты же знаешь, Витольд из-за проблем с желудком вина не пил. А отравлены они были именно красным вином. Уверен на сто процентов, вино было предназначено Маргарите, а не Витольду.

— Сергей Сергеевич, а за что тогда Артемия Яковлевича?

Штерн взял свой стакан. Отпив большой глоток виски, он усмехнулся.

— Тут все еще проще. Во время поминок Тема говорил о портрете Маргариты. Помнишь?

— Смутно, — покачав головой, соврал Максим.

— Он предложил тост за талант Рудиса и привел пример, как Витольд заказал ему портрет Маргариты, на котором шею женщины должно было украшать колье...

— Да-да, припоминаю, — подхватил Максим, — на изображении были натуральные колье и серьги.

— Именно! Такую улику нельзя было оставлять. Алене ничего не оставалось, как убить Каратаева и уничтожить портрет.

— Это в том случае, если украшения находились у нее.

— Они, несомненно, были у нее либо оказались после смерти Витольда, а может быть, еще и до смерти.

— Удивительно, откуда у нее яд? И знания о том, как он действует?..

— Дорогой мой друг, Алена окончила химический факультет МГУ, так что в ядах она разбиралась.

Максим опустил голову. Он смотрел на тлеющие в камине угольки.

Настроение было противное. На мгновение он задумался, откуда Сергей

Сергеевич знает, что в квартире Рудиса не было украшения. Но воспоминания о встрече с Аленой у мастерской Каратаева вновь погрузили его в мрачную грусть.

Штерн попивал виски, сочувственно наблюдая за Максимом.

— Я понимаю, какую боль ты сейчас испытываешь. Одно могу тебе сказать: есть Бог. Убив ни в чем не повинных людей, она сама погибла в аварии. Воистину пути Господни неисповедимы.

Глава 19

Посидев еще около получаса, выпив крепкий чай, Максим поблагодарил Штерна за гостеприимство и откланялся. Провожая его к машине, Сергей Сергеевич напомнил об их договоренности разобраться с бумагами Витольда на следующей неделе.

Максим ехал в сторону Москвы. В голове был сумбур. Полтора года он был твердо убежден, что именно Алена отравила Витольда с Маргаритой и Каратаева. Теперь картина менялась: многие детали указывали на участие в преступлении Амелии. И до сих пор была непонятна роль писателя Гарри Самуиловича, его острый интерес к папке Рудиса.

Мысль о том, что Алена не виновата, приносила огромное облегчение. Он терзался сознанием своей вины за то, что в тот злополучный день он ушел, не попытавшись выслушать Алену. Пусть так, лишь бы знать, что в этом чудовищном преступлении она не замешана. Он продолжал ее любить. Он жаждал, чтобы женщина, ставшая его идеалом, оставалась в памяти чистой и благородной.

Уверенность Сергея Сергеевича в том, что отравила именно Алена, логическое сопоставление фактов приводило его в смятение. Он не хотел верить в предположения Штерна. Но ее непосредственное участие в продаже Витольду бриллиантового кольца, о чем он не знал, и то, что Алена по специальности химик — как он мог это забыть! — заставляли его вновь склоняться к мысли, преобладающей в последние полтора года. Внутри у него все кипело, и все же он не переставал верить в невиновность Алены. Невольно он спрашивал себя, что это: точность интуиции или сознательное нежелание принять совершенное ею преступление и тем самым разрушить созданный им идеальный образ? Ответа не было.

Телефонный звонок прервал его невеселые размышления. Это была Ольга, администратор театра.

— Здравствуйте, Максим Александрович.

— Здравствуйте, Ольга.

— Максим Александрович, меня Олег Владимирович попросил с вами связаться и узнать, когда вы могли бы с ним встретиться по поводу материалов Витольда Альбертовича по постановке «Мастера и Маргариты».

— А что он сам не звонит?

— Ой, Максим Александрович, — Ольга по своей привычке стала ойкать, — мне думается, он вас немного стесняется, что ли. Я спросила его, почему он сам не позвонит, а он мне сказал, что он чувствует себя неловко...

— Ну, это пройдет. Ты скажи ему, что я готов подстроиться под его расписание. Пусть не стесняется, звонит, и мы договоримся.

— Я так ему и передам. Максим Александрович, а вы Людмиле Михайловне не звонили?

— Кому? — не понял Власов.

— Людмиле Михайловне, — повторила Ольга, — это мама Алены.

— Ох, да, — вспомнил Максим, — как раз собирался ей позвонить.

— Хорошо, Максим Александрович, извините за беспокойство. До свидания.

— До свидания. Ольга, Ольга, — Максим кинулся, словно в последний вагон отходящего поезда.

— Да...

— А где она живет?

— Дома.

— Это понятно, что дома. Я имею в виду, в каком районе?

— А-а, — музыкально протянула Ольга, — около метро «Достоевская». Там переулочек, названия не помню. Там такой большой новый дом.

— Хорошо, Ольга, спасибо, я разберусь. До свидания.

— До свидания, Максим Александрович.

Власов отключил телефон. На дисплее крупные цифры показывали время, 16:47.

У Максима не было сомнений, звонить или не звонить. Он сразу решил, что обязательно должен позвонить, заехать к ней и постараться помочь женщине, потерявшей единственную дочь. Дочь, ставшую для Максима незабываемой любовью.

Власов остановил машину. Нашел в телефонной памяти нужный номер и позвонил.

— Людмила Михайловна?

— Да...

— Здравствуйте, меня зовут Максим Власов. Ольга Александровна мне дала ваш телефон...

— О-о, Максим, — оборвала его на полуслове женщина, — как хорошо, что вы позвонили. Мне нужно вам передать одну вещь.

— Когда к вам можно будет заехать?

— А сколько сейчас времени?

— Без десяти пять.

— Если вы успеете до семи часов, можно сегодня. А так я днем практически всегда дома.

— Я недалеко от вас нахожусь. Думаю, в течение минут сорока могу быть у вас.

— Хорошо. Вы знаете, куда ехать?

— Мне Ольга сказала, в районе метро «Достоевская».

— Да-да. Вы запишете или запомните?

— Запомню!

Женщина продиктовала адрес. Максим, хотя и знал этот район, на всякий случай набрал на навигаторе услышанный адрес. По дороге он остановился и забежал в супермаркет. Как всегда, принцип «не идти в гости с пустыми руками» был непоколебим. Он купил фрукты, небольшой торт. При выходе из супермаркета заметив цветочный киоск, выбрал симпатичный букет.

Дверь открыла эффектная дама, на вид ей было не более шестидесяти лет. Людмила Михайловна поблагодарила Максима за цветы, но остальными покупками возмутилась.

— Ну тогда, — сказала она, принимая коробку с тортом, — я вас без чая не отпущу.

— С удовольствием, на улице такой мороз, что от чая я не откажусь.

— Проходите, Максим.

Хозяйка провела Максима в гостиную.

— Вы тут посидите, я сейчас чайник поставлю.

Людмила Михайловна, оставив Власова в просторной гостиной, пошла в кухню. Максим сел в кресло и стал рассматривать комнату. Возле дивана были разбросаны детские игрушки — явный признак того, что здесь живет или часто бывает ребенок. У противоположной стены его внимание привлек величественный комод. На нем стояли несколько фото-рамок. Фотографии в них были небольшие, и Максиму было трудно разглядеть, кто на них запечатлен. В надежде, что на одной из этих фотографий он увидит Алену, он поднялся и подошел к комоду.

— А вот и Алена, — прошептал Максим.

На фотографии Алена была совсем юной. Она стояла между мужчиной и женщиной. Максим сразу узнал в женщине Людмилу Михайловну. А мужчина, по всей видимости, отец Алены. Он взял рамку и приблизил к себе, всматриваясь в любимое лицо.

Неизвестно, сколько бы он так мог стоять и смотреть на фотографию, если бы в комнату не вошла Людмила Михайловна.

— Смотрите фотографии? — с порога спросила хозяйка.

— Да. Хороший снимок.

Людмила Михайловна поставила поднос с чашками, чайником и нарезанным тортом. Только после этого она бросила взгляд в сторону Власова. Максим, державший до этого фото в руках, поставил его на место.

— Да, хороший и единственный, где мы вот так вместе втроем, — последние слова были наполнены печалью.

— А кто этот чудный малыш? — Максим, пытаясь отвлечь Людмилу Михайловну от грустных мыслей, перевел взгляд на фотографию маленького мальчика.

— Правда, чудо? — Лицо женщины преобразилось. — Это сын моей племянницы.

— Красивый малыш. Это, по всей видимости, его игрушки, — Власов повернулся в сторону дивана.

— Да, он сейчас спит, уснул позже, чем обычно. Он моя отдушина. Если бы племянница не переехала в Москву и не привезла его с собой, я не знаю, как бы перенесла потерю дочки и мужа.

Женщина опустила голову. Она спокойно стала переставлять с подноса на стол чашки, чайник, маленькие тарелки и овальное блюдо с тортом.

— Ну, что вы стоите, присаживайтесь.

— Спасибо.

Они молча сидели друг против друга. Людмила Михайловна с еле заметной улыбкой, но печальными глазами изучающе смотрела на Максима. Максим в свою очередь, попивая чай, изредка поднимал свой взгляд на женщину. Она выглядела существенно моложе своих лет. Даже в простой домашней одежде в ней была неотразимая элегантность.

Власов поймал себя на мысли, что с возрастом дочки часто становятся похожи на своих матерей. И что Алена, если бы была жива, наверное, с возрастом стала бы такой же аристократичной дамой, как ее мама.

— Я вас таким и представляла, — прервала затянувшуюся паузу Людмила Михайловна.

Максим не смог сдержать удивления. Откуда она могла знать о нем? Когда Алена успела рассказать о нем своей матери? Видимо

почувствовав мысли Максима, Людмила Михайловна продолжала:

— Алена мне часто рассказывала о вас. Наши отношения с возрастом переросли в дружбу. У меня не было более близкой подруги, чем моя дочь, и у нее не было лучшей подруги, чем я. Она рассказывала, что когда вы с ней познакомились, ваш брат из ревности делал все, чтобы вы с ней не общались.

— Да, — Максим усмехнулся, — было такое. Действительно, вы многое знаете.

— Вы ей нравились с первого дня вашего знакомства. Как я хотела, чтобы у дочки сложилась семейная жизнь. Но, видно, так Богу угодно. Жаль.

Скрывая слезы, она встала и вышла из гостиной.

Власов остался в комнате один со своими мыслями. Время словно остановилось. Минут через пять Людмила Михайловна вернулась, как ни в чем не бывало. В руках у нее была ваза с цветами.

— Какой прекрасный букет, спасибо вам. Мне давно никто не дарил цветов.

Из соседней комнаты послышался голос ребенка.

— О, проснулся, мой родной, — оживилась Людмила Михайловна.

Максим вновь остался один. Он встал и подошел к комоду. Ему хотелось вновь посмотреть на Алену.

В комнату вбежал маленький мальчик. Он пронесся мимо Максима в сторону дивана. Взобрался на него и стал трепать мягкую игрушку. Следом вошла хозяйка.

— Какой у вас активный мальчик...

— О, да. Мне иногда кажется, что у него внутри вечный двигатель. Максим, улыбаясь, подошел к дивану, сел на край и протянул руку.

— Здравствуйте, молодой человек.

— Он у нас еще не говорит. Только отдельные слова...

Малыш с большими светло-кариими глазами с длинными ресницами смотрел на Максима с чистой и искренней улыбкой. Максим продолжал смотреть на него с неожиданно радостным чувством. Видимо почувствовав его симпатию, малыш с мычанием протянул Максиму мягкую игрушку.

— Спасибо...

— Вы ему приглянулись, — Максим услышал голос хозяйки за спиной.

— Какой доброжелательный ребенок. А как зовут тебя, малыш?

— Максимка, — после непродолжительной паузы ответила Людмила Михайловна.

— О, так мы с тобой, получается, тезки, — Власов протянул руку и пальцем пощекотал животик малыша.

Максимка сначала встал на четвереньки, а потом, выпрямившись, обнял Максима за шею.

— Вы нас извините, но ребенку надо поесть. У нас режим.

Власов встал, погладил ребенка по головке и повернулся к Людмиле Михайловне.

— Да-да, я понимаю.

В коридоре он уже надел ботинки и собирался надеть куртку, когда Людмила Михайловна принесла полиэтиленовый пакет.

— Вот, Максим, это то, что просила передать вам Алена. — В глазах женщины снова показались слезы. — За пару дней до того рокового дня, когда произошла авария, Алена принесла мне этот пакет. Сказала, что, если с ней что-то случится, я должна передать вам это. Вы меня извините, я с этой трагедией совсем забыла об ее последней просьбе. А потом тяжело болел мой муж. Очень тяжело переносил боль потери Алены. Летом я похоронила его. Только недавно в разговоре с Ольгой я случайно вспомнила об этом пакете. Вы меня простите, что так поздно... — Не надо извинений. Я прекрасно понимаю ваше состояние. Людмила Михайловна, я... помню Алену. Вот мои телефоны, — Максим протянул свою визитку, — пожалуйста, звоните, всегда буду рад вам помочь. Женщина прослезилась. Подошла, обняла Максима и поцеловала по-матерински в щеку. Власов попрощался. Затем опустился на корточки, обнял маленького Максимку, который молча стоял возле Людмилы Михайловны, ухватившись за ее подол, — поцеловал его и вышел из квартиры.

В машине было холодно. Термометр на панели показывал минус девятнадцать. Он ждал, пока машина немного прогреется. Перед его глазами была дверь в подъезд, откуда он недавно вышел. Одновременно в кармане Власова начал трезвонить телефон, и к дверям подъезда подошла женщина в темном стеганом пуховом пальто и вязаной шапочке.

— Максим Александрович...

Власова, сразу узнавшего голос Андрея Глебова, насторожил тон.

— Да, Андрей Федорович, — ответил Максим.

— Вы сидите или стоите?

— Сижу, машину грею. Что-то случилось?

— Нашли машину, свалившуюся в овраг. За рулем был ваш «любимый» писатель...

- Неужели Гарри? — мгновенно вылетело из уст Максима.
- Да. Дело ведут мои коллеги, я хочу заскочить к ним, узнать подробности.
- А ты знаешь, вчера вечером на фуршете я провернул одну авантюру...
- Давайте не по телефону. Вы через пару часов где будете?
- Дома.
- Я закончу дела и подъеду, если не возражаете.
- О чем ты говоришь. Приезжай, буду ждать.

Глава 20

Всю дорогу домой Максим обдумывал эту новость. Известие, что и говорить, было неожиданное. Разные мысли крутились в голове.

Войдя в дом и скинув с себя верхнюю одежду, он достал пакет и вынул завернутый в белую бумагу и заклеенный скотчем предмет.

По размерам этот предмет напоминал не книгу, а скорее папку-портфель. Сердце у Максима сильно и часто забилося. Оставив пакет в коридоре, он со свертком прошагал в кабинет.

Сидя в кресле, он долго не решался разорвать бумагу. Смотрел на сверток и все больше уверялся в том, что в свертке находится папка.

Максим вздрогнул всем телом, когда, разрезав бумагу, увидел темно-коричневую кожаную папку с тиснением. Это была та самая папка Рудиса, за которой охотился Гарри Самуилович.

Волнение не давало сосредоточиться. Он откинулся на спинку кресла и сделал несколько глубоких вдохов. Немного успокоившись, он наконец-то открыл папку. В основной секции в файлах были разложены бумаги. В небольшом карманчике была видна половина конверта. Максим взял конверт. Удивлению его не было предела, когда он прочитал надпись на конверте: «М.А. Власову. Лично»... Первое, что пришло на ум Максиму, не вскрывался ли конверт. Он включил настольную лампу, и поднес его к свету. Тщательно изучил склеенную часть — нет, не вскрывали. Он внимательно посмотрел на надпись. Она была сделана до боли знакомой рукой. Этот почерк он знал с детства, когда читал книги, принадлежавшие старшему брату.

Максим раскрыл конверт и вынул пять страниц текста, написанного рукой Витольда. Он надел очки, откинулся назад и стал читать.

«Дорогой мой, любимый братишка!

Ты знаешь, что прежде я никогда так тебя не называл. Но сегодня сказать тебе эти слова меня побудили обстоятельства. Эти обстоятельства называются смерть. Ты читаешь это письмо, а это значит, что меня уже нет в живых. Возможно, моя душа останется жить. Не знаю, посмотрим, буду ли я видеть тебя сверху)))).

Знаю только одно, я чувствую ее приближение, она практически уже рядом, эта — в темном плаще с косой. Я пишу тебе, не будучи уверенным, увижу ли тебя завтра. Как впрочем, никто, ни юноша, ни старик, не может быть уверен, что для него наступит завтра. Сегодня, может быть, последний раз, когда я думаю о тех, кого люблю. Возможно, я не успею как следует в последний раз обнять тебя и поцеловать. Хочется надеяться, что завтра будет, и жизнь предоставит мне еще одну возможность все исправить. А вдруг я ошибаюсь, и завтра не придет никогда? Вероятно, я не успею сказать: я глупец, вся жизнь прошла, и только сейчас я понял, что есть у меня родной человек, брат, которого я очень люблю!

Максим, родной, прости меня.

Ты еще не появился на свет, а я уже ревновал и завидовал тебе.

Ревновал, что теперь наша мама всю свою любовь отдаст тебе и про меня забудет. Завидовал, что ты будешь расти, не зная войны, холода и голода, не то что я. Какой-то дурацкий эгоизм во мне тогда пробудился.

Прости меня, Максим. Я многое мог сделать для тебя, для твоего благополучия, карьерного роста, думаю, даже в вопросе создания семьи. Но палец о палец не ударил ради этого.

Нет у меня никого, кроме тебя. Только сейчас я понял, что хочу любить тебя, как самого близкого мне человека, единственного, после мамы. В отличие от меня, ты перенял от нашей мамы доброе и отзывчивое сердце. Если в юности я завидовал тебе, то сегодня горжусь, что у меня такой брат.

Ты лучший, Максим!!!

И второе, я хочу, хоть и поздно, сказать все то, что всю жизнь не решался сказать никому.

Ты не представляешь, как я благодарен судьбе, что хоть и поздно, но все-таки я открыл глаза, проснулся от эйфорического сна. Проснувшись, я поймал себя на мысли, что я всю свою жизнь заблуждался. Мои заблуждения не касаются работы, театра. Заблуждения эти были связаны с другой стороной моей жизни.

Мои заблуждения были подобны заблуждениям Фауста. Я так же, как и он был опьянен миражами, созданными Мефистофелем, сатаной.

Уезжая из Советского Союза недовольным и презиравшим все и вся, имеющее отношение к коммунистической идеологии, я стал плодородной почвой для посева во мне масонских идей. Я был опьянен тем, что мне дали новую реальность, возможность быть свободным. Мне хотелось жить, и жить приятно. Я считал невероятной глупостью, что для счастья надо страдать.

Читая эти строки, ты посчитаешь меня дураком. И будешь прав.

Ситуация идиотская, политкорректность здесь не уместна.

Все, во что я верил, оказалось миражом, построенным масонами. Я понял, что этот мираж, словно болото, готов засосать любого, кто поверит в иллюзии. Сегодня в моем сердце поднимаются волны ненависти ко всему масонскому. Я мучительно искал выход из окутавших меня миражей. Видимо, из-за своей режиссерской профессии я старался облачаться в разные шкуры, пытаюсь понять, что происходит со мной и где выход.

Я надевал на себя «шкуры» и входил в образы. Становился ангелом Апокалипсиса, затем Сатаной. Становился Эдипом и Нероном, затем Иисусом Христом, страдающим на кресте. Я был готов взойти на Голгофу, чтобы меня наконец-то распяли и убили.

Я ощущал себя попавшим в совершенно пустой мир, не имеющий ни форм, ни горизонтов, не имеющий даже языка, чтобы можно было хоть что-то сказать. Ужас состоял в том, что я не понимал, как я сюда попал, что я должен делать и почему меня отсюда не отпускают. Что же будет дальше? И вот стою я, несчастнейший из несчастнейших, решительно не понимающий, что делать, ведь мне, как никому другому, было известно, что виной всему я сам, продавший свою душу дьявольскому ордену масонов.

Пытался читать духовные книги, ходить в церковь, молиться... в надежде, что Он очистит меня, вернет мою проданную душу.

Глупо! Зачем взывать к Богу, если Он вокруг, везде, если Он — это ты, а ты — Он. И только ты можешь вернуть свою душу. Через любовь.

Истинную любовь, а не влюбленность.

Помнишь, в «Фаусте», в Прологе на небесах, Господь говорит, что умом этот доктор еще во мраке, но будет озарен лучом истины? На что Мефистофель просит у Господа позволения повести Фауста за собой. И ответ Господа Мефистофелю:

Пока живет он на груди земной,

Тебе на то не будет запрещенья:

Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

.....

Тебе позволено: иди

И завладей его душою

И, если можешь, поведи

Путем превратным за собою, -

И посрамлен да будет сатана!

Знай: чистая душа в своем исканье смутном

Сознания истины полна!

Вот так, любимый мой брат Максим, про меня, попавшего под влияние масонов, лучше не скажешь. Я попал на путь превратный, а ты никогда бы не попал. У тебя душа чиста и «сознания истины полна»!

Я горжусь тобой!

Не знаю, помнишь ли ты один из вечеров после моего возвращения в Москву. Мы с тобой говорили о масонстве. Ты и понятия не имел, что твой старший брат — масон. Не просто масон, а масон, находящийся на высокой ступени, имеющий высокий градус. За последние двадцать лет мой градус увеличился до тридцати. Ты прекрасно знаешь, что это за уровень.

Так вот, ты возражал мне, ты был рьяным противником всего масонского. Хотя почему был? Уверен, ты всегда будешь таким. В тот вечер ты приводил множество фактов, доказывающих ложь и фальшь масонов. Ты даже не представлял, каково мне это было выслушивать. Мне, масону, желавшему ввести тебя в ряды своих собратьев, ты дал отпор, показав главную черту масонства, его безбожие и яростное отрицание Бога и Господних законов.

Ты смог проникнуть в смысл тайной организации и понять суть, подлинные цели и идеологию масонского учения. Понять, что повторяемые ими слова: «человеколюбие, милосердие, вселенское братство, союз ума и науки» — никак не сочетаются с их делами.

Молодец!

В тот вечер я понимал тебя, но не принимал. Решил впредь эту тему с тобой не затрагивать и постараться сделать так, чтобы ты не узнал о моей принадлежности к масонам. Но самое интересное оказалось в том, что в тот вечер ты заронил во мне семя сомнений. Посадил осину, из которой лет через пятнадцать будет выточен кол, предназначенный, словно Дракуле, пронзить мою грудь.

Монстры рожают монстров. Но с каждым поколением монстры становятся все более страшными. Подобно зверю, описанному апостолом Иоанном в Откровении.

Трудно прозреть, еще труднее жить в ясном сознании. Когда видишь своих бывших «собратьев» ослами с морковками, подвешенными перед их носом. Они идут лишь потому, что видят морковку. Экие счастливцы! А у меня уже морковки нет. Я остановился и внимательно посмотрел на них. Захотелось крикнуть: «Ишаки, миленькие, куда вы так торопитесь?» Но промолчал.

О моем желании поставить «Мастера и Маргариту» великого Булгакова, ты знаешь. Я обнаружил, что Булгаков в тридцатые годы увидел то, что будет происходить через пятьдесят лет. Хронология событий романа соответствовала событиям, происходящим в России. Все беды в романе шли от Воланда, дьявола и масона. Подобно бедам, которые принесли в Советский Союз масоны, — из-за них он и развалился... Я несколько раз возвращался к идее поставить этот роман именно так. Но каждый раз ощущение того, что я один из этих «воландов», один из тех, кто стремился разрушить Россию, останавливало меня.

Ужасно тяжело сознавать, что тебя обманули, ввели в заблуждение. Думаешь, что работаешь на благо России, а на деле своими руками помогаешь ее разрушить.

Верю, что настанет время, когда масоны с их дьявольскими планами покинут Россию. Подобно булгаковскому Воланду, устремившемуся со свитой в бездну тьмы. Лучше поздно, чем никогда!

Я не хочу больше обманывать ни себя, ни тебя. Однако сегодня, зная твоё отношение к масонам, я все-таки не решился поговорить с тобой с глазу на глаз, и вот пишу это письмо».

Максим улыбнулся, дойдя до слов: «Это первая часть моего Марлезонского балета». И в этом тоже был Рудис. Одновременно теплый и холодный, трагический и комический.

Власов положил листочки письма на стол. Было трудно читать. Волны грусти и гордости поочередно накатывали на него. Он взял последний лист письма.

«Да, еще хотел тебе сказать. Ты заметил, в папке есть несколько файлов. Это мой план постановки «Мастера и Маргариты». К сожалению, так складывается судьба, что мне не суждено осуществить задуманное.

Передай эти материалы Левушке. Он отличный парень, надеюсь, станет известным режиссером и переплюнет меня. Это мой ему подарок.

Хочется надеяться, он сможет понять и достойно поставить «Мастера» в совершенно новом прочтении.

Я ни для тебя, ни для него ничего не сделал в жизни. Прошу тебя, Максим, помогай ему и за меня, и за себя.

В папке есть и еще более любопытные материалы. Это мой долг перед Россией. Мое желание очиститься.

Будь осторожен, ради этих материалов многие, чьи фамилии ты увидишь в списках, ни перед чем не остановятся.

Ты, конечно, думай сам, ты мальчик взрослый и вправе поступить так, как считаешь нужным. Но мой тебе совет: если ты не сделаешь этого сегодня, завтра будет таким же, как вчера. И если ты этого не сделаешь никогда, ничто не будет иметь значения. Воплоти наши мечты о низвержении зла.

Никто не запомнит тебя за твои мысли. Проси у Господа мудрости и силы, чтобы не только говорить о том, что чувствуешь, но и делать то, что думаешь. Покажи матушке России, как она важна для тебя.

Этот день пришел.

Обнимаю тебя и целую, любимый мой брат Максим!»

Письмо было написано вечером, за день до смерти Витольда.
— Мистика, — потрясенно прошептал Максим.

Глава 21

Он принялся изучать содержимое папки. Перевернул несколько страниц и стал рассматривать сценографию к постановке «Мастера и Маргариты», когда раздался телефонный звонок.

— Максим Александрович, вы готовы принять гостя?

— Естественно, если это господин Глебов, — в том же тоне ответил Максим.

— Я сейчас в магазине, что-нибудь привезти?

— Да нет, все есть, ничего не надо. Лучше приезжай поскорее.

Положив бумаги на стол, Максим прошел на кухню. Он по-холостяцки накрыл стол. Вынув из холодильника скудные запасы еды, заметил, что особо-то и есть нечего. Ему стало неловко.

Положение спас Андрей, принесший увесистые пакеты из соседнего магазина. Они быстро разложили по тарелкам содержимое пакетов и сели ужинать.

— Я бы с удовольствием выпил, — осторожно сказал Максим, — но поскольку ты за рулем, не стану тебя раздражать.

— Нет никаких проблем, я с водителем.

— Ну да, я совсем забыл, ты же теперь большой начальник. Что будешь?

— А что есть? — усмехаясь, спросил следователь.

— От Витольда осталась целая армада нетронутых бутылок. Так что, виски, водка, коньяк?

— Давайте водочки.

На кухне было тихо. Голодные мужчины были заняты поглощением еды.

— Ну что, выпьем, — предложил Максим, поднимая рюмку.

— Выпьем, — согласился Андрей.

Не чокаясь, лишь едва заметным движением руки приветствуя друг друга, они выпили и потянулись к разным закускам.

— Теперь уже могу спокойно рассказать о смерти вашего писателя, — начал Андрей.

— Ты мне скажи, это случайность или...

— Или, — не дал договорить Максиму Глебов. — Авария произошла приблизительно под утро. Машина вылетела на повороте с дороги в овраг, несколько раз перевернулась. Скорость была однозначно высокая. За рулем находился этот Гарри.

— Я не понял, значит все же случайная смерть?

— С виду да. Но не для нашей Ирины Вадимовны, — следователь одновременно ел и говорил, естественным образом делая паузы.

— Для кого?

— Корифея медицинской экспертизы. Я ее специально попросил осмотреть труп.

— Ну и... — частые паузы начали нервировать Власова.

— Она осмотрела и вынесла свой вердикт. Писатель был убит раньше. То есть, как ты понимаешь, убили, потом подстроили аварию. Но что самое интересное, Ирина Вадимовна утверждает, что писателя до смерти пытали.

Максима словно ударило током, он вскочил со стула.

— Что с вами?

— Слушай, ты не представляешь, что было вчера на фуршете, — Максим снова сел.

— Кстати, как прошел вечер?

— Прекрасно, в конце постановки весь зал прослезился. Жаль, что тебя не было.

— Я, между прочим, вчера после нашей встречи искал Амелию.

— Ого, интересно. Она же трусишка, чуть прижать, все расскажет как на духу.

— Если найдем.

— А почему так пессимистично?

— Единственное, что нам пока удалось выяснить, — она в середине августа вылетела в Испанию. До сих пор в Россию не возвращалась.

— И что же делать?

— Я уже попросил своего приятеля из Интерпола через личные каналы посодействовать в ее поиске.

— А почему личные каналы, можно же сделать официальный запрос в Испанию, чтобы те выдали ее.

— У вас что, есть решение суда о причастности Амелии к убийству? — усмехнулся Глебов. — То-то же. Я не исключаю, что ее, может быть, уже нет в живых, как и нашего писателя.

— Ты думаешь? — упавшим голосом спросил Максим.

— Не исключаю, — жестко сказал следователь. — Они расправились с известным писателем, а что для них какая-то там актриса?

— Я так и не досказал, что было на фуршете.

Максим сделал паузу, акцентируя значимость того, что он сейчас скажет.

— Когда вчера ты рассказал о смерти водителя в тюрьме, я просто возненавидел Гарри. Собственно, я и раньше не питал к нему симпатии. Так получилось, мы оказались в одной компании. Гарри не поздоровался со мной, когда мы встретились. Но стоило чиновнику протянуть мне визитку, как он сразу же вспомнил меня. Начался неприкрытый подхалимаж. Я разозлился. Говорили о том о сем, разговор зашел о нереализованной постановке Витольда «Мастера и Маргариты» и желании нового главрежа театра поставить ее в витольдовском прочтении. Попросили меня помочь с материалами.

Я не знаю, что меня заставило выдать им столь рискованный ответ.

У Глебова заблестели глаза.

— С этого места попрошу подробнее.

— Зная, что Гарри искал пресловутую папку в этой квартире, я возьми и скажи, что да, у Витольда была старая кожаная папка, такая красивая, с тиснением. Он всегда клал в эту папку материалы по пьесе, которую намерен был поставить. Папка была для него что-то вроде талисмана. Я предположил, что материалы по «Мастеру» Витольд хранил в этой папке. Но сказал, что в квартире ее не нашли.

— Ну-ну, — Глебов разлил водку и жестом предложил выпить.

— Вот тут-то и начинается авантюра, — выпив водку и скривившись, продолжил Максим. — Якобы домработница Витольда, когда узнала, что я ищу и не могу найти его знаменитую папку, сказала мне, что видела ее в последний раз у знакомой Витольда, куда она ходила убираться по его просьбе.

— То есть у Маргариты... — оживился следователь, — и что дальше?

— Что дальше? Папки в ее квартире, говорю, тоже не было. Сказал, что знакомая Витольда, как ни странно, скончалась, и в тот же день, что и Витольд. И когда ее увезла скорая, двери в квартиру были взломаны.

— Подожди, двери в квартиру были взломаны на следующий день после ее смерти.

— Правильно. Но я специально допустил погрешность в хронологии, дабы не показывать свою полную осведомленность.

— Хитро!

— Якобы, — продолжал Максим, — домработница Татьяна Ильинична видела, как вся квартира была перевернута вверх дном. Пропали драгоценности хозяйки и еще много чего. Ну и под конец сказал, что красивая старинная папка, видимо, приглянулась ворами.

— Максим Александрович, вы даете. Получается, вы спровоцировали смерть «любимого» писателя, — в голосе Глебова чувствовался сарказм.

— Андрей, видит Бог, я этого не то что не хотел, я даже не подозревал, что после моего рассказа его убьют, — Максим невольно стал оправдываться.

— Тем не менее мы имеем то, что имеем.

Власов по-детски смотрел на следователя. Трудно было свыкнуться с мыслью, что он виновен в смерти человека. Не важно, какой он был — хороший или плохой, добрый или злой. Это был просто человек.

Глебов потянулся к бутылке, наполнил рюмки и сказал:

— Не надо себя винить. Выпьем лучше.

Они выпили. Максим хотел что-то сказать, но в голове был полный кавардак. Он опустил глаза, уткнувшись взглядом в точку в узорном обрамлении тарелки.

— Алло, Коля, — в тишине безмолвия громом прозвучал голос Андрея, — уже поздно, поезжай домой. Завтра как обычно. Отдыхай. До свидания.

Максим поднял голову и вопросительно посмотрел на следователя.

— Я водителю звонил. Уже начало одиннадцатого, поздно. Пусть отдыхает, а я такси вызову.

Забота Глебова задела Максима, как укор.

— Хватит мучить себя, — жестко сказал Андрей, — лучше вспомните, кто был рядом, когда вы рассказывали эту историю.

— Кто был... — задумался Власов. — Лева, мой племянник, Олег Калинин, Ольга, администратор театра, Штерн, Алексей Иванович с Верой Шамильевой, чиновник из Правительства России, Михаил, по моему Дмитриевич, и Гарри.

— Больше никого не было?

— Нет.

— Не очень много. Во сколько у вас этот разговор происходил?

— Значит так, без малого десять вечер закончился. Где-то в начале одиннадцатого начался фуршет. — Максим слегка оживился. — Мы стояли со Львом, спустя минут тридцать — тридцать пять к нам подошла Ольга, привела с собой Калинина. Общались мы от силы минут десять, когда в нашу компанию влились остальные.

— То есть около одиннадцати...

— Да, где-то так.

— Ирина Вадимовна сказала, что смерть писателя наступила от трех до четырех ночи. Гематомы появились на теле ориентировочно за один-два часа до наступления смерти.

— Получается, его встретили прямо у театра, — Максим горестно вздохнул. — Мой рассказ о папке предопределил его смерть.

— Думаю, да. Я вчера после нашей встречи просмотрел свои старые записи, связанные с отравлением Рудиса. Смотрите, какая удивительная картина у нас получается. За час-полтора до смерти вашего брата к нему заходили четверо из этой компании.

— Профессорская чета и водитель Гарри. Был еще некий работник из министерства культуры.

— Это был Михаил Дмитриевич. Он сейчас в Правительстве, занимает серьезную должность.

— А как ты узнал?

— Это не я. Катерина, моя помощница, составила словесный портрет со слов вахтерши. По описанию собрала десяток фотографий сотрудников Минкульты и показала их вахтерше.

— А ты мне об этом не говорил.

— Тогда, если вы помните, авария на Бережковской набережной поставила жирную точку на Бердниковой. И мы не стали разрабатывать другие версии.

— И все они были на поминках Рудиса, когда был отравлен художник Каратаев, — вскрикнул Максим.

— Совершенно правильно. Столько лучей, сходящихся в одну точку, не может быть случайностью. Начинает проглядывать истинная картина событий. Помните слова Франгуляна, что после того как он разворочил кабинет в поисках папки и встретился с Гарри, тот кому-то звонил и докладывал. Получается, тот, кому звонил писатель, был в компании, где вы рассказали о папке. Кто-то из компании — кукловод. Итак, кто им может быть?

— Думаю, Ольгу и Калинина надо сразу вычеркнуть. Ну, Штерн и Лева, естественно, ни при чем. А ты знаешь, — Максим задумался, — вчера в театре я увидел Гарри в фойе. Он крутился перед Алексеем Ивановичем в духе «чего изволите». Затем на фуршете — ты бы видел, как он заискивал перед профессором!

— Какого вы мнения об этом профессоре?

Вопрос Глебова заставил Максима призадуматься. Он вспомнил, как побарски вел себя писатель в гостях у Баграта. И как он лебезил вчера перед Алексеем Ивановичем. Это все не просто так. Власов стал искать, что их может связывать. Два таких разных, решительно ни в чем не похожих человека. То, что противоположности притягивают друг друга, было известно, но это был не тот случай. Гарри не просто так делал стойку перед профессором. Может быть, этот интеллигентный человек и есть, как говорит Глебов, кукловод.

— Твой вопрос меня озадачил, — признался Максим. — Так получилось, что мы столкнулись у выхода из театра и решили пойти в ближайшее кафе. Этот невероятно много знающий, обладающий великолепной памятью старичок рассказывал о возникновении и распространении двух религий.

И Максим вкратце передал Глебову суть той дискуссии, которая была у него с Алексеем Ивановичем.

— Знаете, это очень интересно, я нигде раньше этого не слышал.

— Да, неординарный взгляд, имеющий право быть. Мы с тобой на эту тему поговорим как-нибудь. У меня в связи с этим появилась одна любопытная идея.

— Какая? — загорелся Андрей.

— Это долгий разговор, давай как-нибудь после. Если хочешь, в ближайшие дни.

— Хорошо, — недовольно уступил Глебов.

— Так вот, после того как Гарри лебезил перед Алексеем Ивановичем, у меня возник вопрос. С чего бы это? Несомненно, их что-то их связывает.

— Может, оба масоны, — предположил Глебов.

— Непонятно, почему он рассказывал мне о том, как масонами были созданы религии. Показать, насколько они сильны?

— Или попробовать ввести тебя в их ряды...

— Может быть, — Максим задумался. Он вспомнил слова Алексея Ивановича: «Среди них есть умнейшие люди, в противном случае они бы не смогли и по сей день править миром».

— Возможно, он и есть кукловод. Как ты считаешь, встреча была случайной?

— И да, и нет. Ему позвонила его супруга и сказала, что я еду в театр за пригласительными билетами. Рассчитать, когда я там буду, чтобы встретиться... Возможно, но очень уж...

Глебов смотрел на Власова. Казалось, его мысли были далеки, и он не слушает Максима.

— У меня не выходит из головы то, что водитель этого вашего Гарри сбил Филимонову. Откуда он получил информацию, что она собирается передать тебе папку?

— Понятия не имею, — Максим пожал плечами, — об этом знали только покойная Эля, я и ты.

— Однозначно есть еще кто-то, кто слышал о вашей договоренности с Филимоновой.

«Лева», — моментально подумал Максим. Его словно полоснули острой бритвой, боль молнией ударила в сердце. «Лева, — повторил в мыслях Власов, — а ведь, кроме меня и Андрея, о папке знал и он. Неужели он тоже замешан в этой истории? Полтора года назад, анализируя всевозможные версии отравления, я рассматривал и версию с участием Левы. Были же тогда какие-то основания... А встреча с профессором? Если она была подстроена, то когда Лева успел сказать Алексею Ивановичу о визите в поликлинику? Он все время был рядом и по телефону ни с кем не говорил. Идиот. Он же мог отправить сообщение».

— Вы так побледнели, нормально себя чувствуете? — спросил Глебов, вглядываясь в лицо Максима.

— Да нет, все в порядке. Давай еще по одной, не возражаешь?

Они молча выпили.

— Идет серьезная охота на папку, — продолжил Глебов, — и те, кто охотится на нее, видно, ни перед чем не останавливаются.

— Я сейчас, — Максим широко улыбнулся, встал и вышел из кухни.

Через минуту он вернулся, держа в руках злополучную папку.

— Это что?

— Та самая папка, — Максим протянул ее Глебову.

— Как это? Откуда?! — Андрей широко раскрыл глаза.

— Передала сегодня мать Алены Бердниковой.

— И вы скрывали это? — усмехнулся Андрей.

— Почему скрывал, — произнес Максим с кавказским акцентом, — считай это десертом.

— А это что? — Глебов раскрыл папку и стал перебирать бумаги.

— Материалы, связанные с постановкой «Мастера и Маргариты».

— И все? — Интерес Глебова спал, словно воздушный шар, проткнутый шилом.

— Нет, было еще письмо, адресованное мне. Оно в конверте.

Андрей взял в руки конверт. Прочитал на конверте: «М.А. Власову. Лично».

— Ну, в личное я вмешиваться не буду...

— Там нет ничего такого, что следовало бы скрывать от посторонних глаз. Более того, тебе обязательно надо прочитать это письмо.

Глебов вынул из конверта сложенные бумаги, расправил их и стал читать.

Максим видел, как у его бывшего студента, а ныне одного из руководителей СК во время чтения менялось лицо. Следя за его мимикой, Максим невольно старался угадать, какой абзац письма сейчас читает Андрей.

— Любопытно, — сдвинув брови, сказал Глебов и снова залез в папку. — А где файлы о масонах? — Андрей вопросительно смотрел на Максима.

— Их не было.

— Как, в письме же написано...

— Но, к сожалению, их нет. Меня самого это настораживает.

— А каким образом папка оказалась у матери Бердниковой?

— С ее слов я понял, что сразу после смерти Витольда ей эту папку принесла Алена и попросила, если с ней что-то случится, передать папку мне.

— Слушай, полтора года прошло, почему она так долго собиралась?

— Что тут странного? Дочь погибла в аварии, тело так и не нашли. Нет даже могилы, куда бедная женщина могла бы прийти, принести цветы, излить душу. Потом у нее муж скончался. Согласись, в таком состоянии не до папки было.

- Согласен, — с грустью сказал Андрей, — бедная женщина.
- Да-а, — протянул Максим.
- Полагаю, вам надо будет с ней еще раз встретиться. Просто так бумаги из папки не пропадают.
- Я об этом тоже думал. Хочу заехать к ней завтра.
- Это правильно, — Глебов устало посмотрел на часы. — С вами время летит незаметно. Уже поздно, поеду-ка я домой.

Глава 22

Попрощавшись с Глебовым, Максим вернулся на кухню. Он быстро убрал посуду, взял кожаную папку с бумагами и прошел в кабинет.

Мысли его путались. Он думал о возможной причастности своего племянника к делу, о подозрительной встрече с Алексеем Ивановичем, о приходе профессора к Витольду за час до его смерти. О присутствии профессора на поминках и смерти художника Каратаева. И, наконец, о смерти писателя Гарри Самуиловича после рассказа Максима о папке в компании, где находился этот улыбчивый седовласый профессор.

Максим открыл папку, взял письмо. В надежде найти что-то важное, он решил перечитать его. Для Максима было очевидным, что Витольд мог завуалировать то, что хотел сказать. Опыт режиссерских постановок в советское время, когда он умело маскировал свой истинный взгляд, не прошел даром.

Прочитав письмо, Максим ничего нового не нашел. Единственное, что привлекло его внимание, это последний лист письма. Он еще раз его внимательно прочитал:

«Да, еще хотел тебе сказать. Ты заметил, в папке есть несколько файлов. Это мой план постановки «Мастера и Маргариты». К сожалению, так складывается судьба, что мне не суждено осуществить задуманное.

Передай эти материалы Левушке. Он отличный парень, надеюсь, станет известным режиссером и переплюнет меня. Это мой ему подарок.

Хочется надеяться, он сможет понять и достойно поставить «Мастера» в совершенно новом прочтении».

— Неужели это ключ? Пожалуй, это в духе Витольда, — еле слышно сам себе сказал Максим.

Дыхание у него стало прерывистым. Он взял предпоследний лист письма и медленно, вникая в каждое слово, вновь стал читать уже дважды прочитанное:

«Верю, что настанет время, когда масоны с их дьявольскими планами покинут Россию. Подобно булгаковскому Воланду, устремившемуся со свитой в бездну тьмы. Лучше поздно, чем никогда!

Я не хочу больше обманывать ни себя, ни тебя. Однако сегодня, зная твоё отношение к масонам, я все-таки не решился поговорить с тобой с глазу на глаз, и вот пишу это письмо».

Максим вернулся к последнему листу. Глаза сразу нацелились на последние абзацы:

«Ты, конечно, думай сам, ты мальчик взрослый и вправе поступить так, как считаешь нужным. Но мой тебе совет: если ты не сделаешь этого сегодня, завтра будет таким же, как вчера. И если ты этого не сделаешь никогда, ничто не будет иметь значения. Воплоти наши мечты о низвержении зла. Этот день пришел.

Обнимаю тебя и целую, любимый мой брат Максим!»

Власов поднял глаза. В темном мониторе компьютера отражалось его задумчивое лицо. Вглядываясь в безмолвное отражение, он произнес: — Итак, через «Мастера и Маргариту» он хочет, чтобы ты, Максим Александрович, что-то нашел и низвергнул зло.

За прошедшие полтора года Максим периодически перечитывал роман с пометами Витольда. Больше всего его занимало будущее России. Он преклонялся перед пророческим даром писателя, перед его гениальным умением зашифровать в романе события, которые он предвидел.

Какими сложными ассоциациями подводил он читателя к открытию завесы будущего! Для того чтобы приоткрыть эту завесу, сопоставив эпизоды романа с событиями, происходившими в России девяностых годов, необходимо было прожить эти годы в России.

Максим по вечерам садился за компьютер и бродил по просторам Интернета. Искал подтверждения уверенности Михаила Афанасьевича в освобождении России от бесовских оков. Он аккуратно сохранял в своем компьютере любую информацию, которая может пролить свет на эту убежденность Булгакова.

Максим включил стоящий на столе моноблок. Отражение его лица на экране исчезло, сменившись яркой заставкой. Он пересматривал собранные им материалы, где особое место занимали предсказания авторитетных оракулов. Все они говорили об особом пути развития России. О становлении России как сильной и могучей страны. О том, что она положит начало возрождению всего мира.

По словам пророчицы Ванги, в конце концов останется только одна религия — Учение Белого Братства, это древнее учение придет из России и распространится по всему миру.

Максим бегло просмотрел сохраненные файлы.

— Ага, — продолжил он разговор с уже невидимым на ярком экране отражением, — все религии в мире исчезнут, их заменит новое философское учение Огненной Библии. Это будет не новая религия, а именно философское учение. Но каким образом это учение может появиться в России?

А ведь вы, Михаил Афанасьевич, ровно об этом и писали. Если вы смогли увидеть события, которые произойдут через пятьдесят лет, то наверняка увидели и более дальние годы, и поэтому так оптимистично удалили из России сатану и масона Воланда, очистив страну от бесовщины и обозначив путь строительства нового Божьего храма, храма истины, как говорил ваш герой Иешуа Га-Ноцри.

Но как? — продолжал размышлять Максим. — Как можно построить такой храм, когда в обществе царят ложь, насилие и воровство? Куда убрать этих псевдомасонов, чтобы мир отдохнул от них и спокойно

строил свое будущее? Не ожидая, что вот-вот эти злые и эгоистичные люди, образованные и далеко не глупые, затеют новую межрелигиозную или межнациональную войну или решат разделить на несколько частей существующее испокон веков государство. Словно когда-то в детстве они не наигрались в солдатиков.

Он прекрасно понимал, что предсказания — всего лишь предсказания. Но начиная с Парацельса, многие ясновидящие в один голос говорили о расцвете России и появлении на ее земле новой религии, нового учения. Он как ребенок радовался, что Россию ждет прекрасное будущее, что именно она станет великой надеждой для всего мира.

Но вопросы «как?» и «каким образом?» словно тяжелым камнем ложились на окрыляющие надежды.

В раздумьях он прошел на кухню. Ему захотелось выпить кофе и выкурить сигарету. Кофе и сигарета — ничего нет лучше, когда нужно спокойно подумать...

Он прекрасно понимал, что две тысячи лет назад рождение новой религии произошло благодаря Аватару-Спасителю, имя которого Иисус Христос. Подобно назарянину Иисусу, аватарами были Кришна, Зороастр, Будда.

Эти аватары оказали такое мощное воздействие на весь мир, что и сегодня, спустя тысячелетия после того как они существовали среди людей, ощущается их влияние. Они приходили и оставляли после себя изменившийся мир с новыми мировыми религиями.

Ведь для того чтобы были ответы на вопросы «как?» и «каким образом?» должен появиться новый Аватар. Их приход всегда был экстраординарным духовным событием. Они приходили тогда, когда буйствовало зло, во времена глубочайших кризисов. Когда люди чувствовали, что исчерпали собственные ресурсы, когда подходили к черте, за которой сами не в силах были справиться с обстоятельствами

жизни. Тогда единственной надеждой для них становилось появление божественного Посредника, который будет ходатайствовать о них перед Богом и принесет спасение.

И, главное, каждый раз явление Аватара происходило для того, чтобы была восстановлена истина и люди подошли как можно ближе к Богу. Максим задался еще одним вопросом: «А есть ли сегодня Аватар в России?». Пару лет назад, если бы ему задали этот вопрос, он ответил бы отрицательно. Но за последние годы у него с каждым днем росла вера в присутствие такого Посредника в России. Эта уверенность окрепла после того, как он заметил сходство Президента с ликом Иисуса Христа на Туринской плащанице.

Максим давно выкурил сигарету и допил остывший кофе. Ощущение того, что где-то глубоко в мыслях зарождается ответ на поставленные вопросы, ободряло его. Он вернулся в кабинет и сел за письменный стол. Монитор, от долгого ожидания перешедший в режим сна, вновь отражал лицо Максима.

— Да, — привычно обратился он к своему отражению, — эпоха Водолея. Мы ведь еще, чисто астрономически, не функционируем под ее безраздельным влиянием, энергии, которую должен привлечь Водолей, пока не чувствуется. Но каждый год подводит нас все ближе к точке начала подъема России, государства, находящегося под знаком Водолея. Этот астрономический факт знаменует начало новой эры, тогда как эпоха Рыб, связанная с межрелигиозными и межнациональными войнами, тоталитаризмом и духовной стагнацией заканчивается, уступая дорогу новому времени. И совсем другой народ, уважаемый Максим Александрович, — Власов улыбнулся, — становится богоизбранным, и совсем иной жребий будет ему предназначен. Сегодня мы становимся свидетелями начала великого мирового переустройства. Новые принципы и законы уже угадываются в небесных скрижалях.

Многонациональность и многоконфессиональность России может послужить ключом нового философского учения... Воодушевленный прорастающими зернышками мыслей, Максим придвинул клавиатуру и начал печатать.

Глава 23

Открыв глаза, первым делом он посмотрел на часы. Было без четверти два. Еще не совсем проснувшись, Максим принялся высчитывать, сколько он спал. «Шесть часов», — наконец вычислил он и, продолжая лежать, перебирал в уме написанное ночью. Мысли плавно переключились на письмо брата и отсутствие в папке материалов, о которых упоминал в этом же письме Витольд.

— Надо к ней заехать, — сказал себе Максим, вставая с постели.

В половине шестого Власов подъезжал к дому, где жила мать Алены. Он улыбнулся, вчера он заезжал к ней в это же время. Власов специально не стал звонить ей и договариваться о встрече — ему был необходим момент неожиданности. Максим вспомнил своего маленького симпатичного тезку. У него мгновенно возникло желание что-нибудь купить ребенку. Власов развернул машину на площади Суворова, чтобы заехать в «Детский мир».

Рабочий день завершался, и пробки на дорогах увеличивались. В какой-то момент Максим, совершенно не переносивший длинных хвостов перед светофорами, решил отказаться от идеи подарка. Но перед глазами всплыл эпизод, когда Максимка неловко подошел и обнял его. Сердце защемило. Как бы он хотел обнять своего родного сына, ощутить теплый, мирный детский запах.

Симпатия к Максимке взяла верх. Власов решил купить для малыша не просто подарок, а самый лучший подарок.

Прошло чуть менее двух часов, прежде чем Максим вновь подъехал к дому, где жила Людмила Михайловна. Он нашел свободное место и припарковал машину. Как ни странно, это было то же место, что и вчера. Перед ним была дверь в подъезд. Максим вздрогнул, словно кто-то ударил его.

— Как же я пропустил этот момент? — зажмурившись, прошептал он. Он напряг свою память. Вчера вечером, практически в это же время, когда он прогревал машину, в подъезд вошла женщина в темном стеганом пуховике-пальто и вязаной шапочке. Тогда ему показалось, что он где-то уже видел незнакомку. Максим недолго напрягал память: через секунду перед его глазами возникла аллея Ваганьковского кладбища. Первый раз эта незнакомка с белыми розами прошла мимо него, когда он стоял возле часовни. Второй раз он видел ее, когда она возвращалась уже без цветов. Но подойдя к нему совсем близко, в последний момент юркнула в двери колумбария. Максиму тогда это показалось странным. А когда он подошел к могиле брата и увидел там те же белые розы, что несла в руках незнакомка, он спросил себя, кто бы это мог быть.

В беспокойных раздумьях, с большой коробкой, подарком Максимке, он подошел к подъезду. Набрал номер квартиры. Дверь открыли, не спрашивая «Кто?».

— Здравствуйте, Людмила Михайловна, — поздоровался Максим. Лицо Алениной матери резко изменилось. Улыбка исчезла, уступив место мрачному беспокойству.

— М-м, — замялась женщина, — здравствуйте. Простите, я неважно себя чувствую и не могу вас принять.

— Это вы меня извините, проезжал мимо и вот, — Максим протянул внушительную по размерам коробку, — хотел Максимке подарить.

— Ой, ну зачем? Не надо было этого делать.

— Людмила Михайловна, будьте добры. Это же всего лишь детская игрушка.

— Ничего себе игрушка таких размеров.

Максим хотел было занести коробку в квартиру, но женщина стояла в проеме, закрывая вход.

— Можно, я занесу?

Людмила Михайловна задумалась. Через секунду-другую она сделала пару шагов назад. Власов вошел в квартиру, поставил яркую коробку на пол.

— Я действительно не очень хорошо себя чувствую и не могу пригласить вас. Простите.

Власов понял, что поговорить о папке с ней сейчас вряд ли удастся, но все же предпринял попытку завязать разговор.

— Я прекрасно понимаю вас. Людмила Михайловна, вчера...

— Молодой человек, спасибо за подарок ребенку. До свидания.

Раздался звонок домофона. Максим понял, что женщина кого-то ждет.

Все так же не спрашивая «кто», она открыла дверь в подъезд. Затем спокойно открыла дверь в квартиру и повернулась к Максиму. Желание быстро его выпроводить было прямо-таки написано на ее лице.

Максиму ничего не оставалось, как сказать: «Извините, Людмила Михайловна, до свидания».

Удрученный, он подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Двери лифта тут же раскрылись, и из кабины навстречу Максиму вышла та самая незнакомка в черном пуховике. Власов остолбенел. Незнакомка также застыла. Двери лифта за ней закрылись. Они стояли друг против друга на расстоянии вытянутой руки.

Эту женщину Максим видел впервые, но какая-то необъяснимая сила притягивала его к ней. Он видел что-то до боли знакомое в этих нежных чертах лица, но никак не мог понять, что.

Из-под прозрачных стекол очков сверкнула медленно опускающаяся по щеке слеза. Максим всмотрелся в глаза незнакомки. Глаза. Эти глаза Максим не перепутал бы ни с одними глазами в мире. Несмотря на другой цвет волос, короткую стрижку и, скорее всего, пластическую операцию, изменившую лицо, Власов узнал ее.

Максима начало трясти.

Как и полтора года назад, они стояли друг перед другом, и каждый думал о своем. Тогда их разделяла лунная дорожка, светлая и холодная. Сейчас они стояли настолько близко, что ощущали теплое дыхание друг друга.

— Здравствуй, Алена... — сглатывая ком в горле, тихо произнес Максим. Рыдая, женщина упала на грудь Максима. Он ее обнял. Ее еле понятные слова сливались с плачем. Максим не сразу понял, что она говорит. Он старался увидеть ее лицо. Она подняла голову. На него смотрели заплаканные глаза.

— Прости меня. Я не виновата, — сказала она.

— Я знаю, — Максим крепко обнял и поцеловал ее.

Неизвестно, сколько они стояли бы, обнявшись, если бы не звук открывшейся двери. Вздрогнув от неожиданности, Максим с Аленой повернулись в сторону звука. В дверном проеме стояла Людмила Михайловна и недовольно смотрела на них.

— Долго вы еще будете стоять и глаза всем мозолить? Заходите.

Глава 24

Максим и Алена сидели в гостиной на диване и молча смотрели друг на друга.

— Ты поседел, — с грустью сказала Алена.

В ответ Максим лишь улыбнулся.

В комнату вошла Людмила Михайловна.

— Знаю, что вам надо поговорить. Мы с Максимкой пойдем погуляем перед сном. А вы идите на кухню, я там накрыла стол.

— О, я совсем забыл про подарок.

— Вот с прогулки вернемся, вы его сами и подарите ему, — улыбнулась женщина.

Алена, проводив Людмилу Михайловну с ребенком, вернулась к Максиму.

— Пойдем на кухню? — неуверенно предложила она.

— С удовольствием, — согласился Максим.

Власов не переставал рассматривать Алену. Ему необходимо было привыкнуть к ее новому лицу. Непривычным было все, кроме голоса и глаз. Она выглядела существенно моложе. Нос стал меньше, исчезла ямочка на щеке при улыбке, резче стали скулы. Максим невольно задавал себе вопрос, какая из двух Ален ему ближе и симпатичнее.

— Непривычно? — прервала долгую паузу Алена.

— Есть немного, — смутился Максим, отводя глаза.

— Мне тоже поначалу было странно, а потом привыкла.

Наступило молчание. У Максима было слишком много вопросов, на которые он хотел получить ответы. Одновременно он чувствовал, что Алена ждет, когда он ее спросит о самом важном. Он не знал, с чего начать. Оба сидели, опустив головы и не решаясь перейти к более серьезному разговору.

Наконец Алена подняла голову и посмотрела Максиму в глаза. Максим также встрепенулся, ответил на ее взгляд. На щеках Алены блестели слезы. Она тихо спросила:

— Почему ты тогда ушел?

— После той ночной встречи я чуть ли не ежедневно спрашивал себя об этом. И каждый раз винил себя за то, что не дал тебе сказать хоть слово. Но в тот вечер я был уверен, что именно ты отравила и Витольда, и Каратаева.

— А почему сегодня ты сказал, что знаешь о моей невиновности?

— В последние дни многое открылось. Хотя часть вопросов остается без ответа. Но мне бы очень хотелось послушать тебя. Почему ты в ту ночь приходила в мастерскую Артемия Яковлевича? Почему ты подстроила аварию и утопила свою машину? Почему...

— Максим, я боялась, что следующей буду я, — прервала Максима Алена, — я до сих пор боюсь их.

— Кого их? — Максим насторожился.

— Я не знаю. Тех, кто отравил Рудиса и Каратаева.

Алена заволновалась. Чувствовалось, как глубоко в ней сидит страх.

— Успокойся, ты теперь не одна, я рядом.

— Спасибо, — глотая слезы, сказала Алена.

Она встала из-за стола и вышла из кухни. Через несколько минут вернулась. Максим заметил, что она умылась и стала более спокойной, напоминая прежнюю Алену.

— А как у тебя оказалась папка Витольда?

— Это было в тот день, когда он погиб. В начале восьмого должен был начаться спектакль. Мне позвонил Витольд, спросил, где я, я ответила, что в театре. Он попросил меня срочно зайти. Я пришла к нему в кабинет. Витольд был слегка бледен, сидел на диване и держал руку у сердца. Не успела я закрыть за собой дверь, как он сказал мне: «Они ее

убили». Я не поняла. Стала расспрашивать, кто они и кого убили. Он мне: «Времени нет. Слушай внимательно, что ты должна сделать».

Максим напрягся. Он мгновенно сообразил, что, по всей видимости, Маргарита позвонила Витольду, когда ей стало плохо. Иначе о ее смерти он бы не узнал. Витольд, узнав о смерти возлюбленной, решил не бороться и за свою жизнь. Так для себя определил Максим.

— Витольд дал мне фотографию женщины, это была его последняя пассия, Маргарита, я сразу же ее узнала, хоть и видела один раз. Он сказал, чтобы я переделалась во все белое, загримировалась под нее и как можно быстрее пошла в его квартиру. Просил быть максимально похожей на нее. Затем дал ключи от квартиры, сказал, где находится папка, в которой были банковские карточки, пароли и флешка с его электронной подписью. Витольд заранее подготовил ряд адресов, куда я должна была перечислить все деньги с его счетов.

Потом он мне сказал, что в папке есть письмо для тебя и материалы, которое я должна тебе передать. Но после всего, что случилось, я не могла передать их тебе сразу.

— Но в папке было только письмо и его рабочие записи по постановке «Мастера и Маргариты». Материалов, о которых он мне писал в письме, не было. А в папке они были?

— Были.

— А где они?

— Когда он говорил, что мне делать, я видела, что ему становилось все хуже. Я спросила, как он себя чувствует, что с ним. Витольд сказал, что отравлен вином из той бутылки, которую он мне показывал днем.

— Подожди, он тебе показывал отравленное вино?

— Скорее бутылку. Днем, перед тем как он собирался идти домой на обед, я зашла к нему по каким-то делам, сейчас уже не помню, по каким.

На столе стояла бутылка красного вина. Я ему что-то говорила, а он рассматривал бутылку. Потом спросил, хорошее ли это вино? Я взяла бутылку и стала изучать этикетку. Сказала, что вино хорошее, и, надо думать, очень дорогое. Потом я поинтересовалась, почему его интересует красное вино. Он же из-за проблем с желудком не пил красного. Как всегда, когда он не хотел отвечать, Витольд отшутился.

— И он взял эту бутылку с собой?

— Да.

— А он не сказал, кто ему эту бутылку принес?

— Нет.

— А что было дальше? — Максим жаждал узнать все мелочи того злополучного дня.

— Витольд бледнел на глазах. Я взяла телефон, чтобы вызвать скорую. Он меня остановил, сказал, что это бесполезно и что у него осталось несколько минут. Он взял мою руку, поцеловал, попросил прощения. Сказал, что много лет я была его близким другом и помощником. Что при своих больших возможностях он ничего для меня не сделал. Что решил передать мне алмазное кольцо с сережками, которое собирался подарить своей подружке. Он сказал: «Ее больше нет. Видно, не судьба. А ты достойна носить эту красоту». Ты знаешь, если честно, я же сама нашла это кольцо у знакомых антикваров. Драматичная история этого кольца и прежние его владельцы — отдельный разговор. Когда я узнала, что это чудесное творение он намерен подарить своей новой пассии, мне стало обидно. Наши отношения после этого разладились.

Так вот, — продолжала свой рассказ Алена, — он сказал, что дарит мне это кольцо. Я видела, как с каждой минутой ему становилось все хуже и хуже. Я не знала, как ему помочь. Налила воды, дала Витольду стакан, он отказался. Ему становилось трудно говорить. Я расплакалась, обняла его... Он поцеловал меня и сказал: «Иди, не теряй время». Я встала,

подошла к двери, он меня окликнул. Я вернулась и вновь села рядом. Еле слышно, с огромным трудом, он сказал, что нужно, чтобы я из папки вынула материалы, связанные с масонами и не передавала их тебе. Слишком опасно, сказал он, будет для тебя. Затем сказал, что в верхнем ящике его письменного стола находится это алмазное кольцо с сережками и деньги, просил, чтобы я их взяла. Я спросила, что делать с деньгами. А он словно предвидел все события, которые произойдут после его смерти. «Они тебе понадобятся», — с трудом выговорил он. Ты не представляешь, как достойно он держался. Я же химик, знаю, какие невероятные боли человек может испытывать при отравлении. Она опять заплакала.

— Напоследок Витольд мне сказал, — чуть успокоившись, продолжала она, — что я могу довериться только Артемию Яковлевичу, чтобы помнила легенду о ключе Соломона и велел уйти. Вот так, оставив его умирать в одиночестве.

Максиму стало больно.

— Даже умирая, — после долгого молчания сказал Власов, — он не переставал быть режиссером.

— Он был уникален всегда и во всем.

— И ты переделалась и пошла домой к Витольду...

— Да, благо есть костюмерные. Найти необходимую одежду, парик, загримироваться не составляет труда. Я забрала папку, футляр с алмазным гарнитуром, деньги.

Максим с нетерпением ждал объяснения того, почему она забрала из квартиры бутылку отравленного вина и сполоснула бокалы, из которых Витольд и Маргарита его пили. Но Алена не стала говорить об этом. Она рассказала, как в интернет-кафе сделала подготовленные Рудисом перечисления. После чего, позвонив Каратаеву, поехала к нему в мастерскую. Рассказала ему все и попросила спрятать папку. Артемий

Яковлевич не только спрятал папку, указав Алене место хранения, но и дал запасные ключи от своей мастерской.

Максим, слушая Алёну, вспоминал, как они с Каратаевым в театре, в его мастерской пили коньяк и говорили о многом. Вспоминая, он удивлялся сдержанности Артемия Яковлевича, зная от Алёны об отравлении, он ему ничего не сказал. Но намекнул. Перед глазами Максима всплыла обстановка мастерской и слова Каратаева: «Смерть его какая-то нелепая... здоровый мужик, никогда не жаловался на сердце. А в последнее время он вообще помолодел, был безумно влюблен... и нате вам, сердечная недостаточность. Поверьте моей интуиции, Максим, здесь кроется чей-то злой умысел».

— Он, как и Витольд, словно чувствовал приближающуюся смерть, — продолжала свой рассказ Алёна, — говорит, возьми ключи, всякое бывает, если что, ты знаешь, где хранится папка, и всегда можешь прийти и забрать ее.

— Прекрасный был человек. А его-то за что отравили? Кстати, экспертиза показала, что Витольд и Каратаев были отравлены одним и тем же ядом.

— Ты поставил вопрос, которого я больше всего и боялась. Помнишь, в тот день в больнице скончалась Эля.

— Да, конечно, — с горечью вздохнул Максим.

— Я должна была организовать ее похороны. Времени было в обрез, и я пригласила агента из ритуальной службы прийти в театр. Мы в приемной Витольда все с ним обсудили, он оставил договор, преёскурант и ушел. Я несколько минут еще просматривала преёскурант, подсчитывала расходы, а потом подошла к двери, чтобы выйти. И вдруг слышу, как Артемий Яковлевич кроет кого-то матом и говорит: «Это вы его отравили». Притом так уверенно! Чей-то голос ответил: «Артемий Яковлевич, вы пьяны, вам надо отоспаться». Был и

кто-то второй, он хихикал и пару раз сказал: «Ерунда». Артемий Яковлевич их послал, гаркнул, что выведет их на чистую воду и удалился. Пару минут была тишина. Потом первый голос сказал, что его надо немедленно убрать. Я подождала несколько минут, потом вышла из приемной. В коридоре никого не было. Через час Артемий Яковлевич лежал в туалете мертвый. Я еле себя сдерживала. В панике я поехала домой, стала строить планы, как исчезнуть на время. Уже дома вспомнила о папке Витольда и поехала в мастерскую за ней. После рассказа Артемия Яковлевича о портрете женщины в колье я хотела во что бы то ни стало увидеть этот портрет. Ты не представляешь, какая ненависть во мне разыгралась. Ведь именно из-за нее погиб Витольд. Это вино предназначалось ей. То, что он попробовал и выпил глоток, — чистая случайность. Мне так хотелось уничтожить эту дамочку!.. Я завернула портрет, вышла из мастерской и увидела тебя. У тебя было такое страшное лицо! Я поняла, что ты считаешь именно меня виновной в отравлении. Не знала, как тебя объяснить, что я не виновата. И поверишь ли ты мне.

— Ты права. Я так и решил. Из квартиры Витольда пропадает дорогущее колье. Каратаев пишет портрет Маргариты в этом колье. Во время поминок рассказывает о колье и портрете. Через некоторое время Артемия Яковлевича убивают. Я был уверен, что тот, кто украл колье, он-то и отравил Каратаева и должен непременно прийти за портретом. Я готов был убить его... А тут узнаю в темноте тебя, вышедшую из мастерской со свернутым холстом в руках. Что я должен был думать?

— Да, ты прав. Все было против меня. Я представляю, как тебе было трудно. Я наблюдала, какими тяжелыми шагами ты уходил, словно нес непомерный груз.

— Это была не просто тяжесть, это была нестерпимая душевная боль.

— Прости за боль, которую невольно тебе причинила, — мягко сказала Алена, положив свою руку на руку Максима.

— Это ты прости, что ушел, не выслушав тебя.

Они по-детски смотрели друг на друга. Завеса недосказанного и неизвестного приоткрывалась.

— А чьи это были голоса за дверью, ты не определила?

— Первый был очень похож на голос Самураевича, противный такой, второй голос тоже показался мне знакомым...

Она вздрогнула и замолчала. В глазах ее Максим увидел страх: она нестерпимо боялась того человека, которому принадлежал второй голос.

— Это был... — начала Алена после паузы, но вновь остановилась. — Нет, не хочу оговаривать, и тебя вводить в заблуждение. А этого Самураевича я боюсь.

— Можешь уже не бояться. Вчера, он, не справившись с управлением, погиб в аварии.

Максим специально не стал останавливаться на подробностях, связанных со смертью писателя, дабы не пугать Алену еще больше.

Алена широко раскрыла глаза. Она словно ожила после этой вести.

— О покойниках либо хорошо, либо ничего, — Алена отрезала саму возможность неприятного разговора о писателе.

Власов понял, что надо поменять тему разговора и решил задать вопрос, который его волновал и который Алена в своем рассказе почему-то не затронула.

— Алена, а ты знаешь, что в квартире Витольда не было бутылки с отравленным вином?

— Да, — спокойно подтвердила она, — это я взяла бутылку.

— Но зачем? — удивился Власов.

— Витольд же мне сказал, что отравлен вином из бутылки, которую он мне показывал. Я держала эту бутылку в руках. Ты представляешь, Рудис отравлен вином, на бутылке которого отпечатки пальцев Бердниковой. И мотив прекрасный — ревность к новой пассии Витольда.

— И ты решила унести ее...

— Да, я вылила остатки вина в раковину, сполоснула бутылку. Рядом стояли два бокала, в одном было немного вина, я и их сполоснула, от греха подальше.

Максим хмыкнул, история пропажи из квартиры улики отравления оказалась намного проще и банальнее, чем он себе представлял.

Глава 25

За ужином Алена рассказала, как после мастерской Каратаева она приехала домой. Во дворе случайно встретила соседа, работавшего каскадером на киностудии. Разговорившись, она прибегла к его помощи в инсценировке аварии. Сказала, что хотела уехать за границу, так далеко, чтобы никто не смог ее найти. Но вспомнив Рудиса, его последние слова о ключе Соломона, решила быть рядом. Рассказывала, как уехала в Саратов, вышла замуж, поменяла фамилию, сделала пластическую операцию на лице, родила ребенка, развелась и приехала обратно в Москву.

— Ты не представляешь, как мне помогли деньги, которые велел забрать Витольд. Он словно предвидел, как они мне понадобятся.

Из прихожей донесся голос Людмилы Михайловны, что-то говорившей Максимке. Через пару минут в кухне появился ребенок. Он подбежал к Алене и обнял ее ногу. Алена взяла малыша на руки посадила на колени, обняла и расцеловала.

— Ты мое счастье, — радостно приговаривала она.

Максимка повернул голову в сторону Власова, который с доброй улыбкой смотрел на малыша. Вдруг Максимка протянул руки в сторону Власова, показывая, что хочет к нему на руки. Алена передала ребенка Максиму. Малыш мгновенно обнял Максима за шею.

Власов заметил, как Людмила Михайловна прослезилась, отвернулась и вышла из кухни. Что-то непонятное кольнуло Максима, он задумался.

— Алена, а сколько ему уже?

— В феврале нам будет годик, да, мой хороший? — Алена погладила ребенка по голове.

Малыш продолжал сидеть на руках Максима, обняв его.

— А я тебе подарок принес, хочешь посмотреть?

С ребенком на руках Власов вышел в коридор. Свободной рукой взял коробку. Проходя мимо гостиной, он заметил, как Людмила Михайловна вытирает слезы.

«Что заставило ее расплакаться, когда ребенок меня обнял? — подумал Максим. — Вчера ребенок так же подошел ко мне и обнял, после чего мать Алены начала настойчиво меня выпроваживать, ссылаясь на режим. И вот сейчас она плачет. Стоп! Максим... Алена назвала своего сына моим именем. У нас с ней был один вечер и последовавшая за ним ночь».

Максим с маленьким тезкой вернулись на кухню. Он передал ребенка Алене и начал раскрывать коробку. Аккуратно отклеил подарочную бумагу и ленты с бантом и вынул из огромной коробки машину-каталку. — Сынок, посмотри, какую тебе машину принесли, — как ребенок радовалась Алена.

Максим поднял малыша, усадил на каталку и сказал:

— Ну, Максимка, теперь у тебя будет собственная машина.

— Спасибо тебе.

Алена приблизилась и обняла Максима. Он чувствовал себя юношей, впервые прикоснувшись к любимой, так, как это было в тот памятный майский вечер на Воробьевых горах. Он чувствовал, как его завораживают ее темные влажные глаза, упавшая на нежную щеку прядь волос, негромкий бархатный голос. Он ощутил теплое дыхание Алены на своем лице и обнял ее. Губы их соединились в долгом жарком поцелуе.

Внезапно он почувствовал прикосновение маленьких ручек.

Оторвавшись от долгожданного поцелуя и опустив головы, Максим с Аленой одновременно посмотрели на малыша. Максимка вылез из машины и теперь обнимал ноги Алены и Максима.

— Чудный у тебя сынок. Он тоже нас соединяет...

Власов поднял ребенка на руки.

— Он не мой.

Максим вопросительно посмотрел на Алену. Она улыбалась.

— Он наш...

Власов остолбенел. Мучительно-сладкой волной дрожь прошла по телу.

Он хотел что-то сказать, но горло перехватил спазм.

— Максимка, это наш папа... скажи «папа», — Алена погладила сына по голове, поцеловала и повторила, — папа...

— Папа... — прозвучало из детских уст.

Руки Максима начали дрожать. По щекам медленно потекли слезы.

Перед глазами возникла Римма Васильевна, сказавшая ему: «Меня, возможно, уже не будет, но тебя будут называть папой. У тебя будет новая жизнь». Так на себе Максим ощутил силу пророчества. Он крепко обнял сына. Целовал то одну, то другую его щеки, с комом в горле тяжело выговаривая:

— Родной ты мой... Сыночек мой...

Втроем Людмила Михайловна, Алена и Максим дружно накормили маленького Максимку. Власов искупал сына, поиграл с ним и, пожелав малышу спокойной ночи, прошел с Аленой на кухню, оставив бабушку с внуком.

Они все говорили и говорили, словно не могли насытиться общением.

Рассказывали, как жили друг без друга прошедшие полтора года.

Разговор вернулся к папке Витольда. Максим поведал о том, как в квартирах Рудиса и Маргариты искали эту папку, рассказал о причастности водителя Самураевича к наезду на Элеонору Николаевну.

— Ну, наконец-то уснул, — сказала с порога Людмила Михайловна.

— Он всегда так долго засыпает?

— Нет. Просто перевозбудился. Впервые так близко рядом с ним был мужчина. Дорогие мои, — вздохнула женщина, — кровь в воду не превращается. Даже такое крошечное существо чувствует родную кровь.

Глава 26

Днем Максим с Аленой заехали в банк, где в ячейке, скрытой от посторонних глаз, лежали, дожидаясь своего часа, материалы, оставленные Рудисом. Когда они сели в машину, Максим поймал себя на идиотской мысли. Ему впервые захотелось как можно скорее остаться без Алены. Настолько острым было желание поскорее посмотреть материалы, оставленные ему Витольдом. Он отвез Алену на работу и приехал домой. Только после того как ознакомился с их содержанием, Максим позвонил Глебову.

Теперь Андрей сидел за его письменным столом, читал секретные бюллетени планов масонской ложи и время от времени издавал неопределенные звуки.

— И все равно непонятно, ради чего были отравлены и убиты столько людей, — завершив чтение, вздохнул Глебов.

— Ты видишь, кого только нет в этом списке псевдомасонов. Нетрудно догадаться, на чью мельницу они льют воду.

— Да уж. Тут некоторые фамилии в нашей конторе также периодически мелькают.

— Некоторых людей из этого списка я даже знаю лично, и мне никогда в голову бы не пришло, что они члены тайных лож. Признаюсь, я уважал их нестандартные мнения по тем или иным вопросам. А сейчас, вспоминая их речи на телевидении или в прессе, прихожу к выводу, что они все говорят и делают вроде правильно, но где-то все-таки подмешивают свою ложку дегтя. На словах они преданны России, а на деле... Одна фраза, даже одно слово, сказанное ими, словно дурное семя, начинают прорастать в умах многих людей, сбивая их с истинного пути.

— В итоге этой «диверсионной» деятельности мы получаем массу озлобленных, сбитых с толку людей.

— Совершенно точно! К сожалению, большинство оказывается беззащитным перед силами зла. В современном обществе мало кто верит в существование могущественной и прекрасно законспирированной организации, обладающей разветвленной системой вербовки. Разными способами они склоняют людей к нарушению основных нравственных заповедей. Ведь многие не знают, что это не просто заповеди, а законы, управляющие мирозданием. Не солги, не укради, не прелюбодействуй, не убивай...

Соблазны нарушить заповеди бывают у всех. Иначе в нашем мире и быть, наверное, не может. С незапамятных времен идет война добра и зла, и каждый человек, хочет он этого или нет, рано или поздно сталкивается с моральным выбором и должен примкнуть к кому-то: к силам добра или к силам зла. Альтернативы, как говорится, тут нет.

— С точки зрения своей профессиональной деятельности я скажу, что все начинается с малого. Каждый человек с юных лет испытывается многими соблазнами и искушениями. И тут многое зависит от семьи. Если некто с юных лет прибегает ко лжи, воровству, жестокости и подлости, если он позволяет проявляться в своем сознании низким мыслям и чувствам — жадности, зависти, ненависти, — то он поневоле ступает на кривую дорожку служения своим низшим инстинктам. А если в семье нормальное воспитание, то нравственный уровень человека не позволит ему поддаться слабостям. Он будет выбирать в жизни не легкие и преступные, а прямые и честные пути.

— Силы зла, — задумчиво начал Максим, — всегда отступают, как только понимают, что настоящего человека им не сломать и не заманить в свои черные сети.

— Ты знаешь, а мне жалко этих людей из списка Витольда. Это безвольные люди, которые не смогли сказать решительное «нет» своим собственным внутренним слабостям и внешним соблазнам. Уверен,

многие не понимают, что став членами тайных лож, они сделались легкой добычей для сил зла. Как говорится, быть масоном — значит водить дружбу с дьяволом.

— Корысть пока никто не отменял. Смотри, в этом списке люди успешные — как в плане карьеры, так и материального благосостояния. Вместо того чтобы направить свою жизненную энергию на духовно-нравственную эволюцию, они бросились в погоню за деньгами, властью, развлечениями и удовольствиями.

— Вот именно, поддались роковым соблазнам, попадались на удочку сатанистов. Прекрасная реклама с заголовком: «Только для избранных», для тщеславных и самовлюбленных «нарциссов», готовых все продать ради своего «я».

Знаешь, я всегда с недоверием относился к тайным ложам, но теперь, после этих материалов я их просто ненавижу. А самое интересное заключается в том, что эти материалы дали мне возможность приоткрыть завесу «Апокалипсиса» Иоанна Богослова.

— Это серьезная заявка, — усмехнулся Андрей.

— Ведь его Откровение, — продолжал Максим, игнорируя ироничное замечание Глебова, — не что иное, как история борьбы добра и зла. И там же, рассказывая о видении, посланном ему, апостол говорит о том, что заключительное сражение, Армагеддон, будет главной битвой света и тьмы, битвой, где дьяволу суждено поражение. А победа света будет знаменовать начало Новой эры в истории планеты.

Так вот, до сегодняшнего дня я полагал, что Армагеддон, скорее всего, битва между христианами и мусульманами. А сегодня понял, что армией дьявола являются тайные масонские ложи. Ведь именно эти так называемые масоны на протяжении последних двух тысячелетий разжигали войны, поддерживали тиранические режимы, сопровождавшиеся массовыми убийствами. Все революции, репрессии,

любые вооруженные столкновения, сопряженные с массовым кровопролитием, всегда в той или иной степени связаны с деятельностью масонских лож. Эти псевдомасоны одинаково ненавидят всех — и христиан, и мусульман, и буддистов. Взяв на вооружение дьявольские обряды и поклоняясь темной силе Люцифера, они ненавидят всех, кто верит в Бога, в Единого Отца Небесного.

Яркий пример — политика США в руках вечно спорящих, воюющих и одновременно дружащих масонских кланов Ротшильдов и Рокфеллеров. А насколько абсолютна их власть, свидетельствует тот факт, что любой американец, решивший заняться политикой, прежде записывается в масонскую ложу, причем чаще всего он состоит одновременно в нескольких ложах и тайных организациях. Этих псевдомасонских и тайных организаций там достаточно, причем на любой вкус. Выбирай, что нравится. Только никто не догадывается, что выбор — лишь иллюзия, мастерски созданная силами зла.

Максим вошел в раж. Он яростно жестикулировал, словно борясь с невидимым противником.

— Я не говорю уже о том, что они натворили в Ираке, Югославии, Ливии, Сирии и о том, какие планы они строят в отношении Украины и других несчастных стран. Не говорю о созданной ими экономической и финансовой системе, позволяющей контролировать международные финансовые механизмы, организовывать экономические кризисы, чтобы на беду людей увеличивать свои и без того огромные состояния. Все это тебе известно не хуже меня.

Такое ощущение, что в последние десятилетия американские масоны находятся в предсмертной агонии, предчувствуя свой конец на поле Армагеддона. И смех и грех видеть, до какого цинизма они дошли.

Сделали президентом созданной ими страны темнокожего «собрата». Видимо, надеются, что это поможет им собрать темные силы в войне со

светлым, чистым, духовным и божественным. Но это последние конвульсии темной силы, она обречена. У Виктора Гюго есть замечательные слова: «Когда народ забывает Бога, Бог посылает на землю бедствия».

Посмотри в зеркало и попробуй изменить видимое в нем изображение без того, чтобы поменять образ, который оно отражает. Ты этого никогда не сможешь сделать. А эти псевдомасоны пытаются поступить именно так. Вот почему у них ничегошеньки не получится!

— Кстати, — заметил Андрей, — я слышал, что кто-то из предсказателей давно еще говорил, что сорок четвертый президент Соединенных Штатов будет темнокожий, и этот президент будет последним. Максим улыбнулся. Он отлично знал это предсказание слепой ясновидящей бабы Ванги.

— Хочется верить. По большому счету, роющий яму рано или поздно сам в нее попадет. Не вечно же будет везти этим псевдомасонам.

— Максим, а почему вы этих масонов периодически называете псевдомасонами?

— Как тебе объяснить... Институт масонства начинается с Древнего Египта. Жрецы Амона, по моему мнению, и есть основатели масонских лож. Современные так называемые масоны не чета древним жрецам Египта. Единственное, что связывает основателей масонства с нашими современниками-масонами, это пирамиды.

Если посвященные жрецы с давних времен использовали пирамиды, как хранилище знаний, полученных ими в наследство от Атлантиды, то у современных масонских лож пирамида имеет только культовое значение.

— А почему у них пирамида изображается со срезанной вершиной?

— Думаю, это олицетворение посвященности, поскольку там были спрятаны от посторонних глаз знания. Обладатели символа пирамиды

со срезанной вершиной подчеркивают, что хотя для многих пирамида стала символом, закрытым от всех и от всего, — для них она приоткрыта, и что они обладают знаниями, некогда хранившимися в пирамидах.

— Эти пирамиды всегда были таинственными артефактами. В них же никто так и не побывал. Никаких научных изысканий там не ведется, это не разрешено.

— Да, ты прав, — уже более спокойно сказал Максим. — Присоединение Египта к владениям Александра Македонского, затем Римское владычество, не говоря уже о приходе в Египет ислама, заставило жрецов — посвященных хранителей знаний — «законсервировать» пирамиды. И сделали они это довольно умело. Ни римляне, ни византийцы, ни мусульмане на протяжении многих веков не придавали пирамидам особого значения. Гигантские сооружения рассматривались всего лишь как элемент пейзажа. Долгие годы жрецам удавалось сохранить пирамиды как хранилище знаний и уберечь их от чужих глаз. С тех далеких времен любого, кто пытался проникнуть в тайны пирамид, ждала жестокая смерть, списываемая на «проклятие фараонов».

Глебов молчал. Максиму показалось, что Андрей не слушает, что его мысли заняты чем-то другим. Он внимательно посмотрел на него.

— Я слушаю, это очень интересно, — словно прочел мысли Максима следователь.

— Вообще, диву даешься, уважаемый Андрей Федорович, — Максим чуть повысил голос, — когда прикасаешься к истории жрецов Амона. О них, конечно, мало что известно. Но даже эти крупницы информации дают возможность судить о созданной ими системе знаний. Они разбирались в явлениях и движущих силах природы, законах жизни. Не говоря уже об астрономии, ведь по расположению звезд жрецы определяли, будет ли

засуха или разлив Нила, они предсказывали судьбу человека, события его жизни. А чего стоит тот факт, что именно астрологи-жрецы Древнего Египта точно установили продолжительность года в 365 дней. Но не это определило мое отношение к древнеегипетским жрецам как к первым масонам.

Жрецы учили, что судьба души зависит от ее земной жизни. В Древнем Египте верили, что благочестивые души попадают в царство блаженных, а преступные души — в ад, охраняемый страшными демонами.

Описания ада, которые давали жрецы, действовали довольно устрашающе.

Думаю, тебе не надо объяснять, каким может быть уровень преступности и нравственности в обществе, подверженном этим страхам. Кстати, христианская церковь, уча о бессмертии души, так и не добилась поголовной нравственности христиан.

— Да, Египет всегда славился как страна чудес. Кстати, хотел спросить вас про упомянутую Атлантиду. Может быть, жрецы ничего и не устанавливали, а всего лишь использовали оставленные атлантами знания...

— Вполне вероятно... Источники говорят, что могущественная цивилизация атлантов по уровню научно-технического развития во много раз превосходила современное человечество. Как писала Елена Блаватская в своей «Тайной доктрине», уцелевшие после катаклизма атланты передали первым арийцам свои познания в алхимии, минералогии, геологии, физике и астрономии. Но, увы, атланты передали не только знания и умения, — ведь само зло в виде падшего ангела, сознательно противодействующего добру, появилось на Земле именно во времена Атлантиды.

— В таком случае жрецы, как вы говорите, истинные масоны, были хранителями не только добра, но и зла. Они выпустили зло. Так чем они лучше современных масонов?

Максим задумался. В самом деле, он непомерно идеализировал жрецов Амона. Ему вспомнился рассказ Алексея Ивановича о Хазарсифе, посвященном жреце и масоне. Ведь именно он, убив надсмотрщика, совершил и второе преступление, приоткрыв для будущих поколений унаследованное Атлантидой зло.

— Слушай, Андрей Федорович, — после недолгого молчания сказал Власов, — а не желаешь ли ты коньяку? С кофе?

— Кофе — нет уж, спасибо, сегодня на работе перепил. А вот от коньяка не откажусь.

Максим вышел из кабинета, оставив гостя сидящим за столом перед компьютером.

Через несколько минут Власов вернулся с подносом в руках. Он разместил на журнальном столике бутылку, коньячные бокалы и блюдце с дольками лимона, посыпанными сахарным песком и молотым кофе. Разливая коньяк, он заметил, что Андрей с головой ушел в компьютер.

— Вы извините, — оправдываясь, сказал Андрей, — я случайно мышку передвинул и экран загорелся, а тут смотрю — интересное что-то.

Максим взглянул на монитор. Там был написанный им текст о новом философском учении, способном объединить людей разных вероисповеданий и национальностей.

Максим хотел передать бокал с коньяком из рук в руки, но внимание Глебова полностью было захвачено текстом. Он поставил бокал на стол. Затем переставил тарелочку с лимоном с журнального на письменный стол. Взял свой бокал.

— Ну что, Андрей Федорович, я вижу, тебя поглотил мой опус...

— Сейчас, одну секундочку, — Андрей читал.

Максим ждал, пока Глебов дочитает. Ему было интересно, что скажет Андрей по поводу его размышлений.

— Да-с, Максим Александрович, вы это откуда взяли?

— Ты мне скажи, интересная точка зрения?

— Интересная, но мне кажется, идея несколько утопична. Различные народы и народности объединить под одним началом, это я еще могу себе представить, но объединить различные конфессии... Вы хотите предложить новую религию?

— Скорее новое философское учение, направленное на духовное объединение людей. Ну а почему бы нет? Вспомни Советский Союз. Была же создана реальная общность людей.

— И что мы получили в результате...

— Хм, — улыбнулся Максим, — давай выпьем.

Они чокнулись, сделали по глотку, закусили лимоном.

— Ого, однако, вкусно, — прокомментировал Глебов.

— Но это же было, — вернулся к начатому разговору Максим.

— Было. Но где оно теперь?..

— Дело в том, что принцип-то правильный, но атеизм, взятый как идеологическая основа, дал масонам возможность использовать межрелигиозные и межнациональные противоречия. Дерево было посажено, и оно могло расти и приносить свои плоды, если бы не вбитый клин.

— Значит, дерево такое было. Попробуйте вбить клин в дуб-великан...

— Ну, скажем, за семьдесят лет дуб-великан не вырастет. Основная проблема была в отходе от Бога. Сегодня можно поражаться, как ученые с мировым именем все чаще говорят и верят в существование Бога, Высшего Разума. Война, объявленная темными силами против живущих

на нашей планете народов, может быть выиграна у них только истинной верой в Единого Отца Небесного.

— Допустим, я согласен. Философское учение, о котором вы пишете, достаточно серьезно. Но как? Каким образом, если миром через тайные организации правят темные силы? В их руках мощная финансовая система. Федеральная резервная система, подконтрольна не американскому правительству, а этим негодьям с их печатным станком. Ничем не обеспеченный доллар они сделали международной валютой, в силу чего практически все национальные банки различных стран превратились в филиалы ФРС. Диву даешься, как этому печатному станку служат Белый дом и Пентагон, ЦРУ и НАТО.

Глебов увлекся, словно сел на своего любимого конька.

— В прошлом году я вел следствие по одному банку. Пришлось докапываться до глубины причин, порождающих следствия. И вот что я вам скажу: нынешняя так называемая «рыночная экономика» есть не что иное, как навязанная человечеству хозяевами этого «печатного станка» блефономика. Вы лучше меня знаете, что эта «рыночная экономика» ничего не создает, она как физически, так и духовно низвергает человека, переориентируя его с производства на спекуляцию, безудержное накопление и оголтелое потребление.

— А сколько обмана, — продолжил Глебов, — сколько лжи сеется вокруг! Как им удастся подчинить себе сознание и поведение людей, превратить их в биороботов, поклоняющихся чертовой зеленой бумаге. Андрей в ярости проглотил коньяк, зажевав его лимоном. Максим с едва заметной улыбкой наблюдал за своим бывшим студентом.

— Кстати, по поводу бесовских бумажек, как ты их называешь. Серьезные экономические исследования говорят о том, что экономическая и финансовая система, построенная масонами, исчерпала свой потенциал. У нее нет будущего. Глобализация стала последним

резервом поддержания внешнего благополучия их финансово-банковской системы. Повсеместно используемый в экономике принцип ростовщичества должен быть уничтожен как сатанинский механизм, пожирающий нравственность и духовные силы людей.

Не ростовщичество должно создавать и приносить прибыль кучке человекоподобных авантюристов, а труд и знания, доступные всем народам.

Глебов задумался, грея в руках бокал с коньяком. Внезапно он приподнял его, приветствуя Максима, и залпом допил коньяк.

— А ведь это полностью монтируется с вашими доводами и программой нового философского учения. Но все-таки как это сделать?

— Не волнуйся. У нас в стране Божьей милостью есть Аватар.

— Кто?

— Аватар, ниспосланный Высшим Разумом ради духовного спасения человечества.

— И кто это?

— А ты догадайся с первого раза, — Максим также опорожнил свой бокал и потянулся к бутылке.

— Постойте, это же... — Глебов поднял указательный палец и пару раз ткнул воздух.

— Да, именно он.

— Слушайте, это стратегия, а практически как это сделать?

— Не хочу тебя сегодня грузить, но поверь, у меня уже есть наметки.

Глебов взял свой вновь наполненный бокал и протянул его в сторону Максима. Заметив молчаливое предложение, Власов взял со стола свой бокал.

— За вас! — Глебов поднялся с кресла.

— Спасибо!

— Я буду докладывать руководству об этих материалах. С этой бомбой замедленного действия, не исключая, придется идти на самый верх. Особенно эти списки и записи разговоров, о них обязательно должно быть известно. Думаю, ваши мысли также будут интересны. Вы можете мне это распечатать? — Глебов махнул головой в сторону монитора.

— Интересно стало, — рассмеялся Максим, — нажми на изображение принтера в левом верхнем углу.

Послышался щелчок, принтер стал печатать соображения о новом философском учении.

— Слушайте, я забыл вас спросить, как мать Бердниковой отдала вам эти материалы?

— А материалы не она мне дала...

Глебов вопросительно посмотрел на Максима.

— Мне их сама Алена отдала...

Андрей вытянулся. В его глазах был большой знак вопроса.

— Да, — кивнул Максим. — Та самая Алена Бердникова. Она жива.

Власов рассказал об их встрече, передал рассказы Алены о событиях полуторагодовой давности и изложил свои доводы. Особое внимание Максим уделил одной детали, которой Алена во время своего рассказа не придавала большого значения, хотя этот факт раскрывал имя отравителя. Глебов внимательно слушал, временами переспрашивая и задавая встречные вопросы.

— Вот такие дела, — завершил свой рассказ Максим.

Глебов пребывал в молчаливой задумчивости. Он потянулся к бокалу. Сделал глоток. Взял лист бумаги со списком членов тайных сообществ. Просмотрел.

— Да, точно, он есть в списке. Но хочу заметить, что в списке три фамилии, и все трое слышали, как вы во время фуршета говорили о

папке Рудиса. Один убит, остаются двое, — Глебов показал две фамилии в списке.

— Пару дней назад мне предлагали встретиться в субботу.

— И что вы намерены делать? Вы же понимаете, нам им нечего предъявлять.

— Я это прекрасно понимаю, поэтому непременно хочу поехать. Штерн, когда я был у него в среду, говорил, что в субботу соседи собираются у него попариться в бане.

— Суббота. То есть завтра... — задумался Глебов. — Вам надо бы с ним встретиться пораньше, до того как они соберутся. И самое главное, надо быть очень осторожным. Не забывайте, что после вашей провокации с папкой, одного из своих они убили.

— Но не сами же они его убили...

— А вы уверены, что рядом не окажется какого-нибудь бугая?

— Уверен, — твердо сказал Максим и повторил, — уверен. Они же не догадываются, что я знаю об их причастности к отравлениям, наезду на Элеонору.

— Тем не менее всякое бывает, может случиться непоправимое. Мы вас оснастим микрофоном и будем находиться неподалеку.

— Зачем такие сложности...

— Так надо. И для моего спокойствия. Постарайтесь вывести его на откровенный разговор. Это единственное, за что мы можем зацепиться в дальнейшем.

Глава 27

Максим ехал по Рублево-Успенскому шоссе в сторону поселка, где располагались дачи трех знакомых ему людей, двое из которых были в списке Витольда Рудиса. Морозное чистое небо и красота лесной дороги поднимали настроение. Он хотел вернуться мыслями к утреннему телефонному разговору с Аленой, к вновь услышанному слову «папа» из уст сына, но предстоящая встреча требовала сосредоточенности и не позволяла думать о чем-либо другом. Сзади в микроавтобусе с затемненными стеклами ехал Глебов.

Час назад Максим позвонил Андрею и сообщил, что у него состоялся телефонный разговор и по прежней договоренности его ждут на даче. Глебов и Власов встретились перед выездом из Москвы, у торгового центра. Сев в машину Максима, Андрей провел инструктаж и прицепил ему под лацкан пиджака миниатюрный микрофон.

— Вот вам еще три микрофона, постарайтесь их приклеить в гостиной, в кухне и где получится еще.

— А зачем?

— Я не исключаю, что после вашего разговора он будет с кем-то общаться по этому поводу.

— Все как в заправском боевике, — улыбнулся Максим.

— Только прошу, не лезьте на рожон, не забывайте, в доме может быть кто-то еще. Будьте осторожны и помните — мы рядом.

Власов проехал Барвиху, затем Жуковку. С приближением к Горкам-2 сердцебиение Максима участилось. Он свернул направо, проехал метров двести и остановился. Микроавтобус, ехавший за ним, тоже остановился.

— Что случилось? — мгновенно позвонил Глебов.

— Все нормально. Сейчас поедем. — Максим отключил мобильник, открыл окно и сделал несколько глубоких вдохов.

Подъехав к нужной даче, Максим припарковал автомобиль так, чтобы не мешать проезжающим машинам. Он вышел из машины, посмотрел назад, микроавтобуса не было видно. С дрожью в ногах и учащенным сердцебиением Власов позвонил в дверь, расположенную рядом с воротами.

— Доброе утро, — хозяин дачи с широкой улыбкой встретил Максима на крыльце.

— Скорее уже добрый день, — возразил Власов, вынуждая себя улыбнуться в ответ.

— Пожалуйста, — хозяин пригласил Максима в дом.

Снимая пальто, Максим заметил узкую полочку, где лежали ключи. Он быстро, пока хозяин прошел вперед, достал из кармана один из мини-микрофонов и приклеил его под полку. Переобувшись в тапочки, Власов вошел в гостиную, положил пакет, который держал в руках, в кресло.

— Чаю или кофе с дороги? — донесся из кухни голос хозяина.

Максиму, возбужденному и испытывающему неприязнь к хозяину дачи, ничего не хотелось. Но, вспомнив распоряжение Глебова установить микрофоны в различных помещениях, он отправился на кухню.

— Наверное, чай.

— У меня есть настоящий цейлонский. Сейчас заварю.

Максим присел на один из стульев возле обеденного стола.

Воспользовавшись моментом, когда хозяин дачи заливал в чайник кипяток и стоял к нему спиной, он быстро приклеил микрофон под стул, на котором сидел, и облегченно выдохнул.

Чай прошли пить в гостиную. Максим переложил пакет на низкий журнальный столик, стоящий между двумя креслами и диваном. Они сели с хозяином друг против друга.

Волнение Максима вспыхнуло вновь. Все продуманные накануне варианты построения разговора вылетели из головы. Решив не тянуть

кота за хвост, он достал из пакета кожаную папку и положил на стол. Хозяин дачи к появлению этой папки отнесся на удивление спокойно. Власов ждал реакции, но хозяин дачи спокойно смотрел то на папку, то на Максима. Пауза затягивалась. Наконец хозяин не выдержал:

— Что это?

— Папка...

— Это я вижу. Но что это? — Голос его слегка дрогнул. — Подарок?

— В некотором роде — да.

Максим пристально посмотрел на собеседника, одновременно заставив себя изобразить на лице улыбку.

— Что-то вы загадочно говорите, Максим Александрович.

— Это папка Витольда, которую многие искали и не могли найти, — Власов специально построил предложение двусмысленно.

— Неужели та самая папка с материалами по постановке «Мастера и Маргариты», о которой мы говорили в театре на юбилейном вечере? Нашлась-таки!.. Как писал Михаил Афанасьевич, рукописи не горят. А кстати, откуда она всплыла?

Готовясь к этому нелегкому разговору, Максим рассматривал возможность такого вопроса. Поэтому, не раздумывая, дабы у собеседника не возникли сомнения в его искренности, ответил:

— Вчера днем, придя домой, обнаружил бандероль. Консьержка передала ее мне, сказав, что приходил молодой человек и оставил ее для меня.

Хозяин дачи задумался, затем вскочил и весело сказал, направляясь в сторону кухни:

— Это дело надо отметить.

— Да, нашлась, — Максим стал говорить громче, чтобы хозяин дачи смог слышать его из кухни. — Оказалось, что в папке были не только материалы по постановке...

Одновременно Максим уже практически профессионально приклеил последний микрофон под журнальный столик.

— Коньяк или виски? — спросил хозяин, ставя на стол две бутылки и бокалы.

— Нет, спасибо, я за рулем, достаточно чая.

Максиму показалось, что слова о наличии в папке других материалов не были должным образом восприняты. Он решил еще раз сказать об этом.

— В папке, кроме материалов по постановке, есть еще более серьезные и интересные вещи.

— А что еще? — не сдержался хозяин.

Он протянул руку к папке, но мгновенно, словно его ударило током, отдернул ее.

— Компромат на определенных людей, записи разговоров, инструкции, списки членов тайных организаций.

Максим спокойно посмотрел на собеседника. Тот опустил глаза.

Одновременно с этим Власов почувствовал, что собеседник, зная о компрометирующих материалах, не мог в точности знать, что именно находится в папке. Максим решил этим воспользоваться.

— Ознакомившись с материалами, я понял, что для определенных людей эти материалы все равно что бомба замедленного действия.

Более того, стало предельно ясно, кто из ближайшего окружения мог убить Витольда Рудиса.

Максим сделал паузу в надежде услышать ответ. Но хозяин дачи продолжал сидеть с опущенной головой. Пауза затягивалась. Хозяин потянулся к бутылке коньяка, налил в один бокал. Взял его, поднес к устам и замер, словно раздумывая, пить или не пить. Но через мгновение он резким движением опрокинул все содержимое себе в рот.

— Из-за этих материалов вы отравили Витольда, его подругу и Каратаева?

Хозяин дачи поднял голову. Глаза его встретились с жестким взглядом Максима.

— Это не я...

— А кто? — Максим перешел в атаку. — Убитый вами три дня назад писатель Гарри Самуилович?

Хозяин налил себе еще коньяка и залпом выпил.

— Как ни странно, я предчувствовал, что рано или поздно между нами произойдет этот разговор. Думал, инициаторам буду я, но вот оно как оказалось.

Я прекрасно знаю, в какой грязи мы вымарались. Я всегда говорил и делал то, что от меня ждали, и был таким, каким мне полагалось быть, чтобы получать то, что я хотел. И что теперь? Твои желания становятся целью жизни; все, что противоположно твоим взглядам, воспринимается как абсурд, которого просто не должно быть. Жизнь все-таки парадокс. А с другой стороны, совсем не парадокс. Моя жена постоянно говорит, что в последнее время я сам себе противоречу... «Совесть мучает», — подумал Максим.

— После смерти Витольда, — продолжал собеседник, — моя жизнь повернулась на сто восемьдесят градусов. Вначале я думал, и это пройдет, но вот уже полтора года я не нахожу себе места. Мне все в этой жизни осточертело. Ладно, к делу, буду говорить прямо.

Все началось где-то за год до смерти Витольда. Он, много лет жаждавший поставить «Мастера и Маргариту», стал в узких кругах говорить, что он и ему подобные масоны и есть Воланды. Поначалу это воспринималось как метафора, как некий театральный образ, который он хотел создать. Но потом оказалось, что он имел в виду конкретных людей. Затем он отклонил продвижение ряда проектов, которые приносили реальный доход.

Максим, пытавшийся сохранить спокойствие и не прерывать хозяина, не стерпел:

— Вы что, занимались еще и бизнесом?

— Если это можно назвать бизнесом... Витольд имел обширные связи в верхах. Зарубежные компании, работающие или желающие работать на российском рынке, сталкивались с различными законодательными и бюрократическими препонами. Мы с Витольдом лоббировали интересы этих иностранных компаний, готовых выкладывать миллионы не только для решения проблем, но и ради встречи с властью имущими. Некоторых, из своих, при удобном случае продвигали на серьезные должности. У каждого из нас была своя роль. Ведь для многих чиновников не имеют значения ни интересы западных компаний, ни интересы собственной страны. Естественно, нет и таких понятий, как патриотизм, любовь к родине. Для них главное, чтобы деньги текли не ручейками, а полноводными реками. Вот этим мы и пользовались. Этот коттедж, дом в Лондоне, квартира дочери в Америке, я что, на свою зарплату их купил? Мне и трех жизней не хватило бы.

— И Витольд ударил по самому дорогому, притоку денег...

— Да! Он стал раз за разом отсекал подобные предложения. Мне лично было все равно. Как говорится, на мой век мне хватало. Но шумиху поднял этот прохвост Гарри. Предложил познакомить Витольда со своей знакомой. Не знаю, как это произошло, но Рудис по уши влюбился в эту Маргариту. Витольд — старый ловелас, он всегда быстро влюблялся и быстро остывал. А тут он действительно полюбил. Я не исключаю, хотя и не слишком верю во всякие привороты и заговоры, что не обошлось без черной магии со стороны Гарри. Он был любителем подобных экспериментов.

— Но какая связь между знакомством с Маргаритой и вашими барышами?

— Когда Витольд передавал подарки и крупные суммы денег этим высокопоставленным чинушам, случалось, он записывал их разговор, на всякий случай. Со временем, знаешь ли, люди имеют свойство меняться и забывают, кто они на самом деле и кем были до того. А компромат всегда дает возможность ставить их на место. Пару раз Витольд в гневе пригрозил: все вы у меня вот где — и показал кулак. Мы знали, что у него есть компрометирующие материалы, но не знали, какие, на кого, в каком объеме и, самое главное, где он их хранил. Поэтому Гарри предложил все разузнать, подослав ему женщину, которая бы работала на нас. Вот тогда-то и появилась эта Маргарита. Спустя месяц, может полтора, после их знакомства, Гарри мне и еще одному из наших братьев сообщил, что Маргарита подтвердила наличие интересующих нас материалов. Она рассказала, что Витольд хранит все это в старой кожаной папке-портфеле, но досконально посмотреть эти материалы ей якобы не удастся.

Он вновь взял бутылку.

— Может, все-таки...

— Только чуть-чуть.

Максиму претило пить с человеком, замешанным в убийстве близких ему людей. За все это время он к чаю даже не прикоснулся, хотя выпить горячего чая ему очень хотелось. Но в этой ситуации он понимал, что для откровенного разговора нужно выпить с хозяином дачи, а не держаться за собственные принципы. Не чокаясь, они выпили.

— Не понимаю: Витольд ведь не пил красного вина, вы что, хотели отравить только Маргариту?

— Именно так и предполагалось. Витольд нам был нужен. Постоянно появлялись новые «жирные» предложения пролоббировать ту или иную компанию, помочь в решении ряда вопросов. Гарри предложил отравить Маргариту, а Витольда взять на крючок, обвинив в убийстве

любовницы. Но вышло по формуле: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Хозяин замолчал, как будто припоминая что-то. Пару раз он тяжело вздохнул.

— И вы начали поиски папки, — Власов продолжал натиск, — украли у домработницы Витольда ключи, затем с помощью соседа обыскали всю квартиру. Ничего не найдя, отправили водителя Гарри обыскивать квартиру Маргариты. Не найдя там папки, на следующее утро этот же водитель совершает наезд на Элеонору Николаевну, после чего она через день умирает в больнице. Вы думали, что именно эту папку она хочет передать мне. Но оказалось, что это не та папка. Водителя арестовали, а через несколько месяцев не без участия ваших братьев он скоропостижно скончался в тюрьме.

Но трех трупов вам показалось мало. Тем же ядом вы отравили художника Каратаева, вычислившего вас и грозящего вывести на чистую воду. — Максим перевел дыхание. — Убили Алену Бердникову, где-то зарыли, а с машиной устроили аварию, якобы она сама вылетела в реку.

— Каратаев во время поминок уже был пьяный. Говорил что попало, начал орать. Гарри сразу в штаны наложил. Нашел удобный момент и подсыпал яд в бокал. Они сидели за одним столом. А Алену мы вообще не трогали. Эта авария была для нас полной неожиданностью.

— Ну почему же, ведь три дня назад вы бросили в кювет тело Гарри, чтобы смерть писателя выглядела как случайная авария.

— Слюнтяй. Схлопотал пару подзатыльников, и поминай как звали. — Голос хозяина зазвучал увереннее. — Этот пройдоха возомнил себя великим, хотел стать на место Рудиса, использовать его компромат, взять в свои руки все связи и тянуть за ниточки. Уникальная алчность. Три дня назад выяснилось, что он потребовал от Маргариты, чтобы та

во чтобы то ни стало уговорила Витольда попробовать отравленное вино. Мы договаривались убрать только Маргариту, а этот сукин сын решил свою игру играть. После смерти Витольда он больше всех суетился в поисках папки Рудиса. Мы подозревали, что папка у него, слишком уж он распетушился в последний год. Ну а когда на фуршете мы узнали, что папка все-таки была в квартире Маргариты, куда заходил его водитель, которого он тоже отравил — послал ему кое-что в передаче, — нам стало ясно, что папка все это время была у него. Но мы так и не смогли узнать, где она. От испуга остановилось сердце, окочурился, слабак! Я не исключаю того, что этот прохвост застраховал себя папкой. Поэтому после его смерти она и всплыла. Ну, шельмец! Хозяин дачи в очередной раз потянулся к бутылке. Не спрашивая Максима, он наполнил оба бокала. В отличие от хозяина, быстро выпившего коньяк, Максим к своему бокалу не притронулся.

— Получается, злодей-отравитель не кто иной, как Гарри. И вы ему отомстили.

— Да! Как говорил Гамлет, приходится быть жестоким, чтобы творить добро.

— Не воображайте себя Гамлетом... — последние слова хозяина вывели Максима из себя. — Пусть Гарри отравил вино в бутылке и убил Каратаева. Но ведь бутылку-то Витольду утром принесли вы. И о том, что Эля должна была передать мне папку Витольда, тоже знали только вы. Вы подслушивали у двери. Вас видели, Сергей Сергеевич.

Не надо непременно быть Нероном или царем Валтасаром для того, чтобы стать приспешником Сатаны. Если бы не было таких алчных, властолюбивых, склонных к погоне за чувственными удовольствиями людей, темные силы, занимающие верхушку пирамиды, вряд ли могли бы создавать армии себе подобных. Пойдя на компромисс с совестью

однажды, вы не замечаете, как с каждым разом становитесь все большим подлецом, рабом воли этих самых темных сил.

Вы утвердили лицемерие, как основу жизни. Вы продолжаете плести паутину и производить пауков наживы. Вы открыли ларец человеческих пороков. Вы усеяли землю, подобно Ясону, зубами дракона и повсеместно получаете всходы своего черного алчного войска, забывая о том, что достаточно одного камня, брошенного в середину этих всходов, чтобы это войско перебило само себя.

Кстати, есть еще один парадокс. Когда я смотрел список предполагаемых актеров и их ролей в папке Витольда, был удивлен силой его предвидения. Роль Азazelло Витольд отдал вам.

Максим смотрел на собеседника: перед ним сидел сильно сдавший старик. Старческими были веки, тяжелые, прикрывающие уставшие глаза.

Еще пару минут Максим смотрел на Сергея Сергеевича, в надежде что-то услышать в ответ. Но тот молчал, в глубоком раздумье склонив голову с застывшим взглядом.

Максим поднялся, взял пресловутую папку Рудиса и вышел в прихожую. Через минуту из гостиной донесся голос Штерна.

— Максим.

Власов подошел и встал в проеме двери, разделяющей холл и гостиную. Штерн смотрел на Максима неожиданно теплым взглядом.

— Максим, — повторил он, — всегда говори то, что чувствуешь, и делай то, что думаешь.

Глава 28

Власов вышел из коттеджа, вспоминая, все ли он сказал, что хотел. Проиграл в памяти предполагаемые варианты беседы. Его не покидало ощущение чего-то недосказанного. Он сел в холодную машину. Включив зажигание, посмотрел на градусник. Было двадцать три ниже нуля. Прогрев машину, он проехал вдоль длинного забора и свернул налево. За поворотом стоял знакомый микроавтобус с затемненными стеклами. Максим остановился за ним. Из автобуса никто не вышел, это удивило и обеспокоило его. Подождав пару минут, он подошел и открыл дверь. Глебов в наушниках с напряженным лицом сидел перед аппаратурой и внимательно слушал.

Андрей рукой подал знак молчать и пройти в машину. Власов послушно опустил на ближайшее свободное сидение. Внимание сидящего рядом молодого мужчины было также приковано к тому, что звучало в надетых на голову наушниках. Сзади сидели трое грозного вида мужчин в черной спецназовской форме.

«По всей видимости, что-то захватывающее происходит в доме Штерна. Интересно, что за разговор транслируют приклеенные мной микрофоны?» — размышлял Максим.

Власов сидел, стараясь не двигаться, не создавать лишнего шума. Он смотрел на Глебова, стараясь по выражению его лица что-нибудь уловить из разговора в наушниках. Но лицо Глебова было непроницаемым. Приподняв бровь, следовательно бесстрастно смотрел в одну точку.

Время словно остановилось. Внезапно Глебов вскинул вверх руку с вытянутым указательным пальцем.

— Кто из них выстрелил? — разорвал тишину молодой человек в наушниках. — Ага, понятно...

— Быстро к дому, — резко скомандовал Глебов.

Машина рванулась вперед. Не успела она остановиться, как спецназовцы с автоматами в руках пронеслись мимо Максима, на ходу открывая дверь. Следом за ними выскочил Глебов.

Выскочив из машины, Максим увидел, как один из спецназовцев изнутри открыл калитку, впуская в усадьбу всех остальных. Власов недоуменно посмотрел на высокий, более двух метров забор, не понимая, как спецназовец так быстро преодолел это препятствие.

Власов быстро подошел к калитке. Не успел он сделать шаг на территорию дачи, как на его плечо легла чья-то рука. От неожиданности Максим вздрогнул, ноги мгновенно стали ватными. Он медленно повернулся, сжимая ладони в кулаки.

— Подождите, — спокойным голосом предложил молодой человек, минуту назад сидевший в машине рядом с ним, — пусть ребята сначала проверят.

Они стояли возле калитки. Максим нервно посматривал на часы. Минут через десять в дверях коттеджа появились спецназовцы. Спокойным размеренным шагом они шли к калитке.

— Чисто, — бросил один из них, поравнявшись с молодым человеком.

— Ну, теперь и нам можно, Максим Александрович.

Власов зашел в дом вторым. Миновал знакомую прихожую. Из гостиной был слышен голос Глебова, диктовавшего кому-то адрес дачи. Войдя в гостиную, Максим остолбенел. На полу лицом вниз лежал человек в овечьем тулупе. Вокруг него была огромная лужа буро-красного цвета. Максим напрягся, пытаясь угадать, кто это. Он сделал шаг в сторону лежащего. Наклонился, чтобы увидеть лицо. Но голова была покрыта вязаной шапкой, а лицо повернуто в другую сторону.

— Проходите, только осторожно, — Глебов завершил свой разговор по телефону и обратился к Власову.

— Он мертв? — Максим поднял глаза на Андрея.

— Да, оба.

Максим оглянулся. Только сейчас он заметил полулежащего в кресле Сергея Сергеевича. Штерн словно спал. Лишь небольшое темное пятно на виске явно обозначало отверстие от пули.

— А кто это? — спросил Максим, глядя на лежащего на полу человека.

— Его сосед по даче... — Глебов сделал паузу. — Михаил Дмитриевич, собрат по масонской ложе.

— Как только вы вышли отсюда, Штерн сразу позвонил ему и попросил срочно зайти. А когда вы подъехали к микроавтобусу, он, — Глебов подбородком указал на лежавший в крови труп, — зашел и у них начался очень острый разговор. Ваша речь произвела на Штерна сильное впечатление. Удивительно, но рассказ о Ясоне, посеявшем зубы дракона и бросившем в середину всходов камень, чтобы выходящие из земли воины перебили друг друга, стал пророческим. Штерн убил его, а затем застрелился сам.

Максим, не предполагавший такого исхода, стоял в ступоре посередине гостиной. Он знал Сергея Сергеевича более сорока лет, с тех пор как они с Витольдом учились в театральном училище. Рудиса и Штерна связывало слишком многое. С выходом во взрослую жизнь они были «не разлей вода». Много у них было схожим и в манере общения, и во вкусовых пристрастиях. Этот человек маленького роста и плотного телосложения в любой компании был заводилой... Максим когда-то любил его, почти как второго старшего брата. Если от Витольда Максим частенько чувствовал по отношению к себе некоторый холод, то со стороны Штерна всегда ощущал тепло, понимание, и при первой необходимости Штерн всегда протягивал ему руку помощи.

— А знаете, какими были его последние слова? — обратился к нему Глебов.

Максим покачал головой и перевел взгляд с бездыханного тела Штерна на Андрея.

— Перед выстрелом он сказал: «Нам не место в этой стране. Лучше поздно, чем никогда», — и выстрелил себе в висок. Как ни странно, похоже на прощальное письмо Рудиса.

— Ничего странного. Они ведь дружили.

Из прихожей донеслись голоса и звуки шагов. Максим обернулся. Это была следственная бригада. Чтобы не мешать и не путаться под ногами, Максим обратился к Глебову:

— Я подожду тебя во дворе.

— Хорошо, я не долго.

Максим прогуливался по просторной веранде, вспоминая, как три дня назад они с Штерном жарили стейки. Светило яркое солнце. Кто мог знать...

— Максим, — донесся голос подходящего к нему Глебова, — мне придется задержаться.

— Я могу быть чем-то полезен?

— Нет. Поезжайте лучше домой. Отдохните. Я позвоню.

За рулем своего автомобиля Власов возвращался обратно в город. Не осталось и следа от ненависти к Штерну, зародившейся два дня назад, после того как он вычислил его причастность ко всем убийствам.

Максим мог гордиться тем, что брат и Штерн в конце концов приняли нелегкое для себя решение — отречься от обмана, окутывавшего их сознание долгие годы.

— Да-а, — выдохнув, протянул Максим.

«Мир действительно стал меняться, — размышлял он, — что толкнуло Рудиса и Штерна пересмотреть свои взгляды?»

Размышления прервались, когда Максим заметил в зеркале заднего вида мигание дальних фар машины, идущий за ним. Он перестроился в правый ряд, дав возможность обогнать себя.

— Да-а, — вполголоса удовлетворенно проговорил Максим, протягивая, как обычно, гласную букву. — Как это ни парадоксально, но все началось с булгаковского «Мастера». Мог ли Витольд предположить, что желание поставить спектакль по этому роману кардинально изменит его? Что он почувствует себя Воландом, носителем черной силы?

Подобно герою романа, он, мастер и масон, встретил свою Маргариту и ушел с ней в мир иной. — Максим вздрогнул. — В романе Мастера и Маргариту угостил отравленным вином Азazelло. А Витольда и его возлюбленную — старый друг и собрат по ложе Штерн, которому Витольд предназначил роль Азazelло в будущей постановке.

Нет, это не стечение обстоятельств. Это рок.

Эпилог

Прошло три дня. Мороз, оледенивший Москву, стал ослабевать, сдавая свои позиции теплу. Словно природа вторила душевному состоянию Максима.

Максим и Алена обсуждали планы переезда в квартиру Власова. Их разговор прервал звонок мобильного телефона.

— Да, это я, — ответил Максим. — Очень приятно. Да, есть. Могу. Хорошо. Спасибо.

Лоб Власова покрылся испариной.

— Кто это был? — испуганно спросила Алена, видя, как взволнован Максим.

— Аватар!

— Кто? — с еще большим беспокойством переспросила Алена.

— Аватар. Он ознакомился с моими предложениями и приглашает на встречу...